

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1915.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

Слово о жентъ хананейской и о современныхъ событіяхъ.
Архіепископа Антонія 657—663

Братскій призывъ духовенству Харьковской епархіи. **Архіепископа Антонія** 664—666

Порядокъ Высочайшепроектированнаго Антонія, Архіепископа
Харькова, съ представителями Епископальной Церкви въ Америкѣ.
Архіепископа Антонія 667—689

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви во
общемъ въ Россіи въ частности. (Продолж.). **Проф.-прот. Т. И.
Буткевича** 690—718

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ аполо-
гетическомъ освѣщеніи. (Продолж.). **Проф.-прот. Н. Степ-
лецкаго** 719—782

Очерки по исторіи христіанской иконописи. (Продолжен.).
Прот. П. Сомина 788—797

Школа и общество. **Павла Красина** 798—798

Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней
Руси. (Продолж.). **Н. М. Гальковского**. 794—816

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВОЙ ЕПАРХІИ:

I. Воззваніе. — Разъясненіе Епархіальнаго Начальства. — Отно-
шеніе на имя Его Высочайшепроектированнаго Г. Харьковского Губерна-
тора.—Епархіальныя извѣщенія.—II. Объ отсутствіи патриотизма у
штундо-баптистовъ. **Архимандрита Леонасія**.—Епархіальная хроника.
—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.
—(Стр. 817—838).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 4.

1915.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

- 1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохранивъ апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія управительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплату не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петроградѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

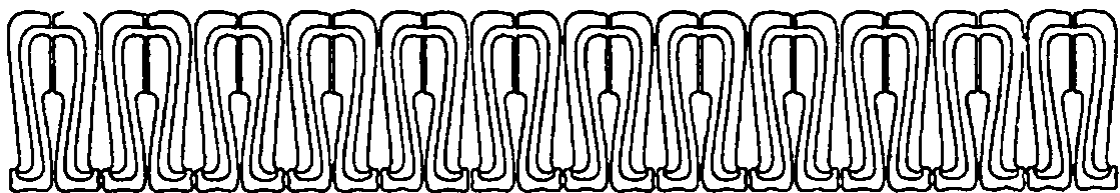
Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полный комплектъ изданій въ 1913 г. въ 3 т. съ перес. За другіе годы экземпляръ журнала можетъ быть полученъ по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ:

СЛОВНО-РАЗУМЪ — трудъ св. Архіепископа Харькова и Ахтырскаго епархіальнаго владыки въ разныхъ мѣстахъ изданный ПИИКА въ 5 томахъ въ 1908 г. Харьковской. Весь чистый текстъ, безъ примѣчаній, выведенъ изъ первоначальной редакціи. Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій епархіальный владыка въ предисловіи къ этому труду высказываетъ свое мнѣніе о необходимости такого изданія.

Ціста: воўман.
Вірою ризумтваемъ.
Евр. XI.

Дозволено, цензурою. Харьковъ, 15 Сентября 1915 года.
Цензоръ Протоіерей Петръ Өомина.

С Л О В О

О ЖЕНѢ ХАНАНЕЙСКОЙ И О СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЯХЪ.

„О жено, велія! вѣра твоя!
буди тебѣ, яко-же хочещи“.

Воистину велика эта вѣра, если ея проявленію удивился Сердцевѣдецъ! Онъ зналъ, что у людей на умѣ и на сердцѣ; Его духовный взоръ сопровождалъ эту женщину отъ ея дома до мѣста встрѣчи съ Нимъ; отъ Него не таились ея уединенныя пламенные молитвы, воздыханія и слезы. Но когда она дважды отвергнутая Его испытующими словами, смиренно сказала: „ей, Господи! ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ“, тогда вострепетало сострадательное сердце, и Всевѣдующій съ изумленіемъ воскликнулъ: „о, жено! велія вѣра твоя, будучи тебѣ, яко-же хочещи“.

Будемъ же и мы, братіе, со смиреніемъ и съ терпѣніемъ молить Господа о своемъ спасеніи и о ближнихъ нашихъ, пребывающихъ въ бѣдахъ, и о нашихъ войнахъ, стоящихъ во вратахъ смерти и о нашемъ отечествѣ, разоряемомъ врагами. Не прекратимъ своей мольбы, если Господь и еще закоснитъ въ ея пріятіи: чѣмъ сильнѣе будетъ испытаніе, тѣмъ обильнѣе благодатный даръ; чѣмъ больше смиритъ

Онъ нашу гордыню, тѣмъ чудеснѣе будетъ Его мощь и избавленіе.

Впрочемъ, на сей разъ не о смиренной женѣ хананейской будетъ наше слово: объ этой учительницѣ всего міра я много говорилъ вамъ прошлый годъ въ сію семнадцатую недѣлю. Въ этомъ году желаю я остановить ваше вниманіе на Христовыхъ апостолахъ. Они, какъ и всѣ іудеи, съ омерзениемъ относились къ язычникамъ. Вмѣстѣ съ Ездрой говорили они: „изъ всѣхъ многочисленныхъ народовъ Ты, Господи, пріобрѣлъ Себѣ одинъ народъ и возлюбилъ его, и далъ ему законъ совершенный, а о прочихъ народахъ Ты сказалъ, что они подобны слюнкѣ, выпущенной на землю“. Прочіе іудеи жестоко осуждали Спасителя за Его милосердіе къ самарянамъ и называли Его бѣсноватымъ самаряниномъ, а когда греческіе язычники просили Андрея и Филиппа представить ихъ Іисусу, то Господь открыто заявилъ, что такое общеніе приблизитъ Его мученическую смерть отъ человѣконенавистныхъ іудеевъ. Почему же на этотъ разъ въ апостолахъ проснулось участіе къ женщинѣ-язычницѣ? Понять не трудно: человѣческія страданія и безпомощное положеніе исполняютъ состраданіемъ и милостью даже враждебно настроенное, но благородное сердце: только проникнутое злобой и ложью сердце Христовыхъ враговъ явилось исключеніемъ изъ этого правила, и когда они увидѣли Христа въ униженіи, то распалаялись еще больше злобой и кричали: „распи Его! кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ“. Не таково было сердце учениковъ Христовыхъ: готовые въ другомъ случаѣ призвать огонь на непокорныхъ самарянъ, они теперь, умиленные вѣрою и смиреніемъ женщины, склоняются къ милосердію своего Учителя и говорятъ:

„отпусти ю, ибо вопіетъ вслѣдъ насъ“. Впрочемъ, не одни блаженные ученики Христовы поступили бы такъ. Всѣмъ людямъ свойственно милосердіе, даже къ безоружнымъ врагамъ, а современные нѣмцы, допускающіе въ отношеніи къ посляднимъ жестокости, возбуждаютъ справедливое негодованіе всѣхъ народовъ. И они достойны такого негодованія, ибо и язычники японцы обращались съ беззащитными плѣнниками благородно и человѣколюбиво, и теперь они являются обличителями просвѣщенной націи, напрасно именующей себя христіанскою.

Но если, братіе, достойны осужденія тѣ, которые не соблюдаютъ человѣколюбія въ отношеніи къ плѣннымъ непріятелямъ и безнаказанно пользуются возможностью ихъ мучить и добивать, то какъ назвать тѣхъ людей, — увы, нашихъ соотечественниковъ, — которые обнаруживаютъ такое отношеніе не къ врагамъ, а къ кому? Языкъ не поворачивается отвѣтить, — къ своему собственному отечеству, къ нашей дорогой родинѣ. Разумѣю тѣхъ ея недостойныхъ сыновъ, которые, какъ злые коршуны, набросились на отчизну, лишь только она стала ослабѣвать подъ натискомъ враговъ. Незванные и непрошенные, слѣтѣлись они тогда вмѣстѣ, подъ предлогомъ попеченія о войнѣ, и на разныхъ съѣздахъ и собраніяхъ стали разрабатывать свои революціонные разрушительные планы, требовать освобожденія и правъ внутреннимъ врагамъ Россіи, умаленія ея Церкви, умаленія правъ ея Монарха, — словомъ, воспроизводить все то, что происходило у насъ десять лѣтъ тому назадъ, но съ болѣею степенью лицемерія и лукавства. Тогда совершенно открыто злорадствовали нашимъ пораженіямъ Японіей; популярныя писатели (Чириковъ) сознавались въ своихъ очеркахъ войны,

что они радовались каждой побѣдѣ японцевъ, а ораторы даже на школьныхъ актахъ восхваляли и превозносили нашихъ враговъ, противопоставляя ихъ Россіи.

То же самое происходитъ и теперь; точно также оправдываются слова Достоевскаго о томъ, что русскій либераль ненавидитъ прежде всего самую Россію; точно также они обнаружили эту ненависть только послѣ нашихъ поражений... Дѣйствительно, гдѣ были они годъ тому назадъ? Что говорили? Что они пѣли тогда? Они говорили, что больше нѣтъ политическихъ партій въ Россіи, что всѣ слились въ одну партію патріотовъ, въ одну партію войны.

Конечно, всѣ, кто поумнѣе, не вѣрили имъ ни въ одномъ словѣ и повторяли съ баснописцемъ Крыловымъ: „я вашу волчью давно натуру знаю“. А если кто изъ прежней оппозиціи былъ искрененъ въ своихъ патріотическихъ проявленіяхъ, такъ это только обольщенные ими юноши; прочіе же внутренніе враги нашей родины только прятались отъ страха, чтобы проснувшійся отъ духовной спячки народъ не началъ съ ними расправляться. Вотъ, почему они тогда заговорили о всеобщемъ объединеніи; вотъ, почему они пѣли: „Боже, Царя храни“... вотъ почему они и теперь стараются представить себя благожелателями арміи, втайнѣ радуясь всякой ея неудачѣ.—Итакъ, кто болѣе заслуживаетъ негодованія: нѣмцы-ли, терзающіе своихъ беззащитныхъ плѣнниковъ, или эти подражатели враговъ Христовыхъ, издѣвавшихся надъ Его страданіями и требовавшихъ смертной казни избитому и израненному Искупителю? Они мутятъ теперь народъ, возбуждаютъ его противъ Монарха, распространяютъ среди него и среди войскъ прокламаціи, надѣясь на то, что народъ нашъ охладѣетъ

къ страдающей родинѣ, какъ предки ихъ руководителей охладѣли къ страдающему Учителю.

Только здѣсь они ошиблись. Нашъ русскій народъ, какъ и ученики Христовы передъ женою хананейкою, еще болѣе располагаются сердцемъ своимъ къ страдальцу, чѣмъ къ побѣдителю. Онъ любитъ свое отечество въ его славѣ, восхищается своимъ Царемъ въ его силѣ, но еще болѣе благоговѣтъ предъ отчизной въ ея подвигѣ и скорбяхъ, еще болѣе готовъ жертвовать собою для Царя, когда онъ въ печали.

Пришло время раскрыть глаза народу на его развратителей, столь лживо выдающихъ свой голосъ за голосъ народа. Вы мнѣ свидѣтели, что во св. храмѣ семь по нѣскольку разъ въ недѣлю говорилъ я поученія за истекшій годъ, и говорилъ только о жизни духовной, о вѣрѣ, о покаяннн, о борьбѣ со страстями, о Божіихъ дѣлахъ и подвигахъ Угодниковъ; но бываютъ особыя обстоятельства, когда нужно указать людямъ и на внѣшнюю опасность. Берегитесь обманщиковъ. А вы, враги вѣры и отечества, знайте, что еще много лѣтъ должны вы продолжать свое развращеніе народа, прежде чѣмъ сдѣлать его такимъ же жалкимъ поклонникомъ не правды, а силы, не добродѣтели, а успѣха, какими являетесь вы, мнимые поборники свободы, а на самомъ дѣлѣ постыдные искатели власти, будучи сами исполнены возрѣній, — самыхъ лакейскихъ, — сказалъ бы я, но не хочу обидѣть лакеевъ, потому что среди нихъ много честныхъ людей, которые никогда не поступятъ своими убѣжденіями. Ваши же души называю рабскими, потому что въ своихъ рѣчахъ, въ своихъ газетныхъ статьяхъ, въ своихъ спорахъ вы совершенно разучились предлагать какую либо мысль, какъ спра-

ведливую, какъ правильную, какъ святую, а только стараетесь доказать, будто она популярна, будто она ведетъ къ несомнѣнному успѣху.

Православный народъ! не слушайся доводовъ людей, отрекшихся отъ истины и манящихъ тебя только выгодой! Православный народъ! оставайся самимъ собою! не слушай ихъ, не только потому, что они вмѣсто успѣха заведутъ тебя въ яму, но и потому; что тебѣ и успѣхъ не любовь и выгода не сладка, если она соединена съ отступленіемъ отъ вѣры, съ измѣной отечеству, съ отверженіемъ совѣсти.

Не робѣй, когда тебѣ екажутъ: „не много останется васъ, преданныхъ вѣрѣ, Царю и родинѣ, а счастливы будутъ тѣ, которые пойдутъ за нѣмцами и евреями“. Отвѣчай такъ: „нѣтъ, насъ очень много: отъ Балтійскаго моря до Великаго океана; но если бы насъ было и очень мало, если бы даже я одинъ остался за Христа, за Россію и за Царя, то и тогда не подчинюся ихъ врагамъ, то и тогда радъ буду пострадать за святую истину!“

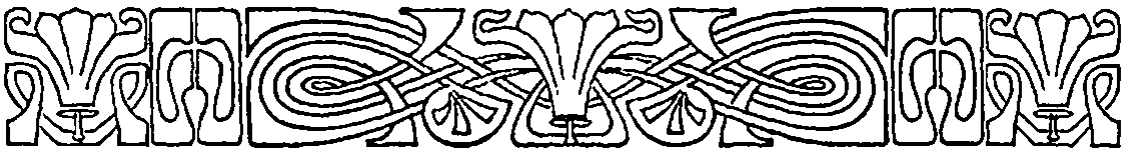
Не напрасно, братіе, мы ежедневно прославляемъ оныхъ блаженныхъ трехъ отроковъ, которые, одни въ цѣломъ мірѣ, не поклонились сѣверному истукану, но посреди огненной печи прославили Тріединого Бога вмѣстѣ съ блаженнымъ ангеломъ, который спасъ ихъ отъ неминуемой смерти. Не напрасно прославляемъ мы св. Максима Исповѣдника, явившаго свое мужество въ темницѣ, когда жестокіе мучители убѣждали его присоединиться къ еретикамъ моноелитамъ, заявляя ему, что уже три патріарха вошли съ ними въ общеніе и причащались вмѣстѣ съ ними. Святой отвѣчалъ имъ такъ: „аще и вся вселенная причастится, азъ единъ не причащуся“.

Говори такъ и ты, христiанинъ, сынъ Россiи: „моя любовь къ Церкви, моя преданность Царю не измѣряется нашими временными успѣхами или неудачами: если суждено намъ скоро одолѣть врага— слова Богу; если суждено подпасть подъ власть нѣмцевъ и евреевъ, и тогда не отступлю отъ православiя и отъ русскаго обычая и не поддамся нашимъ нигилистамъ!“

Вотъ, въ чемъ условiя нашей побѣды, вотъ въ чемъ сила Церкви и народа: грудью впередъ идти за святую правду, не справляясь заранѣе, придется ли съ нею умирать, или побѣждать. Такъ вѣрующiй народъ никогда не будетъ уничтоженъ. Если онъ и подпадетъ подъ вражеское иго, какъ подпали наши предки подъ иго татаръ, но потомъ блестяще одолѣли ихъ: то въ свое время мужественно свергнетъ это иго. Конечно, одолѣемъ мы врага послѣ временныхъ неудачъ; но еслибъ и не одолѣли, все равно не поддадимся вражескому духу, распространяющемуся черезъ внутреннихъ враговъ-революционеровъ отъ самой столицы и по всѣмъ большимъ городамъ. А если не поддадимся, то одолѣемъ врага скорѣе, чѣмъ могли того ожидать, и, быть можетъ, даже досадовать будемъ о томъ, что одолѣли такъ скоро, что мало пострадали за свои грѣхи.

Будемъ же, братiе, терпѣливо и безропотно подвизаться противъ вѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, будемъ держаться вѣры и вѣрности Царю въ смиренiи и терпѣнiи, дабы и намъ сказалъ Господь, какъ оной хананейской женѣ: „велiя вѣра твоя! буди тебѣ, яко-же хочещи“.

Архiепископъ Антонiй.

БРАТСКІЙ ПРИЗЫВЪ ДУХОВЕНСТВУ Харьковской епархіи.

Нашъ народъ горячо отозвался на мое пастырское посланіе о призрѣній бѣженцевъ и по многимъ селамъ единодушно заявлялъ о своей готовности, не только доставлять имъ помѣщенія, о чемъ мы просили, но и пропитывать ихъ своимъ хлѣбомъ и харчами. Если бы тогда же подоспѣло распоряженіе Уѣздныхъ Комитетовъ о составленіи приговоровъ, то конечно всѣмъ бѣженцамъ было бы уготоване и помѣщеніе и хлѣбъ, а казенное пособіе могло бы идти на помощь одеждою и лекарствами. Между тѣмъ въ засѣданіи Губернскаго Комитета 9 Сентября было выяснено, что только три уѣзда заявили, да и то на послѣднихъ дняхъ, о своей готовности открыть теперь же приѣмъ для бѣженцевъ и притомъ весьма медленный—по 150 человекъ въ день; только Волчанскій уѣздъ приготовился болѣе успѣшно. Явленіе это вполне понятное. Въ уѣздѣ бываетъ 100—150 сель и вчетверо, впятеро болѣе дѣвевней; войти такъ быстро въ сношеніе со всѣми ими, не только уѣздъ, но и волость не можетъ. Огромное преимущество въ этомъ отношеніи на сторонѣ священника; преимущество и внѣшнее—возможность говорить съ большею частію своей паствы въ каждый воскресный или праздничный день,—и нравственное—открытость сер-

дець народа предъ своимъ духовнымъ отцомъ и ихъ доступность къ исполненію дѣла, завѣщаннаго намъ заповѣдью евангелія. Еслибы дѣло бѣженцевъ было начато въ приходахъ, то оно увѣнчалось бы быстрымъ и блистательнымъ успѣхомъ, а настоящее положеніе сего дѣла пока довольно плачевное. Въ Харьковѣ скопляется ихъ такое великое множество, что ни кормить ихъ во время, ни доставить ночлега въ тепломъ помѣщеніи нѣтъ никакой возможности. Оборванные, озябшіе подъ открытымъ небомъ, въ долгомъ ожиданіи пищи, стонутъ эти страдальцы, а добрые люди, взявшіеся за ихъ благоустроеніе, съ великимъ и безкорыстнымъ рвеніемъ, буквально сбиваются съ ногъ, и не зная отдыха, всетаки не успѣваютъ во время удовлетворить всѣхъ, потому-что не имѣютъ возможности своевременно направить ихъ по селамъ, ибо не получаютъ отъ Уѣздныхъ Комитетовъ своевременныхъ заявленій.

Благодаря Бога, въ настоящее время можно поправить дѣло, если духовенство дружно за него возьмется. Новымъ, Высочайше утвержденнымъ, положеніемъ о бѣженцахъ разрѣшено устраивать бѣженецкіе комитеты въ приходахъ и получать на нихъ казенное пособіе. Вотъ что гласитъ это Новое Положеніе: § 2. отпустить изъ средствъ Государственнаго Казначейства въ 1915 году въ распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ двадцать пять милліоновъ рублей на беззамедлительное удовлетвореніе настоятельныхъ нуждъ бѣженцевъ и на скорѣйшее устроеніе дѣла по обезпеченію ихъ участи, съ отнесеніемъ сего расхода на чрезвычайные по гражданскимъ вѣдомствамъ кредиты на потребности военнаго времени.

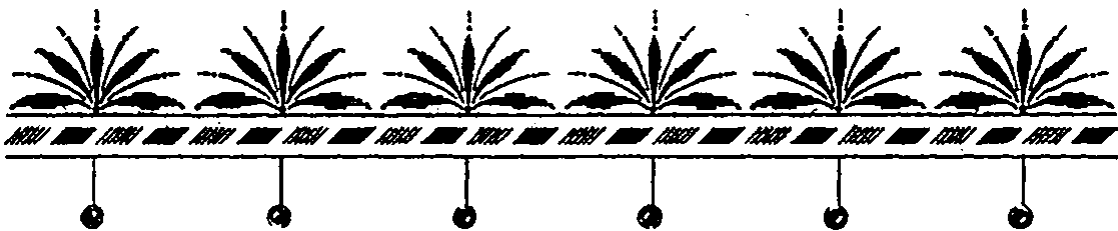
§ 22. Кромѣ того право организовать попеченіе о бѣженцахъ предоставляется всѣмъ православнымъ

приходамъ и прочимъ мѣстнымъ церковнымъ общинамъ, безъ различія вѣры и національности.

Знаю, что многіе священники нашей епархіи давно уже взялись за это святое дѣло и въ нѣкоторые приходы приняли огромное число бѣженцевъ на каждые пять душъ прихожанъ по шестому; такъ-вы близъ Харькова села Ольшана, Уды и т. д. Монастыри нашей епархіи приняли болѣе 1000 чело-вѣкъ. Теперь же, когда намъ предоставлено право собственнаго почина сему святому дѣлу, убѣдительно прошу отцевъ и братій: во всѣхъ приходахъ, куда еще не поступили на проживаніе бѣженцы, устроить приходскія братства по призрѣнію таковыхъ сообразно съ моими указаніями, сдѣланными въ Архипастырскомъ Посланіи, и затѣмъ немедленно увѣдомлять меня и Уѣздный Комитетъ,—а я буду сообщать завѣдующему Харьковскимъ бѣженецкимъ пріютомъ для надлежащаго распоряженія и увѣдомленія васъ о днѣ выѣзда бѣженцевъ въ ваше село. Независимо отъ сего убѣдительно прошу: въ тѣхъ селахъ, куда уже помѣстились бѣженцы, но гдѣ не устроено правильнаго о нихъ попеченія, устраивать таковыя же попечительныя братства, да и самимъ пастырямъ отечески заботиться о нашихъ, Богомъ присланныхъ гостяхъ. Да поможетъ вамъ Господь въ добромъ начинаніи, а въ вашемъ отеческомъ состраданіи къ лю-дямъ я уже успѣлъ крѣпко убѣдиться за 15 мѣсяцевъ своего пребыванія среди васъ.

Архіепископъ Антоній.

ПЕРЕПИСКА

Высокопреосвященнаго Антонія, Архієпископа Харьковскаго, съ представителями Епископальной Церкви въ Америкѣ.

ВТОРИЧНОЕ ПИСЬМО

къ Архієпископу Антонію Секретаря Сѣверо-Американской Конференціи о соединеніи Церквей.

(Переводъ съ французскаго)

12/25 Іюня 1915 года.

Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Антонію, Архієпископу Харьковскому.

Ваше Преосвященство.

Я только что прочиталъ Вашу интересную брошюру въ вѣрномъ переводѣ. Я очень радъ увидѣть здѣсь, что Вы приняли къ сердцу наше предложеніе, что Вы раздѣляете наши симпатіи къ дѣлу единенія христіанъ, что Вы откровенно съ величайшею искренностію изложили Ваши личныя мнѣнія о раздѣленіяхъ, терзающихъ таинственное тѣло Христа, и о самыхъ дѣйствительныхъ средствахъ, благопріятствующихъ прекращенію ихъ. Позвольте мнѣ выразить Вашему Преосвященству мою живѣйшую признательность, какъ за Вашу благорасположенность, такъ и за Вашу откровенность, которая одушевляетъ Вашъ отвѣтъ,—откровенность, сообщающую Вашимъ идеямъ особенно пріятную черту даже тогда, когда Ваши заключенія переносятъ въ атмосферу слишкомъ темную (*très sombre*).

Ничто не могло бы быть болѣе далекимъ отъ цѣли, которую мы преслѣдуемъ, какъ посягать на цѣлостность вѣры въ самой малѣйшей іотѣ, преданной святыми (Іуд. 3). Норльдская Конференція (La Norld Conference) ни у кого не будетъ требовать отреченія отъ своей вѣры. Когда она будетъ созвана, она не предложитъ компромиссовъ, которые имѣли бы цѣлью прикрыть доктринальныя разногласія, поддерживающія раздѣленія въ христіанскомъ мірѣ, не устраняя ихъ. Но мы убѣждены, что много спорныхъ пунктовъ будетъ устранено, когда мы достигнемъ взаимнаго пониманія. Если мы пожелаемъ отречься отъ всякаго упрямства (*opiniatrité*), то Духъ Святой будетъ вести къ совершенной любви Христовой насъ и нашихъ братьевъ, за которыхъ Онъ пролилъ Свою кровь, и тогда мы забудемъ споры, которые создаютъ препятствія къ водворенію царства Христова на землѣ, споры, которые препятствуютъ намъ быть едиными въ таинственномъ тѣлѣ Христа Спасителя. Различіе въ богословскихъ взглядахъ останется, но когда они будутъ изслѣдованы при свѣтѣ вѣры, то они не будутъ казаться намъ болѣе противорѣчащими, мы увидимъ, что они только пополняютъ и освѣщаютъ христіанскую истину съ различныхъ точекъ зрѣнія. Цѣль Норльдской Конференціи достигнуть единенія церквей, благопріятствуя прежде всего познанію того, что мы по англійски называемъ доктринальными положеніями (*les positions doctrinales*) различныхъ церквей и христіанскихъ исповѣданій. Это познаніе требуетъ духа законности и искренности въ тѣхъ, которые обязаны излагать и защищать особья точки зрѣнія своихъ церквей, и я счастливъ констатировать, что Вы, Ваше Преосвященство, подчинились этому основному правилу здраваго смысла (*d'une bonne entente*).

Итакъ, позвольте мнѣ болѣе прямо указать на тотъ духъ, который одушевляетъ организаторовъ Норльдской Конференціи. Я буду Вамъ писать съ полной откровенностью не для того, чтобы преслѣдовать и усиливать богословскія пренія, которыхъ я не могъ бы даже преодолѣть. Я желаю только дать Вашему Преосвященству объясненія на извѣстные пункты, которые оставлять безъ отвѣта невозможно въ интересахъ истины.

Я думаю, что есть духъ христіанской солидарности между всѣми, почитающими Іисуса Христа, Сына Божія, вѣрующими въ божественную миссію Церкви въ мірѣ и въ сверхъ-

естественное дѣйствіе таинствъ. Этотъ духъ солидарности существуетъ вопреки всякимъ богословскимъ разногласіямъ. Таинствомъ крещенія, правильно совершеннаго, мы всѣ входимъ въ духовное царство Христа. Эта христіанская солидарность, утвержденная крещеніемъ, не можетъ быть изглажена и разрушена. Православная Церковь сама это допускаетъ, когда она объявляетъ, что есть въ другихъ христіанскихъ церквахъ христіане, которые принадлежатъ къ таинственному тѣлу Христа и которые не нуждаются во вторичномъ возрожденіи (initiation) для того, чтобы войти въ него. Конечно, можно бы сожалѣть, что нѣтъ полнаго и всецѣлаго согласія въ доктринальныхъ воззрѣніяхъ между послѣдователями различныхъ христіанскихъ исповѣданій; но мнѣ кажется, что православная Церковь своею практикою показываетъ, что она не хочетъ поставить по правую сторону всѣхъ послѣдователей восточнаго православія, какъ однихъ только и единственныхъ наслѣдниковъ имени Христа и полноты Его истины, и повергнуть по лѣвую сторону, какъ гнилыя червоточныя вѣтви дерева, съ аріанами, магометанами и язычниками, всѣхъ христіанъ инославныхъ, которые вполнѣ придерживаются вселенскихъ символовъ христіанской вѣры и молятся у ногъ одного и того же Воплощеннаго Бога, у ногъ одного и того же Распятаго Божества. Безъ всякаго сомнѣнія, есть христіанская любовь, которой мы не должны терять изъ виду даже въ нашихъ сношеніяхъ съ самыми злѣйшими врагами Христа нашего Спасителя, но эта любовь должна быть болѣе активною, болѣе сердечною, болѣе братскою, когда не враги ищутъ нашего сотрудничества, но друзья, которые трудятся для общаго идеала, друзья, которые просятъ насъ забыть наши семейные споры для осуществленія самыхъ дорогихъ завѣтовъ Того, Кого мы всѣ почитаемъ какъ Путь, Истину и Животъ. Если аріане отвергли Божество Христа, то почему тѣ другіе, которые повергаются къ стопамъ Іисуса Христа, Сына Божія, почему они должны быть поставлены наравнѣ съ хулителями божества Христа? Эти послѣдніе не имѣютъ ничего общаго съ аріанами и ихъ ересью.

И позвольте мнѣ сказать, Ваше Преосвященство, что мои идеи—не дурная сорная трава этой европейской культуры, противъ которой Вы направляетъ свои краснорѣчивыя

порицанія. Христіанская вѣра, разъ переданная святымъ, предоставленіе насъ самихъ въ руки Сына Божія, воплощеннаго отъ Святой Дѣвы,—вотъ единственная надежда на единеніе между христіанами. Православная Церковь полагаетъ различіе, ясно отличаемое, между духомъ любви, который долженъ опредѣлять наши отношенія къ христіанамъ, и духомъ любви, который регулируетъ наши отношенія къ христіанамъ. Это различіе, возведенное въ принципъ, Вы найдете во всѣхъ предпріятіяхъ Норльдской Конференціи. Мы не занимаемся тѣми, которые держатъ себя внѣ Церкви, тѣми, которые не согрѣваются лучами любви Воплощеннаго Слова, мы приглашаемъ участвовать въ нашихъ работахъ тѣхъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ невѣрующими и язычниками, тѣхъ, которые объединены во Христѣ. Христіанство проявляется въ томъ духѣ Христовомъ, который служитъ узами единенія между вѣрующими, искупленными цѣною Его крови: оно заключается въ томъ сокровищѣ истинъ, которыя мы приняли изъ Его устъ и которое намъ было предако древнею Церковью: оно живетъ въ томъ духѣ любви, который не ограничивается метаніемъ анаемствованій, но который очищаетъ, убѣждаетъ и оовѣщаетъ.

Итакъ, мы твердо вѣримъ, что, не смотря на всю доктринальную борьбу и враждебныя разногласія, есть духъ христіанской солидарности, который даетъ единственный идеаль братьямъ, раздѣленнымъ различными христіанскими исповѣданіями, идеаль утвержденія и водворенія царства Христова на землѣ.

Я вполне согласенъ съ Вами, Ваше Преосвященство, когда Вы замѣчаете, что есть глубокий раздоръ въ нѣдрахъ христіанства. Я также допускаю, что есть одна только Церковь и что въ этой Церкви Духъ Святыи дышетъ, идѣже хочетъ. Но кажется, это не устраняетъ возможности единенія Церквей. Правду говоря, я не могъ бы допустить, чтобы потому только, что мы не понимаемъ другъ друга по вопросу объ исхожденіи Духа Св., или расходимся въ обрядахъ при совершеніи таинствъ, имѣли бы право метать анаемы на тѣхъ, которые въ этихъ пунктахъ не раздѣляютъ нашихъ точекъ зрѣнія. Ваше Преосвященство допускаете, что слова Иисуса Христа, очень часто цитованныя друзьями единенія, не относятся къ настоящей жизни, но къ торжествующей

Церкви небесной. Безъ сомнѣнія, совершенное единеніе всѣхъ душъ, полное озареніе нашего разума, абсолютное тождество нашего Богопознанія мы будемъ имѣть въ другой жизни. Предъ немерцающимъ свѣтомъ Слова Божія, весь мракъ разногласія и человѣческихъ заблужденій будетъ разсѣянъ какъ небольшія тучи, при славномъ восходѣ солнца. Но Иисусъ Христосъ заповѣдуетъ намъ искать и здѣсь на землѣ осуществленія единенія, которое, не смотря на несовершенства, всегда будетъ служить удѣломъ божественнаго плана искупленія. Онъ молился, чтобы всѣ были едины, дабы міръ видѣлъ, что Отецъ послалъ Его. Міръ, на который указывалъ Иисусъ Христосъ, есть тотъ, въ которомъ мы живемъ, тотъ, въ которомъ мы расходуетъ наши силы въ бесплодной борьбѣ. Если бы мы были всѣ въ Немъ, какъ онъ въ Своемъ Отцѣ, то христіанство было бы универсальнымъ закономъ человѣчества; Слово Божіе царствовало бы въ мірѣ; Его законъ правды и любви былъ бы закономъ всѣхъ душъ; земныя царства стали бы царствами Христа; міръ водворился бы въ нѣдрахъ христіанства.

Это единеніе было предметомъ самыхъ горячихъ чаяній благороднѣйшихъ душъ во всѣхъ церквахъ, которыя, хотя раздѣлены, не переставали принадлежать ко Христу, какъ истинному Главѣ всѣхъ вѣрующихъ, пользовавшихся плодами совершеннаго Имъ искупленія, благодаря Его таинствамъ. Правда, результаты не всегда соответствовали ожиданіямъ, но трудиться для добраго дѣла, даже если наши усилія не имѣютъ непосредственнаго успѣха, значитъ трудиться для дѣла Христова.

Я не могу допустить, чтобы внѣ частной Церкви, какова бы она ни была, было все потеряно въ христіанскомъ мірѣ, чтобы всѣ Церкви, называющіяся христіанскими, въ дѣйствительности являлись бы только трупами, пораженными гангреною. Самъ Фотій, хотя дѣлалъ упреки римской церкви за ея новизны, не думалъ, что западные христіане, подобно іудеямъ, были лишены священства и таинствъ. Византійская церковь была въ полномъ согласіи съ нею, потому что она продолжала свои сношенія съ римской церковью по смерти Фотія до эпохи Керуларія. Римская Церковь прерываетъ свои сердечныя или, по крайней мѣрѣ, дипломатическія сношенія съ греческою Церковью въ 1054 г., но она

продолжала смотрѣть на греческую Церковь, какъ на часть Вселенской Церкви Христовой, и въ свою очередь греческая Церковь по голосу своихъ знаменитѣйшихъ іерарховъ продолжала смотрѣть на латинскую церковь, какъ на общество, въ которомъ источники таинственной благодати не изсякли; греческіе епископы принимали участіе въ западныхъ соборахъ и трудились для прекращенія доктринальнаго конфликта между Востокомъ и Западомъ. Термины единенія церквей—термины употребительные въ византійской теологіи. Лучшие византійскіе писатели, всецѣло осуждая латинскія нововведенія, сожалѣли о бѣдствіяхъ, произведенныхъ раздѣленіемъ церквей и выражали желаніе о возстановленіи христіанскаго единенія. Они были убѣждены, что христіанство, какъ доктрина и внутренняя жизнь Іисуса въ душахъ, не замкнулась оградой въ православной Церкви, но что она еще испускала лучи свѣта во-внѣ и производила плоды освященія и даровозношенія. И Феодоръ Вальсамонъ, великій канонистъ греческой Церкви, свидѣтельствовалъ, что онъ переносилъ тяжкую скорбь въ своей душѣ, когда думалъ о раздѣленіи (χωρισμός) Церквей и онъ искренно желалъ имъ единенія, согласія съ западными.

Новая русская теологія не отказалась отъ этой терминологіи и богословы различныхъ школъ, такіе, какъ епископъ Іоаннъ, А. Лебедевъ, Преображенскій употребляютъ выраженія: соединеніе церквей, (Union des Eglises) и раздѣленіе церквей (séparation des Eglises). Митрополитъ Филаретъ былъ также убѣжденъ, что таинственная благодать не переставала изливаться (de se gerare) въ души членовъ этихъ западныхъ Церквей, которые, совершенно отдѣлившись отъ православной Церкви, сохранили іерархическое преемство, власть для совершенія таинствъ и основные догматы христіанскаго откровенія. И это мнѣніе митр. Филарета такъ глубоко вкоренено въ сознаніе русской православной Церкви, что въ продолженіе пятидесяти послѣднихъ лѣтъ русская іерархія всегда принимала въ соображеніе вопросы единенія, исходили ли они отъ англиканъ, или отъ старокатоликовъ и маріавитовъ.

Ваше Преосвященство съ великою эрудиціею цитуете авторитетныя свидѣтельства нѣсколькихъ соборовъ объ отлученіи отъ церкви Христовой очень значительнаго количества христіанъ, которые по какимъ-нибудь пунктамъ вѣроученія

удаляются отъ неповѣданія православной вѣры. Я допускаю вмѣстѣ съ Вашимъ Преосвященствомъ, что эти спорные пункты требуютъ серьезнаго изученія, что надобно трудиться для разрѣшенія ихъ, или надобно обратиться къ Церкви, которая дастъ рѣшеніе самое сообразное съ священнымъ Писаніемъ и Церковнымъ Преданіемъ. Безъ сомнѣнія, какъ Вы говорите, Церковь едина: догматическія теоріи, формулированныя и санкціонированныя вселенскими соборами, не могутъ и не должны быть отвергаемы. Но я не сомнѣваюсь, Ваше Преосвященство, что Вы вполне согласны съ общимъ собраніемъ Епископальной Церкви Соединенныхъ Штатовъ, когда оно говоритъ: „Мы вѣримъ, что настала часъ, когда представители христіанскихъ семействъ, руководимые Духомъ Святымъ, должны собраться, дабы разсмотрѣть вопросы, касающіеся вѣры и церковнаго управленія. Мы вѣримъ, кромѣ того, что всѣ христіанскія общества согласны съ нами въ желаніи отречься отъ всякаго упорства и облечься смиреніемъ, которое свойственно Нашему Господу Иисусу Христу. Мы должны внимать призыву божественнаго Духа смиренно и искренно. Мы желаемъ соединиться съ нашими братьями—христіанами, изслѣдуя не только то, что намъ принадлежитъ, но также и то, что принадлежитъ инымъ; мы убѣждены, что мы достигнемъ взаимнаго пониманія, принимая взаимныя совѣты въ духѣ братства и любви; мы убѣждены, что такая конференція, которая имѣла бы предметомъ изученіе и изслѣдованіе (discussion), хотя не имѣла бы силы для узаконенія и принятія рѣшеній, была бы первымъ шагомъ по отношенію къ единенію“.

Я вызываю Ваше вниманіе къ тому факту, что я не возстаю противъ тѣхъ преимуществъ въ дѣлѣ истины, которую Вы, Ваше Преосвященство, усвоете православному ученію. Я только настаиваю, что если и представители всѣхъ отдѣленныхъ церквей будутъ стремиться въ духѣ христіанской любви достигнуть взаимнаго пониманія, то Духъ Святой приведетъ ихъ къ познанію вѣры болѣе глубокому, болѣе цѣлостному и совершенному, насколько это возможно, тогда какъ они думаютъ не объ истинѣ, но о заблужденіяхъ своихъ братьевъ. Вотъ, Ваше Преосвященство, нѣкоторыя скромныя замѣчанія по поводу Вашей интересной брошюры. Я ихъ Вамъ изложилъ съ тѣмъ духомъ откровенности, ко-

торая даетъ Вашему отвѣту особенно пріятную черту, несмотря на пессимизмъ, заключающійся въ немъ. Есть, безъ сомнѣнія, резоны для оправданія пессимизма, но не надобно забывать, что церкви очень часто давали поводы къ нему.

Въ извѣстныхъ устарѣлыхъ (*surannés*) канонахъ онѣ видѣли букву, которая убиваетъ, вмѣсто открытаго тамъ духа, который животворитъ. По вопросу о единеніи, который былъ обращенъ имъ душами глубоко религіозными, они отвѣчали, или требуя слѣплаго абсолютнаго и безграничнаго подчиненія авторитету, который не колебались поставить выше Самого Иисуса Христа, или обращая противъ нихъ всегда анаемны съ вмѣненіемъ имъ въ вину самыхъ смѣлыхъ ересей, которыя опустошали Церковь Христову.

Норльдская Конференція будетъ, Ваше Преосвященство, очень далека отъ этихъ крайностей. Она не будетъ ни протестантскою, ни дарвинистическою, ни русскою, ни европейскою. Если подъ протестантизмомъ Вы, Ваше Преосвященство, разумѣете богословскій рационализмъ, который божественное Лицо Христа низводитъ въ простой рядъ смертной твари, или который раздѣляетъ священное сокровище христіанскаго откровенія, то мы можемъ Васъ увѣрить, что мы не имѣемъ ничего общаго съ этимъ протестантизмомъ. Мы христіане, одушевленные самою живою вѣрою въ Божество и въ воплощеніе нашего Спасителя и тѣ, которые подвергаютъ сомнѣнію эти основные догматы, не были бы вмѣстѣ съ нами въ нашей Конференціи. Наша цѣль не состоитъ только въ томъ, чтобы благопріятствовать добрымъ дружественнымъ отношеніямъ, или неопредѣленному духу братства между различными христіанскими церквами. Мы желали бы соединить всѣхъ христіанъ въ таинственное живое тѣло Иисуса Христа, Бога и человѣка вмѣстѣ: Того Христа, Который, по воскресеніи и положеніи въ Своемъ гробѣ, воскресъ славно и торжественно, живетъ бессмертною жизнью и служитъ Главою Церкви.

Мы также думаемъ, что Церковь Христа—едина потому, что Единъ ея Глава—Иисусъ Христосъ. Мы также допускаемъ, что эта Церковь должна имѣть одно *credo* и что она должна быть вообще однимъ и тѣмъ же сокровищемъ догматическихъ истинъ: мы также допускаемъ съ наилучшими православными теологами, что это таинственное единство

Христа не подрывається частними обычаями, или богословскими мнѣніями различныхъ церквей, которые въ общемъ допускають основныя догматы христіанства. Я думаю, что самая трудная проблема при рѣшеніи вопроса о соединеніи церквей состоитъ въ томъ, чтобы знать, входятъ ли, или не входятъ въ категорію догматовъ извѣстныя богословскія мнѣнія, какъ Вы, Ваше Преосвященство, хорошо говорите, рѣшеніе этой проблемы должно имѣть исходнымъ пунктомъ глубокое изученіе христіанской теологіи и ничто болѣе не дѣйствительно для этого изученія, какъ свиданія и сердечныя разсужденія между членами отдѣльныхъ Церквей, какъ взаимный обмѣнъ ихъ христіанскихъ опытовъ, какъ совершенное познаніе ихъ взаимныхъ доктринальныхъ положеній. Истина можетъ много выиграть и нечего бояться этого дружескаго общенія между различными христіанскими церквами. Мы не домогаемся поглощенія одной Церкви другою: мы не домогаемся стереть однимъ почеркомъ пера всякія доктринальныя различія въ отдѣленныхъ церквахъ! Мы согласны съ Вами, когда Вы говорите, что мы должны отрѣшиться отъ нашей національной гордости, отъ нашихъ традиціонныхъ предразсудковъ, отъ нашихъ сектантскихъ взглядовъ, что мы должны подняться къ доктринальнымъ источникамъ первоначальной Церкви для того, чтобы судить и, если надобно, даже осудить извѣстныя новѣйшія христіанскія понятія.

Воодушевленная столь широкимъ духомъ, Норльдская Конференція будетъ вполне христіанскою: она не будетъ прислуживать какой-нибудь сектѣ; она не потребуетъ предварительнаго пожертвованія религіозными убѣжденіями, укорененными съ давняго времени въ различныхъ христіанскихъ церквахъ, которые соединены неразрывными узами Богочеловѣчества Спасителя. Никто не будетъ исключенъ изъ нѣдръ ея, — насколько онъ повергается къ стопамъ Іисуса Христа, Сына Божія, воплотившагося отъ Дѣвы Маріи. Члены различныхъ христіанскихъ церквей не будутъ принуждаемы къ тому, чтобы жертвовать малѣйшею іотой своихъ религіозныхъ вѣрованій, своихъ догматическихъ убѣжденій. Іерархи православной Церкви, легаты папства, пасторы нѣкоторыхъ протестантскихъ церквей, если только они признають нашего Господа Іисуса Христа, какъ Бога и Спаси-

теля, будутъ имѣть возможность принять участие въ ней безъ недоразумѣній.

Коммисіи, утвержденныя въ различныхъ христіанскихъ церквахъ, въ виду соединенія христіанъ, приглашены сотрудничать въ организаци и руководствѣ трудами Конференціи. Американская Епископальная Церковь совсѣмъ не рекламируетъ о чести преобладающаго участія въ этомъ будущемъ собраніи всѣхъ христіанскихъ церквей. Она совершенно не имѣетъ претензій на высшее руководство (direction). Если ея инициатива будетъ имѣть успѣхъ, то ея специальная коммисія сольется съ коммисіями другихъ церквей и исповѣданій въ одну центральную коммисію. Быть можетъ, епископы православныхъ церквей будутъ имѣть первую роль въ этомъ дѣлѣ всеобщаго умиротворенія. Если правда, Ваше Преосвященство, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ мы приглашаемъ, къ несчастію, не состоятъ въ истинной вѣрѣ, то не было ли бы чувствомъ христіанской любви объяснить имъ истинное ученіе и разсѣять ихъ сомнѣнія.

Я увѣренъ, Ваше Преосвященство, что эти объясненія, вызванныя Вашею брошюрою, будутъ достаточны для того, чтобы устранить опасенія тѣхъ, которые стремятся сохранить вѣру своихъ предковъ, какъ перлъ неоцѣненной цѣнности. Глубина Вашего знанія и пылъ Вашей апостольской ревности побудилъ Васъ полюбить наше дѣло,—дѣло, которое истинно заслуживаетъ поддержки русскаго епископства. Норльдская Конференція будетъ въ дѣйствительности призывомъ ко всѣмъ христіанамъ, приглашая ихъ лучше себя познать, принять сотрудничество въ общемъ дѣлѣ, засвидѣтельствовать свою вѣру, установить между собою сердечныя отношенія, приготовить свои доктрины, повсюду разнообразныя, къ изслѣдованію для возможнаго ихъ примѣненія, вмѣстѣ порадоваться вѣрованіями, которыя у нихъ являются общими, провозгласить громогласно, что воинство Христово должно быть единымъ, что Его войны не должны вести борьбу между собою, что духъ Христовъ долженъ быть духомъ мира и единства. Норльдская Конференція не будетъ афишировать претензій на составленіе узаконеній авторитетомъ Соборовъ, рѣшать богословскія разногласія, излагать догматическія опредѣленія. Она будетъ подготовительнымъ дѣ-

ломѣ къ сближенію христіанъ, раздѣленныхъ между собою; она будетъ дѣломъ молитвъ и христіанскаго братства. Она вѣритъ въ возможность дружбы, общенія въ молитвахъ, въ святой энтузіазмъ для единенія душъ, ищущихъ и находящихъ въ Иисусѣ Христѣ озареніе свѣтомъ своего разума и исцѣленіе ихъ. Если все мы съ твердою вѣрою покланяемся божеству Иисуса Христа, то почему мы не могли бы забыть на время наши раздѣленія? Почему мы не могли бы войти въ сношенія какъ братья и вмѣстѣ соединить свои славословія Иисусу Христу? Почему мы не могли бы вмѣстѣ пролить болѣе живой свѣтъ на сокровище христіанскихъ истинъ и сопоставляя и освѣщая съ различныхъ точекъ зрѣнія не въ цѣляхъ прозелитизма, но съ желаніемъ, чтобы истина сіяла во всемъ своемъ блескѣ? Норльдская Конференція не будетъ трибуналомъ, высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, которое изрекаетъ свои анаѣмы, которое поражаетъ еретиковъ: она будетъ обществомъ христіанъ смиренныхъ, корректныхъ, гуманныхъ, которые принимаютъ девизомъ слова Меллера: „взаимное исповѣданіе нашихъ недостатковъ должно предшествовать празднику христіанскаго примиренія“. Они будутъ вѣрить въ возможность примиренія и будутъ ставить своею задачею достигнуть этого молитвою, знаніемъ, любовію, дружбою, общностію стремленій“.

Итакъ, я не думаю, Ваше Преосвященство, что Вы не пожелали бы заинтересоваться дѣломъ, которое воодушевлено духомъ столь явно христіанскимъ и необыкновеннымъ (*surnaturel*). Въ нашей странѣ, странѣ самаго широкаго гостепріимства, есть сотни тысячъ ревностныхъ христіанъ Россіи, которые содѣйствуютъ своею вѣрою защитѣ христіанскаго духа противъ духа невѣрія: есть русскіе епископы, которые трудятся среди нихъ для блага своей паствы: есть заслуженные священники (*cathedrales*), живые свидѣтели русскаго благочестія. Итакъ, русская Церковь морально способна принять участіе въ работахъ, которыя, даже если бы отъ нихъ не ожидалась первая цѣль, усилить духъ христіанской солидарности, прибавятъ новыя силы воинствующему христіанству, скрѣпятъ узы дружбы и любви въ безпредѣльномъ семействѣ душъ, преданныхъ Христу. Она не можетъ устранить конкурсъ интеллектуальныхъ знаній и нравственнаго вліянія душъ, которыя стремятся сдѣлать болѣе спло-

ченнымъ (plus comprate) воинство Христа. Если Богъ далъ Православной Церкви болѣе богатое сокровище благодати и озареній (de lumière), то она должна показать себя благородною по отношенію къ тѣмъ, которыхъ признаетъ болѣе бѣдными. Пусть, говорить Діонисій Ареопагитъ, озаренный свѣтомъ истины, одаренный величайшею духовною проникаемостью, одинаково способный получать и передавать свѣтъ знанія, счастливо переполненный священнымъ блескомъ, пусть разливаетъ его свѣтовыми массами на тѣхъ, которые его достойны; наконецъ, пусть искусный хранитель традиціонныхъ тайнъ совершенства, освящаетъ своихъ братьевъ познаніемъ страшныхъ таинствъ, которыя онъ самъ созерцалъ.

Здѣсь я заканчиваю свое письмо, свое длинное письмо, Ваше Преосвященство. Я стремился Вамъ выразить искреннія впечатлѣнія, которыя я получилъ отъ Вашего интереснаго отвѣта на мое первое письмо. Ваше знаніе, благородство Вашего достоинства, ревность Вашего духа христіанскаго, твердость Вашихъ убѣжденій, дали мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ съ вопросами, которые были вызваны въ моей душѣ чтеніемъ Вашей брошюры, или лучше сказать размышленіемъ по поводу ея.

Я надѣюсь, что послѣ войны буду имѣть честь лично познакомиться съ Вами въ Россіи и выразить Вамъ свою признательность за все то, что сдѣлаете въ пользу нашего дѣла.

Пріймите, Ваше Преосвященство, мое глубокое почтеніе и самыя живыя выраженія моей искренней признательности.

Вашего Преосвященства

преданный слуга,

Секретарь Конференціи

Робертъ Гардинеръ.

Братскій отвѣтъ на вторичное письмо секретаря Сѣверо-Американской Конференціи о соединеніи Церквей.

Ваше письмо, исполненное искренней вѣры во Христа и смиренной терпимости къ противоположнымъ мнѣніямъ, я имѣлъ честь получить около мѣсяца тому назадъ, но дол-

желѣ былъ отказывать себѣ въ удовольствіи своевременно поблагодарить Васъ, пока мнѣ не удалось уединиться на нѣсколько дней въ одинъ отдаленный монастырь, гдѣ меня не тревожатъ цѣлый день люди.

Ваше любезное письмо состоитъ изъ двухъ элементовъ: одинъ касается предметовъ вѣры, а другой—значенія задуманной въ Америкѣ конференціи объ этихъ предметахъ. Послѣднему я вполне сочувствую и конечно нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что устроители этой конференціи воодушевлялись не какими нибудь миссіонерскими цѣлями въ пользу своей церкви, а единственно тѣми благородными и возвышенными задачами, которыя указаны въ призывѣ учредительной комиссіи. Не сомнѣваюсь въ томъ, что при такомъ терпимомъ и просвѣщенномъ отношеніи къ дѣлу могутъ разъясняться нѣкоторыя недоразумѣнія въ различныхъ догматическихъ опредѣленіяхъ церквей, а потому, если я самъ и лишень возможности оставить на долгое время ввѣренное мнѣ дѣло и отправиться за море, то во всякомъ случаѣ я съ полнымъ сочувствіемъ благословлю на такое путешествіе тѣхъ изъ моихъ многочисленныхъ духовныхъ друзей, епископовъ, священниковъ, монаховъ и мірянъ, которые обратились-бы ко мнѣ за совѣтомъ по этому дѣлу.

При всемъ томъ я не могу погрѣшить противъ своего убѣжденія и не выразить Вамъ и того основного затрудненія, на которое должна неизбежно наткнуться конференція, если она не поставитъ искомага разрѣшенія нашего интерконфессіональнаго, или между-церковнаго вопроса на совершенно иную почву, чѣмъ это было на прежнихъ собраніяхъ, начиная съ Флорентійскаго собора 15 вѣка.

Въ прошломъ своемъ письмѣ, я, не касаясь дѣла по существу, указалъ лишь на то, что древняя, или, какъ ее называютъ западные, нераздѣленная Церковь (хотя повторяю: Церковь никогда не раздѣлялась и раздѣлиться не можетъ), — что Церковь, объединявшая въ себѣ Востокъ и Западъ, смотрѣла на себя и на отдѣлившихся отъ общенія съ нею совершенно иначе, нежели протестанты и латиняне, а отчасти и русскіе богословы, на которыхъ Вы ссылались. Писалъ я и о томъ, что этотъ взглядъ древней Церкви о пребываніи благодатныхъ даровъ искупленія только въ одномъ обществѣ и о непричастности къ нимъ прочихъ обществъ, именующихъ

себя христіанскими, раздѣлялся не только чадами Церкви, но и всѣми еретическими обществами, а спорнымъ оставался только вопросъ о томъ, въ какомъ же обществѣ находится истинная Церковь, при чемъ всѣ остальные общества мыслились, какъ несущія на себѣ проговоръ Спасителя: „Буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь“.—Эта идея чрезвычайно опредѣленно и твердо была выражена въ догматическихъ опредѣленіяхъ, утвержденныхъ въ Вселенскимъ соборомъ (Карваг. 68 Василія Великаго Первое и VI—95), въ каковыхъ опредѣленіяхъ совершенно отрицается благодатное значеніе таинствъ, какъ у еретиковъ, такъ и у раскольниковъ.

Я старался вовсе воздержаться отъ указанія какихъ либо преимуществъ Церкви православной, а только убѣдить своихъ читателей въ томъ, что въ достопочтенной работѣ современныхъ протестантскихъ богослововъ должно либо устранить принятый, если я не ошибаюсь, старокатоликами и епископалами принципъ: „возвращаемся къ вѣрованію Церкви семи Вселенскихъ соборовъ“,—либо отказаться отъ того взгляда, будто Христова Церковь съ полнотою благодати можетъ одновременно пребывать въ различныхъ религіозныхъ обществахъ, не имѣющихъ между собою общенія въ молитвѣ и таинствахъ въ продолженіи многихъ вѣковъ.

Вы со своей стороны, выражая признаніе авторитета Вселенскихъ соборовъ, какъ-бы сомнѣваетесь въ томъ, что идея о святости Церкви и о безблагодатности всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, является общецерковнымъ догматомъ, и соглашаетесь повидимому подвергнуть такому суровому опредѣленію только тѣ, выдѣлившіяся изъ Церкви общества, которыя отвергали Божество и воплощеніе Господа Іисуса Христа; въ такомъ случаѣ, безблагодатными еретиками можно было бы назвать только арианъ и, съ нѣкоторой натяжкой, послѣдователей Несторія и Евтихія. Но вѣдь въ указанныхъ мною правилахъ чрезвычайно опредѣленно перечисляются не только еретики, но и раскольники, какъ напримѣръ: казары или донатисты, вовсе не искажавшіе ученія вѣры, а вышедшіе изъ послушанія Церкви, только по вопросамъ дисциплины. Не нарушали основныхъ догматовъ вѣры и иконоборцы, отлученные отъ Церкви на VII-мъ Вселенскомъ соборѣ и доставленные Церковью въ тоже положеніе, какъ ариане и монофизиты.

Я въ данную минуту не стараюсь доказать, что въ такомъ отношеніи къ дѣлу Церковь была права; не опровергаю пока протестантскаго ученія о невидимой церкви, но указываю на неоспоримый историческій фактъ общецерковнаго самосознанія древности, выраженнаго и на соборахъ и въ церковной практикѣ съ такою ясностью, что смягчать его, какъ вы это дѣлаете, отвлеченнымъ и въ общемъ смыслѣ весьма почтеннымъ принципомъ: „должно слѣдовать не мертвой буквѣ, а духу“,—совершенно не возможно. Можно, повторяю, сказать, что Вы съ древнею Церковью въ этомъ несогласны, не признаете ея непогрѣшимости, но нельзя закрывать глазъ предъ ея совершенно опредѣленными догматами и канонами: таинствъ у еретиковъ и раскольниковъ она не признавала, а если иногда разрѣшала принимать ихъ безъ вышшняго чинопослѣдованія крещенія и хиротоніи, то это дѣлалось, какъ выражено въ указанныхъ правилахъ, съ миссіонерскою цѣлью, при чемъ въ одномъ таинствѣ покаянія или въ двухъ таинствахъ муропомазанія и покаянія, новообращающимся преподавались и прочіе благодатные дары: крещенія, брака и хиротоніи. Попытки западныхъ и нѣкоторыхъ русскихъ богослововъ представить раздѣленіе, бывшее послѣ Фотія, не ересью и не расколомъ, а опредѣлить ихъ какимъ то невѣдомымъ Церкви терминомъ *инославія*, какъ я уже писалъ, прежде всего не искренни. Правда, Вы указываете одно авторитетное имя Митрополита Филарета, но и онъ не былъ всегда искрененъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ высшимъ сферамъ, гдѣ совершались браки съ протестантами и католиками, безусловно воспрещенные Вселенскими соборами (VI—72 и др.). Напротивъ, когда онъ выражался не принужденно, то устанавливалъ иную точку зрѣнія; такъ, въ нашемъ учебномъ катихизисѣ, имъ составленномъ, имѣется вопросъ: „если Церковь едина, то какъ могутъ существовать отдѣльныя церкви—Константинопольская, Александрійская, Антиохійская, Іерусалимская и Россійская?“ Какъ видите, частями Христовой Церкви авторъ катихизиса признаетъ только церкви православныя.

Итакъ, до сего мѣста своего письма я только разъяснялъ написанное въ первомъ письмѣ, т. е., доказывалъ невозможность соединить полную солидарность съ вѣрова-

ніями Церкви первыхъ семи Вселенскихъ соборовъ при убѣжденіи въ томъ, будто къ Церкви могутъ принадлежать различныя религіозныя общества, ненаходящіяся между собой въ каноническомъ единеніи; и кто все таки держится такого убѣжденія, тотъ долженъ сознаться, что, произнося слова символа: „во едину святую соборную и апостольскую Церковь“,—онъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ разумѣла Церковь, вводящая эти слова въ символъ,—нѣчто совершенно иное, чѣмъ разумѣли всѣ древніе христіане, и именовавшіе себя христіанами, до XVI вѣка.

Теперь продолжимъ свою рѣчь далѣе.—Конечно, напоминая слова Христовы: „Буди тебѣ яко язычникъ и мытарь“,—я далекъ отъ пониманія ихъ въ томъ смыслѣ, чтобы еретикъ и раскольникъ уже совсѣмъ ничѣмъ не отличался отъ язычника. Вѣра во Св. Евангеліе, благоговѣйная любовь и упованіе на Спасителя, желаніе вмѣнить въ соръ все, кромѣ спасенія своей души, борьба со своими страстями, подвигъ дѣвства и даже мученичества,—все это не было удѣломъ однихъ только сыновъ Церкви, но многихъ еретиковъ.

„И при всемъ томъ, Вы не признаете въ насъ пребываніе Христа и благодати“, спроситъ меня армянинъ, католикъ или протестантъ: „неужели я, со слезами призывающій Христа въ свое сердце, такъ же чуждъ Его, какъ іудей, почитающій Его обманщикомъ?“

Отвѣчать на такой вопросъ утвердительно было бы не согласно съ духомъ Евангелія. Вѣдь, еще въ ветхомъ заветѣ Господь открывался иногда не принадлежавшимъ къ Моисееву закону, напримѣръ: Навуходоносору, Валааму и другимъ. Въ чемъ заключается разница между благодатнымъ освященіемъ чадъ Церкви чрезъ таинства и иные способы съ одной стороны, и нравственнымъ совершенствованіемъ любящихъ Христа, но чуждыхъ Его Церкви раскольниковъ и еретиковъ, выразить это съ полною опредѣленностью трудно, какъ трудно опредѣлить разность благодатныхъ дарованій таинствъ: крещенія, миропомазанія и причащенія, ибо катихизическія опредѣленія ихъ представляютъ собою почти тавтологію. Схоластическое богословіе старается опредѣленно выразить разницу между сверхъестественнымъ даромъ благодати и естественнымъ нравственнымъ воздѣйст-

вѣемъ слова Божія внѣ церковной молитвы, но это ему удастся плохо. Несомнѣнно только то, что разница здѣсь глубокая и существенная: ее несравненно лучше моленіяютъ учителя подвижничества, но мы здѣсь не будемъ касаться этой матеріи, а надѣемся вполне убѣдить читателей въ существованіи такой глубокой разности вотъ изъ какого примѣра.—Представьте себѣ язычника, увѣровавшаго во Христа, чрезъ чтеніе св. Библии и св. отцевъ, но не встрѣчавшаго ни одного христіанина. Онъ восторженно прославляетъ Христа въ молитвѣ, умиленно проситъ Его помощи къ исполненію святыхъ заповѣдей Евангелія, служить съ любовью своимъ ближнимъ и съ усиліемъ усваиваетъ имъ и свои убѣжденія, и свою добродѣтельную жизнь. Онъ установилъ среди своихъ единомышленниковъ извѣстную дисциплину, установилъ на основаніи Евангелія чинъ крещенія и причащенія и въ своихъ убѣжденіяхъ о свойствахъ Пресвятой Троицы ничѣмъ не погрѣшилъ противъ ученія семи Вселенскихъ соборовъ. Можете-ли Вы его, его общину, признать частью Христовой Церкви? Можете-ли его священнодѣйствія признать равными тѣмъ, которыя совершаются въ Церкви? Или Вы, встрѣтившись съ нимъ, скажете, что онъ долженъ присоединиться къ той Церкви, которую Вы почитаете за истинную, а иначе всѣ его тайнодѣйствія будутъ безблагодатными?—А если такая община заявитъ, что она, вѣруя правильно, не нуждается ни въ какомъ новомъ благодатномъ освященіи и будетъ по прежнему довольствоваться своею внутреннею жизнью, то Вы признаете это прямымъ отреченіемъ отъ Христовой Церкви.

Вы скажете, что моя аналогія не полная, что та община началась сама собою безъ преемства; но развѣ въ лучшемъ положеніи тѣ общины, которыя начали свою обособленную жизнь отъ лицъ, торжественно отторгнутыхъ отъ церковнаго общенія? А таковы всѣ общины, исключая одной, имѣющей право именовать себя Христовою Церковью,—при чемъ я опять таки не заявляю въ данную минуту претензіи почитать за таковую Церковь нашу, или латинскую, или армянскую, но прошу Васъ еще разъ прочесть приведенную въ моемъ первомъ письмѣ выписку изъ перваго каноническаго правила св. Василія Великаго, и, либо признать, что таковою можетъ быть лишь одна изъ обособленныхъ

религіозныхъ общинъ, именующихъ себя церковью, либо отвергнуть принципъ о желательной солидарности съ Церковью семи Вселенскихъ соборовъ.

Въ качествѣ достаточнаго основанія къ тому, чтобы считать себя членомъ Христовой Церкви, Вы указываете другіе принципы, нежели древняя Церковь, т. е. не общеніе въ молитвѣ и таинствахъ, а признаніе важнѣйшихъ догматовъ Богочеловѣчества и крещенія. Не спору, что эти догматы весьма священны и обязательны для христіанина; но какое основаніе укажете Вы къ тому, чтобы именно этими теоретическими истинами опредѣлялось понятіе сына Церкви? Не будемъ повторять того, что Символь вѣры правильно читаютъ и монофизиты, и моноелиты, и иконоборцы,—укажемъ на то только, что приводимый Вами объединительный принципъ такъ-же произволенъ, какъ протестантскій главный догматъ—(„вѣруй, что ты искупленъ Іисусомъ Христомъ“), и даже уступаетъ послѣднему въ томъ отношеніи, что тотъ существуетъ четыре вѣка, а установленный Вами, быть-можетъ, только четыре года. Что отвѣтите Вы на предложеніе католиковъ замѣнить этотъ принципъ вѣрою въ непогрѣшимость папы или Ричліанцевъ—принятіемъ моральнаго ученія Евангелія, или наконецъ какихъ нибудь новыхъ богослововъ, которые предложатъ ограничиться вѣрой въ будущую жизнь и воскресеніе мертвыхъ, какъ достаточнымъ признакомъ сыновъ истинной Церкви? вѣдь нѣчто подобное и предлагаютъ своимъ слушателямъ нѣкоторые проповѣдники адвентизма.

Напротивъ, принадлежности истинной Церкви насколько не препятствуетъ незнаніе христіаниномъ догматовъ теологіи: лишь-бы онъ съ благовѣйною вѣрою принималъ наставленіе и таинства Церкви, дорожилъ-бы ею, какъ якоремъ спасенія, и старался подавлять свои страсти и открывать свое сердце для воздѣйствія благодати Христовой. „Не было-бы ничего несправедливѣе нашей вѣры“, говоритъ св. Григорій Богословъ, „если-бъ мы почитали достойнымъ спасенія и пребыванія въ Церкви лишь тѣхъ, кто въ совершенствѣ знаетъ догматы“.

Христіанство или жизнь Церкви не есть теоретическое вѣрованіе только, но прежде всего неизмѣнное пребываніе въ живомъ союзѣ Церкви и Христа: не вступивъ въ этотъ

союзъ общенія молитвъ и таинствъ, невозможно почитать себя членомъ Церкви, ни членомъ тѣла Христова. Апостолъ Павелъ указываетъ на единеніе въ таинствахъ, какъ на главнѣйшій опредѣлительный признакъ принадлежности къ тѣлу Христову: „*едина хлѣбъ, едино тѣло семы мнози, вси бо отъ единаго тѣла причащаемся*“ (1 Кор. 10 гл.—17).—Увы, мы причащаемся не отъ одинаго хлѣба съ Вами, и потому изъ различныхъ современныхъ вѣроисповѣдныхъ обществъ только одно составляетъ Христово тѣло, въ чемъ должно сознаться не только послѣдователямъ семи Вселенскихъ Соборовъ, но и тѣмъ, кто вѣруеть въ священное Писаніе. Если-бы признаніе важнѣйшихъ догматовъ почиталось достаточнымъ условіемъ, чтобы быть членомъ Церкви, то возьметесь ли Вы доказывать, что коринтскій кровосмѣшникъ, котораго апостолъ Павелъ приказалъ предать сатанѣ, вѣровалъ неправильно? Напротивъ, изъ посланій къ Коринтянамъ и Тимоею, а равно изъ второго посланія Петра, изъ посланія Іуды совершенно ясно, что принадлежность человѣка къ тѣлу Христову, или же низверженіе его въ царство сатаны опредѣляется не столько его теоретическими убѣжденіями, сколько его общеніемъ съ Церковью, или же потерю такого общенія, причемъ общеніе разумѣется фактическое, какъ общеніе въ молитвѣ и таинствахъ, а не какъ простое единомысліе.

Мнѣ очень грустно, что приходится отстаивать такую точку зрѣнія, огорчительную для протестантовъ, но мнѣ еще болѣе грустно бываетъ видѣть полную безплодность ихъ похвальнаго стремленія къ церковному единенію внѣ этого кардинальнаго вопроса. Я не спорю противъ того, что безпристрастное обсужденіе тѣхъ догматическихъ разностей, которыя насъ смущаютъ, можетъ выяснить ихъ несущественное значеніе или даже привести отдѣльныя общины къ отреченію отъ того или иного ложнаго догмата; но если-бы мы достигли еще большаго успѣха въ примиреніи нашихъ теоретическихъ вѣроисповѣдныхъ разностей, то и тогда нечему было-бы особенно радоваться. Допустимъ даже нѣчто невозможное,—что эти разности будутъ устранены, что на примѣръ либо всѣ вѣроисповѣданія признаютъ непогрѣшимость папы, либо напротивъ, католики откажутся отъ этого догмата, что весь западный міръ отречется отъ *filioque*,

или напротивъ православные признають законность этой вставки: но во всякомъ случаѣ тѣ, которые признають свое прежнее заблужденіе и правоту того религіознаго общества, къ которому они не принадлежали, должны будутъ просить о принятіи ихъ въ истинную Церковь, какъ неправильно вѣровавшихъ, т. е. какъ еретиковъ, или во всякомъ случаѣ, какъ раскольниковъ, фактически непринадлежащихъ къ Церкви, если даже выяснится на конференціи, что ихъ разобщеніе съ Церковью не было сѣдинено съ ложными догматами. Вы пишете: „православная Церковь сама признаетъ, что между христіанами существуетъ единеніе, основанное на таинствѣ крещенія и что это единеніе не можетъ быть изглажено и разрушено. Такъ мыслить православная Церковь, когда она заявляетъ, что существуютъ другія христіанскія церкви и христіане, которые принадлежатъ къ таинственному тѣлу Христову и которые не имѣютъ нужды во вторичномъ возрожденіи (initiation)“.

Позвольте на это замѣтить, что дѣло обстоитъ совершенно иначе. Не хочу ничего доказывать, но не могу скрыть того факта, что православная Церковь принимаетъ въ свое общеніе современныхъ католиковъ, протестантовъ и англиканъ совершенно тѣмъ же чиномъ, какимъ шестой Вселенскій соборъ постановилъ принимать аріанъ и монофизитовъ, а церкви греческія принимаютъ западныхъ черезъ троекратное погруженіе и миропомазаніе, и, что на церковномъ языкѣ религіозныя общества, не имѣющія общенія съ Церковью, христіанскими и христіанами не называются, о чемъ достаточно ясно выражено въ нашихъ канонахъ,—именно: 31 правило Лаодикійскаго Собора и 95 пр. VI Вселенскаго Собора. Все это конечно не препятствовало ни патріарху Фотію, ни Θεодору Вальсамону выражать самыя искреннія сожалѣнія о церковномъ раздѣленіи, но совершенно такъ-же выражались и болѣе древніе писатели и соборы по отношенію къ тѣмъ, которыхъ и Вы именуете еретиками, или раскольниками. Возьмите, напримѣръ, каноническое посланіе Кароагенскаго собора къ донатистамъ; увѣщаніе Златоуста къ аріанамъ или письма строгаго обличителя несторіанства св. Кирилла къ самому Несторію,—и Вы здѣсь не встрѣтите ни какой разницы въ терминахъ сравнительно съ обращеніями повдѣйшихъ писателей къ католикамъ, протестантамъ или

къ русскимъ раскольникамъ. Естественно, что въ подобныхъ обращеніяхъ терминъ „отпаденіе“ замѣняется „раздѣленіемъ“, избѣгаютъ называть собесѣдника еретикомъ или раскольникомъ, уподоблять его Арію или Несторію: но все-таки никакой существенной разницы между отношеніемъ Церкви православной къ древнимъ еретикамъ и ея отношеніемъ къ западнымъ вѣроисповѣданіямъ Вы не укажете.

Я чувствую, что могу навлечь на себя совершенно ошибочное подозрѣніе во враждебномъ чувствѣ къ католикамъ или протестантамъ, въ скрытомъ несочувствіи ко всякой попыткѣ нашего единенія въ вѣрѣ и молитвѣ, но убѣдительно прошу такое подозрѣніе отогнать отъ своей души. Не недостатокъ любви, а напротивъ самое горячее желаніе правильнаго діагноза, а затѣмъ и терапію того недуга раздѣленія, которымъ страдаетъ вѣрующее во Христа человечество, понуждаетъ меня назвать вещи своими именами. Если-бы задуманная конференція вынесла единодушно даже такую резолюцію, что истинная Церковь находится у папистовъ или у англиканъ, а всѣ прочія вѣроисповѣданія должны съ покаяніемъ присоединиться къ этой церкви: то я, хотя-бы и не согласился съ такимъ постановленіемъ, но былъ-бы гораздо болѣе удовлетворенъ, нежели современнымъ положеніемъ этого вопроса, и почиталъ-бы возможность окончательнаго объединенія всѣхъ именующихъ себя христианами болѣе близкою, чѣмъ въ настоящее время: если-бы всѣ вѣрующіе во Христа вернулись къ общему вѣрованію древнихъ христианъ въ то, что только одна, изъ такъ называемыхъ церквей, можетъ быть истинною, то даже при ошибочномъ указаніи большинствомъ такой Церкви, ему легче было-бы исправить свою ошибку и найти подлинную Церковь, чѣмъ при теперешней неопредѣленности и при признаніи какихъ-то полуцерквей, полублагодатей, полуобщенія и т. д.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что хотя я не нахожу никакой связи между предсмертной молитвой Христо-вой и Его обѣтованіемъ объ Единомъ Пастырѣ съ надеждою на воссоединеніе европейскихъ вѣроисповѣданій: но конечно нигдѣ не сказано и того, что раздѣленіе послѣднихъ должно продолжаться до второго пришествія. Изъ предсказаній Спасителя и апостоловъ: Павла, Петра, Іуды ясно, что тогда ра-

спространятся многія ереси, и будутъ попираеть собою истинную вѣру, но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что эти печальныя обстоятельства возникнутъ спустя много лѣтъ, или даже много вѣковъ, послѣ обращенія всѣхъ современныхъ вѣроисповѣданій къ единой истинной Церкви, а потому я радостно привѣтствую всякую попытку къ обмѣну мыслями по вопросу о нашихъ раздѣленіяхъ, но я почиталъ бы необходимымъ непременно ввести въ программу конференціи вопросъ о томъ: усматривается-ли какая нибудь разница между современными раздѣленіями среди вѣрующихъ во Христа и раздѣленіями отъ Церкви древнихъ ересей и расколовъ, бывшихъ до Фотія? Вопросъ этотъ можно ставить не первымъ, дабы избѣжать обостренія преній раньше, чѣмъ между собравшимися установится возможная солидарность въ тѣхъ вопросахъ, которые не разрѣшены окончательно школьнымъ богословіемъ, и разсмотрѣніе которыхъ открыло бы передъ современными богословами совершенно новыя перспективы религіозной мысли, на почвѣ которыхъ члены собранія быть можетъ согласились бы относительно чрезвычайной условности и неопредѣленности тѣхъ понятій, которые они со временъ Ансельма и Аквината стали считать догматами, почерпнутыми изъ Откровенія.

Я разумѣю теорію статисфакціи и въ частности не разрѣшаемый ею вопросъ о томъ, почему Христовы страданія дѣлаютъ меня лучшимъ и болѣе близкимъ къ Богу? затѣмъ вопросъ о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, который разрѣшается чѣмъ то среднимъ между той и другими (Галат. 5, 22—25; не дѣла, а настроеніе души); далѣе догматъ о первородномъ грѣхѣ, который въ его школьномъ изложеніи усваиваетъ Богу родовую мечь, непристойную даже для справедливаго земнаго судьи. Я разумѣю вообще отрѣшеніе христіанскаго ученія о грѣхѣ, объ искупленіи и о спасеніи отъ началъ римскаго и феодальнаго права, которыя оказали на средневѣковую теологію едвали не болѣе вліяніе, чѣмъ священное писаніе и творенія отцовъ Церкви. Этому вліянію въ значительной степени подверглось и русское школьное богословіе середины XVII вѣка черезъ Польшу и Кіевъ, но замѣчательно, что отъ него вовсе не удалось освободиться и самымъ смѣлымъ протестантамъ, столь рѣшительно отвергшимъ авторитетъ Вселенскихъ соборовъ и древнихъ

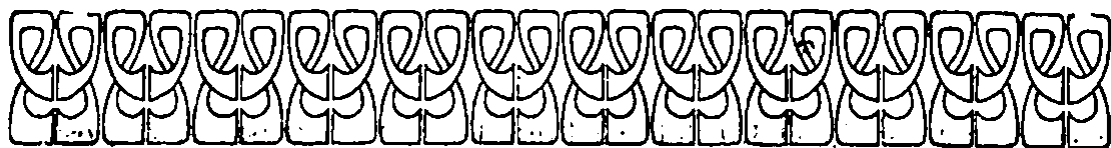
отцовъ, но не сумѣвшихъ отрѣшиться отъ язычника Аристотеля и его католическихъ поклонниковъ среднихъ вѣковъ.

Вообще долженъ замѣтить, что примиреніе исторически опредѣлившихся возрѣній возможно лишь на какихъ либо новыхъ, или вызванныхъ изъ забвенія, идеяхъ; такъ и примиреніе іудеевъ съ эллинами произошло на идеѣ новаго духовнаго, а не потомственнаго Израиля, или даже потомственное, но не черезъ плотское, а черезъ духовное рожденіе. Дай Богъ, чтобы ожидаемая конференція внесла-бы въ богословское сознаніе Европы и Америки новыя синтетическія перспективы, т. е. не вполнѣ новыя, а забытыя богословской схоластикой. Тогда можно надѣяться на широкое раскрытіе тѣхъ тупиковъ, въ которые вогнали себя различныя вѣроисповѣданія. Да содѣлаетъ сіе Господь по усердной молитвѣ всѣхъ вѣрующихъ Его Божественному слову. Ваша удивительная скромность и мягкость души, которую Вы проявили въ своихъ письмахъ, является однимъ изъ благопріятныхъ симптомовъ для осуществленія такой надежды. Вашъ покорный слуга и богомолецъ

Архіепископъ Антоній.

18 Августа 1916 г.

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности.

(Продолженіе *).

5. *Материальное обезпеченіе римско-католическаго приходскаго духовенства.* Какъ мы упоминали уже, въ первенствующей христіанской церкви какъ на Востокъ, такъ и на Западъ на содержаніе духовенства была отдѣляема сначала четвертая, а впоследствии третья часть всеѣхъ приношеній и пожертвованій, которыя были дѣлаемы вѣрующими. Пока не появлялось самостоятельныхъ приходоѡ и пока клирики жили при епископѣ, они пользовались церковными доходами сообща и почти безраздѣльно: только семейнымъ клирикамъ были выдѣляемы такъ называемыя *прекаріи*, т. е., отдѣльныя части церковной земли или иного церковнаго недвижимаго церковнаго имущества для самостоятельнаго пользованія, безъ всякаго однако-же формальнаго акта или договора. Съ учрежденіемъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ приходоѡ на Западѣ появились такъ называемыя *бенефициумы*. Общества, учрежденія и частныя лица, желавшія имѣть у себя при устроенныхъ ими церквяхъ отдѣльныя и самостоятельныя причты, обязаны были предварительно обезпечить ихъ въ достаточной мѣрѣ недвижимыми имуществами или неприкосновенными капиталами, что на языкѣ латинской каноники и называется бенефициумомъ. Къ этому же времени нужно относить и третій источникъ обезпеченія христіанскаго духовенства—приношенія десятины и первенцевъ. Приношенія эти находили для себя оправданія еще въ ветхозавѣтныхъ законахъ, по которымъ каждый еврей, по со-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16 за 1915 г.

вѣсти своей, долженъ былъ отдавать Богу, отъ Котораго исходить благословеніе на всякій честный трудъ, десятую часть отъ всѣхъ прибрѣтенныхъ имъ плодовъ! какъ отъ земли, такъ и отъ животныхъ, съ тѣмъ, чтобы эти приношенія шли отчасти на содержаніе священникамъ, отчасти на дѣла милосердія и благотворительности. Такой же смыслъ имѣло и приношеніе первенцевъ: первое, что человѣкъ получаетъ отъ Бога, онъ Богу долженъ былъ и посвящать. Въ средніе вѣка приношенія десятины и первенцевъ, какъ источникъ содержанія духовенства, были энергично закрѣплены какъ духовными, такъ и свѣтскими властями. Духовные писатели доказывали ихъ законность и обязательность для христіанина въ своихъ сочиненіяхъ, папы и соборы угрожали анаѳематствованіями и отлученіями тѣмъ, которые стали бы уклоняться отъ этихъ приношеній; короли вмѣнили ихъ въ обязанность своимъ подданнымъ законодательнымъ порядкомъ. Прежде всего законы о десятинахъ, по предложенію епископа Гизура (Gizur); были приняты единогласно народнымъ собраніемъ въ Англіи въ 1096 году; затѣмъ они были введены въ Норвегіи королемъ Сигурдомъ Ёрзалафардомъ (Sigurd Jorsalfard), царствовавшимъ въ 1103—1130 г.г., въ Швеціи—въ 1200 году Канутомъ Эриксономъ. Дѣйствіе этихъ законовъ не ограничивалось имуществомъ только частныхъ лицъ, но распространялось на доходы государственные и королевскіе, вслѣдствіе чего католическая каноника стала дѣлить десятины на четыре вида: 1) *decimae regales*, 2) *decimae dominicae*, 3) *decimae salicae* и 4) *decimae rusticanae*. Кромѣ того, вскорѣ въ разныхъ странахъ государственными законами были установлены: „десятины кровавыя“ съ имущества убійцъ, воспользовавшихся правомъ церковнаго убѣжища, „десятины привальные“—съ имущества неизвѣстно кому принадлежащаго, „десятины выморочныя“, „десятины цеховыя“ и т. п. Всѣ эти десятины были сносимы въ назначенное время въ главныя или такъ называемыя „крещальныя“ церкви, а тамъ ихъ дѣлили сначала на три, а потомъ на четыре части особыя лица; по назначенію епископовъ. Одна изъ этихъ частей поступала въ пользу приходскаго духовенства и составляла весьма обильный источникъ его матеріальнаго обезпеченія. Другая часть была отчисляема въ церковную „фабрику“, третья шла на

содержаніе просвѣдительныхъ и благотворительныхъ учреждений, въ томъ числѣ и монастырей. Четвертая часть составляла доходъ епископовъ и давала имъ возможность скоплять такія богатства и окружать себя такою роскошью, что они скоро стали предметомъ зависти даже для многихъ коронованныхъ особъ. Въ настоящее время во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ законы о десятинахъ и первенцахъ отмѣнены или, въ лучшихъ случаяхъ, замѣнены постановленіями о денежныхъ выдачахъ и таксахъ. Раньше другихъ повсюду исчезли „персональныя“ или „цеховыя“ десятины отъ произведеній искусства и промышленности, которыя съ самаго начала состояли только въ денежныхъ взносахъ. Дольше другихъ держались законы о „кровавыхъ десятинахъ“. Въ Англіи они отмѣнены парламентомъ только въ 1818 году. Впрочемъ, въ видѣ народнаго обычая во многихъ мѣстностяхъ еще и въ настоящее время прихожане дѣлаютъ своему духовенству приношенія, называемыя „десятинами“ и „первенцами“. Въ Россіи „десятины“ и „первенцы“ (новъ, новина), какъ источникъ содержанія римско-католическаго духовенства, еще существуютъ; но, по русскимъ законамъ, взысканіе ихъ судебнымъ или административнымъ порядкомъ не дозволяется (зак. 14 декабря 1865 г.)¹⁾. Наконецъ, какъ на четвертый источникъ матеріальнаго обезпеченія римско-католическаго духовенства, извѣстный съ древнѣйшихъ временъ также и въ Православной Церкви, нужно указать на вознагражденіе за личные труды духовенства при требоисправленіяхъ у прихожанъ, хотя этотъ источникъ доходовъ большею частію имѣлъ случайный характеръ добровольныхъ даяній и никакими таксами опредѣленъ не былъ.

Въ настоящее время источниками обезпеченія матеріальнаго содержанія римско-католическаго приходскаго духовенства въ западно-европейскихъ государствахъ служатъ 1) постоянное и опредѣленное жалованье, выдаваемое изъ государственнаго казначейства или изъ суммъ городскихъ, общественныхъ и различнаго рода учреждений. Размѣръ такого жалованья почти повсюду опредѣленъ государственными законами. Такъ, напр., въ Пруссіи, по постановленію

¹⁾ Срв. Св. зак. изд. 1896 г. т. XI, ч. I, ст. 160.

ландтага 1875 года, размѣръ жалованья приходскихъ католическихъ священниковъ опредѣленъ по пятилѣтіямъ ихъ службы: священникъ, служившій въ „организованномъ приходѣ не менѣе пяти лѣтъ, получаетъ въ годъ 1800 марокъ, не менѣе десяти лѣтъ—2100 марокъ и т. д. Въ Баваріи Congrua ¹⁾ для священника установлена въ 600 фл., для бенефициатовъ въ 400 фл. ²⁾, но постановленіемъ ландтага 1874 года минимальное содержаніе приходскаго священника увеличено до 1000 фл. (законъ 21 августа 1874 года). Въ Баденѣ Congrua или Sustentatio (содержаніе, жалованье) равняются для священниковъ—1000 фл., для бенефициатовъ и курать-капеллановъ—400 фл. и для викаріевъ—300 фл. кромѣ бесплатной квартиры. Въ Эльзасѣ-Лотарингіи жалованье приходскихъ римско-католическихъ священниковъ съ 1872 года распределено по классамъ приходовъ и лѣтамъ священниковъ: такъ, въ приходяхъ перваго класса священникъ, имѣющій отъ роду семьдесятъ лѣтъ, получаетъ жалованье въ размѣрѣ 1600—2400 франковъ, а не имѣющій отъ роду семьдесятъ лѣтъ—отъ 1500 до 2250 франковъ; въ приходяхъ втораго класса священникъ, имѣющій свыше семьдесятъ лѣтъ отъ роду, получаетъ 1950 франковъ, а не имѣющій семьдесятъ лѣтъ отъ роду—1800 франковъ; помощники приходскихъ священниковъ, имѣющіе отъ роду болѣе семьдесятъ пяти лѣтъ, получаютъ въ годъ 1950 франковъ, а имѣющіе отъ роду отъ семьдесятъ до семьдесятъ пяти лѣтъ получаютъ 1800 франковъ; имѣющіе отъ роду отъ шестидесяти до семьдесятъ лѣтъ получаютъ 1650 фран., а недостигшіе шестидесятилѣтняго возраста—1350 франковъ, при чемъ всѣмъ клерикамъ, по закону, полагается бесплатная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ изъ „фабричныхъ“ суммъ.—Далѣе источниками доходовъ римско-католическаго духовенства служатъ: 2) проценты съ неприкосновенныхъ причтовыхъ капиталовъ, 3) доходъ отъ реальныхъ (т. е. отъ найма церковныхъ строеній и земель), 4) аренда причтовыхъ земельныхъ участковъ, 5) десятины и

¹⁾ Congrua — самая низкая, закономъ установленная, годовая рента обезпеченія духовныхъ лицъ, освобожденная отъ всѣхъ налоговъ и полностью поступающая въ распоряженіе извѣстнаго клерика.

²⁾ Флоринъ или гульденъ въ Баваріи равняется 53 копѣйкамъ.

первины, 6) вознагражденія за требоисправленія по установленной закономъ таксѣ, 7) добровольныя приношенія и, наконецъ, 8) сборы пожертвованій при богослуженіяхъ въ церквахъ и праздничные подарки отъ дворовъ прихожанъ.

По законамъ Россійской имперіи¹⁾, всѣ римско-католическаго исповѣданія епархіальныя управления и духовенство кафедральное, приходское, монастырское и служащее въ разныхъ частяхъ гражданскаго, военнаго и морскаго управления, получаютъ содержаніе изъ государственнаго казначейства и изъ процентовъ особаго, въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ состоящаго, капитала, по штатамъ и другимъ положеніямъ, сообразное съ потребностями мѣстъ и лицъ и приличное сану и степени каждаго. Выдача этого содержанія производится по нижеслѣдующимъ правиламъ: 1) Содержаніе лицамъ благаго духовенства, занимающимъ штатныя должности или допущеннымъ къ исправленію ихъ, отпускается изъ надлежащихъ губернскихъ или уѣздныхъ казначействъ. 2) О каждомъ послѣдовавшемъ назначеніи на какую либо должность избраннаго въ нее епархіальнымъ начальникомъ кандидата губернаторъ, для избѣжанія остановокъ въ отпускѣ штатнаго содержанія или неправильности, извѣщаетъ подлежащее губернское или уѣздное управленіе. 3) Если епархіальною властью будетъ предоставлено, на законномъ основаніи, настоятелю или администратору прихода временное завѣдываніе и другимъ сосѣднимъ приходомъ, то въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право на полученіе прибавочнаго жалованья, въ размѣрѣ пятидесяти рублей въ годъ, со дня вступленія въ завѣдываніе таковымъ приходомъ по день увольненія его отъ этой обязанности. Это добавочное вознагражденіе отпускается изъ суммы, остающейся отъ незамѣщенной должности приходскаго настоятеля или администратора. 4) Если настоятели и администраторы приходовъ, достигшіе шестидесятилѣтняго возраста, продолжаютъ завѣдывать ими, то получаютъ съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, и со времени, указаннаго въ этомъ разрѣшеніи, добавочное жалованье въ размѣрѣ ста рублей въ годъ. 5) Жалованье лицамъ благаго духовенства, по Высочайше утвержденному 14 декабря 1865 года штату, выдается, по истеченіи каждой трети года,

¹⁾ Спр. Св. зак. изд. 1896 г. т. XI, ч. I, ст. 98.

на основаніи составленныхъ губернскими правленіями платежныхъ списковъ, по предварительномъ внесеніи въ нихъ всѣхъ перемѣнъ, послѣдовавшихъ въ личномъ составѣ духовенства въ продолженіи истекающей трети. 6) Составленные такимъ образомъ за каждую треть платежные списки губернскія правленія отсылаютъ въ подлежація казначейства въ концѣ исходящей трети для отпуска по нимъ, кому будетъ слѣдовать, жалованья, и копию этихъ списковъ препровождаютъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. 7) Лицамъ, занимающимъ духовныя должности въ Варшавѣ и губернскихъ городахъ, жалованье отпускается изъ губернскихъ казначействъ; лицамъ же, занимающимъ таковыя должности внѣ Варшавы и губернскихъ городовъ, оно выдается изъ уѣздныхъ казначействъ. 8) Лица, имѣющія право на полученіе жалованья по духовной должности, обязаны являться за нимъ въ казначейство лично и должны собственноручно расписываться въ казначейскихъ платежныхъ спискахъ въ полученіи денегъ. Изъ этого правила допускаются только слѣдующія исключенія: а) епископы и администраторы епархій могутъ, вмѣсто личной явки въ казначейство, получать жалованье по собственноручнымъ распискамъ, съ приложеніемъ своей официальной печати; б) больные священники, не могущіе по случаю болѣзни лично явиться въ казначейство, могутъ получать свое жалованье также по собственноручнымъ распискамъ, скрѣпленнымъ мѣстною полицейскою властью. 9) За викаріевъ, а равно за органистовъ въ помонастырскихъ церквахъ, жалованье можетъ быть (впрочемъ, не иначе, какъ съ ихъ собственнаго на то согласія) выдаваемо приходскому настоятелю или администратору, по предъявленіи однако собственноручной расписки викарія, засвидѣтельствованной тѣмъ лицомъ, которое должно получить жалованье. 10) Духовному лицу, явившемуся за полученіемъ жалованья или затребовавшему его чрезъ другое лицо, казначей, по точномъ удостовѣреніи въ тождествѣ лица или подлинности расписки, вправѣ отпустить жалованье лишь въ томъ случаѣ, если это лицо внесено въ послужной списокъ. 11) Производство жалованья всѣмъ вообще духовнымъ должностнымъ лицамъ прекращается съ ихъ смертью, а равно съ увольненіемъ ихъ или отрѣшеніемъ ихъ отъ должности. 12) Въ случаѣ

смерти духовнаго лица, получающаго штатное содержаніе, церковный дозоръ, если умершій былъ приходскимъ священникомъ, или подлежащее духовное начальство, если лицо это занимало инныя духовныя должности, по сношеніи съ надлежащимъ уѣзднымъ или губернскимъ правленіемъ, получаетъ причитающееся этому лицу по день кончины его жалованье на покрытие изъ него издержекъ по погребенію. Въ употребленіи на этотъ предметъ полученной суммы церковный надзоръ или подлежащее духовное начальство представляетъ надлежащій отчетъ съ документами, вмѣстѣ съ остаткомъ, если таковой окажется, для отсылки его въ банкъ до дальнѣйшаго разрѣшенія. 13) На такихъ же основаніяхъ и такимъ же порядкомъ должна производиться выдача жалованья и викаріямъ, состоящимъ при помонастырскихъ церквахъ.

Въ настоящее время (1914 г.) на нужды по вѣдомству римско-католическаго исповѣданія изъ государственнаго казначейства ежегодно отпускается 1.633.735 рублей. Изъ нихъ на содержаніе приходскаго римско-католическаго духовенства—1.361.074 рубля. Въ частности на содержаніе приходскаго римско-католическаго духовенства въ имперіи (въ Могилевской архіепископіи)—491.776 рублей¹⁾ и на содержаніе приходскаго римско-католическаго духовенства въ бывшемъ царствѣ польскомъ—869, 294 р.²⁾.

¹⁾ Сумма это по губерніямъ распредѣляется въ такихъ размѣрахъ Архангельской—350 р., Бессарабской—457 р., Виленской—54.845 р. 10 к., Витебской—22.865 р., Волынской—36.279 р. 94 к., Гродненской—24.294 р. 47 к., Енисейской—1.400 р., Иркутской—1.900 р., Кіевской—15.205 р., Ковенской—67.074 р. 51 к., Курляндской—5.950 р. 12 к., Лифляндской—400 р., Минской—10.951 р. 68 к., Могилевской—8.152 р., Подольской—24.661 р. 75 к., Половской—207 р., Рязанской—300 р., Петроградской—48.440 р. 95 к., Саратовской—11.114 р., Ставропольской—85 р. 50 к., Таврической—129 р., Тобольской 1.250 р., Томской—1.658 р., Уфимской—788 р., Харьковской—215 р., Херсонской—85 р. 75 к., Эстляндской—400 р., По областямъ: Акмолинской—500 р., Амурской—475 р., Войска Донскаго—306 р., Забайкальской—680 р., Приморской—600 р., Терской—321 р. 50 к., г. Кронштадта—28 р. 55 к., Одессы—1.548 р. 50 к., Николаевска—435 р. 75 к. На выдачу пенсій—25.732 р., на непредвидѣнные расходы—106.027 р. 56 к.,

²⁾ По губерніямъ: Варшавской—166.902 р. 12 к., Калишской—90.575 р., Кѣлецкой—100.680 р. 20 к., Ломжинской—42.860 р., Люблинской—68.835 р., Петроковской—87.889 р. 60 к., Плоцкой—71.561 р., Радомской—84.915 р., Сувалкской 47.360 р., и по Закавказскому краю—2.231 р. 5 к.

По размѣрамъ получаемого жалованья, настоятели римско-католическихъ приходовъ раздѣляются на два класса. Число приходскихъ настоятелей перваго и втораго класса въ каждой епархіи опредѣлено штатомъ. Учрежденіе новыхъ римско-католическихъ приходовъ въ губерніяхъ бывшаго царства польскаго разрѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда эта мѣра не потребуетъ никакихъ со стороны казны издержекъ (зак. 19 апрѣля 1904 года). Двѣнадцать приходовъ въ г. Варшавѣ и предмѣстьѣ Прагѣ полагается въ первомъ классѣ. Настоятелямъ ихъ присваивается по штату высшій окладъ жалованья въ сравненіи съ штатнымъ содержаніемъ настоятелей прочихъ первоклассныхъ приходовъ, именно: они получаютъ жалованье въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ, настоятели другихъ 36-ти приходовъ перваго класса—по 500 рублей; 122 настоятеля приходовъ втораго класса—по 400 рублей; 1455 администраторовъ неклассныхъ приходовъ—по 300 рублей; 56 викарныхъ священниковъ—по 225 рублей и 844 викарныхъ священника—по 150 рублей въ годъ.

Всѣ капиталы и недвижимыя имущества, жертвуемыя и отказываемыя на содержаніе римско-католическаго духовенства, обращаются въ полное вѣдѣніе или распоряженіе правительства, согласно постановленіямъ Высочайшихъ указовъ 27 октября 1864 года и 14 декабря 1865 года. Изъ этого правила исключаются лишь тѣ зданія и земли, которыя самими жертвователями оставляются въ непосредственномъ распоряженіи причтовъ. Но если при пожертвованіи такого рода имущества постановлено условіемъ совершеніе богослуженій, заупокойныхъ поминовеній и исполненіе другихъ такъ называемыхъ фундушевыхъ обязанностей, то министерство внутреннихъ дѣлъ, удостовѣрившись, что доходъ отъ сказаннаго имущества обезпечиваетъ потребныя на исполненіе этихъ обязанностей расходы, равнымъ образомъ причисляетъ капиталъ либо пожертвованный, либо полученный отъ продажи или передачи въ казну недвижимости, къ своимъ специальнымъ средствамъ и распоряжается употребленіемъ дохода съ него согласно назначенію. Римско-католическое духовенство съ своей стороны обязано во всей точности исполнять возложенныя на него фундушевыя обязанности. Но если бы духовенство нашло проценты съ за-

вѣщаннаго капитала или отъ капитала, полученнаго чрезъ продажу оставленнаго недвижимаго имущества, недоста-точнымъ для себя вознагражденіемъ за возлагаемыя за-вѣщателемъ фундушевыя обязанности, то, согласно Высочайше утвержденному 14 января 1867 года положенію комитета по дѣламъ царства польскаго объ условныхъ запи-сяхъ, капиталъ возвращается законнымъ наслѣдникамъ за-вѣщателя. Плата, установленная за составленіе актовъ гра-жданскаго состоянія лицъ римско-католическаго исповѣданія и за выдачу выписей, предоставлена русскими законами въ пользу завѣдующихъ приходами духовныхъ лицъ, въ воз-награжденіе за труды ихъ по этому предмету. Плата, взи-маемая за исполненіе духовныхъ требъ (*jura stolae*) записы-вается сполна въ особую шнуровую книгу, которая должна быть на этотъ предметъ заведена при каждой церкви. За-конная часть этого дохода отчисляется въ пользу причта, а именно—доля, соотвѣтствующая таксъ, установленной за совершеніе требъ или же, взамѣсть этого, часть, опредѣлен-ная по соглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ съ епар-хіальными начальствами. Такъ какъ всѣ расходы на содер-жаніе римско-католическаго духовенства, внесенные въ штатъ, не могутъ быть покрыты изъ церковныхъ имуществъ и не-прикосновенныхъ капиталовъ, то всѣ недостающія суммы отпускаются изъ супрессіонныхъ суммъ и фундушей пре-жняго времени, а затѣмъ изъ общихъ средствъ казны, по предварительномъ внесеніи ихъ въ финансовую роспись. Оказавшіеся въ продолженіе года остатки отъ суммъ, assi-гнованныхъ на содержаніе римско-католическаго духовен-ства, могутъ быть обращаемы на чрезвычайные расходы какъ по содержанію и исправленію римско-католическихъ церквей, такъ и по содержанію духовенства въ губерніяхъ царства польскаго, преимущественно же на пособія духов-нымъ лицамъ, отличившимся особенными продъ церковь и государствомъ заслугами. Расходованіе этихъ остатковъ производится министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Посе-ляне—собственники—бывшіе колонисты—обязаны давать своимъ приходскимъ римско-католическимъ священникамъ все то содержаніе, какое они получали отъ казны до 1871 года. Деньги эти взыскиваются съ нихъ; смотря по коли-честву душъ, составляющихъ приходъ, и сборъ денегъ рас-

полагается въ бывшихъ колоніяхъ с. петербургскихъ (нынѣ—петроградскихъ) по домамъ, въ бывшихъ же саратовскихъ, новороссійскихъ и бессарабскихъ—съ числа работниковъ, считая такихъ отъ шестнадцати до шестидесяти лѣтъ. Сборъ этотъ производится три раза въ годъ—въ январѣ, маѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, и поручается выбираемымъ для того ежегодно изъ поселянъ особымъ церковнымъ старостамъ, которые, собирая опредѣленные на это міромъ, по общему согласію, деньги, должны каждую треть отдавать волостному старшинѣ и получать отъ него росписки. Сельское начальство обязано оказывать церковному старостѣ всякую помощь, чтобы въ недоимку ничего допущено не было.—Римско-католическое духовенство, безъ Высочайшаго разрѣшенія, не можетъ отсылать за границу своихъ доходовъ.

6. *Права и преимущества приходскаго римско-католическаго духовенства по законамъ Россійской имперіи.* Наравнѣ съ священнослужителями всѣхъ христіанскихъ исповѣданій римско-католическіе священники, діаконы и субдіаконы въ Россіи освобождены отъ воинской повинности. По отбыванію государственныхъ, земскихъ и городскихъ повинностей и сборовъ, а также и въ порядкѣ судопроизводства для католическаго духовенства, церквей, монастырей и епископскихъ домовъ установлены изъятія, означенныя въ уставахъ о земскихъ повинностяхъ и о прямыхъ налогахъ, городскомъ положеніи, положеніи о государственномъ квартирномъ налогѣ, законахъ судопроизводства и другихъ уставахъ и положеніяхъ, по принадлежности. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не введено въ дѣйствіе городское положеніе, дома римско-католическихъ священниковъ, какъ дѣйствительно служащихъ, такъ и уволенныхъ отъ службы за старостью и болѣзнью, а также и лавки, принадлежащія церквамъ, освобождаются отъ прочихъ городскихъ повинностей, кромѣ исправленія мостовыхъ, сохраненія ихъ въ чистотѣ и освѣщенія фонарей наравнѣ съ прочими обывателями. Далѣе, римско-католическое духовенство изъято отъ тѣлеснаго наказанія. Приходскіе священники могутъ пріобрѣтать и отчуждать всѣми законными способами земли и дома въ селеніяхъ и городахъ, съ соблюденіемъ установленныхъ на то правилъ; но выбирать промысловыя свидѣтельства имъ воспрещается. Принадлежащіе къ потомствамъ

ному дворянству римско-католическіе клерики пользуются всѣми дарованными ему правами. Въ случаѣ возложенія правительствомъ должностей или временныхъ порученій, сопряженныхъ съ переѣздомъ изъ одного мѣста въ другое, производятся, сверхъ постоянныхъ окладовъ содержанія, прогонныя деньги изъ государственнаго казначейства священникамъ на три, а причетникамъ на двѣ лошади. На проѣзды воспитанниковъ семинаріи изъ своей епархіи въ другую для посвященія ихъ въ священники, когда нѣтъ мѣстнаго епископа, и на отправленіе духовныхъ лицъ, въ случаѣ присужденія за проступки, въ монастыри для исправленія, также выдаются прогоны. Отряжаемымъ, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, въ отдаленныя отъ постоянного жительства мѣста производятся изъ казны, сверхъ прогонныхъ, суточныхъ деньги, по шестидесяти копѣекъ въ сутки каждому. Отправляющимся на службу въ Закавказье изъ внутреннихъ губерній выдаются всѣ тѣ пособия и вспомошествованія, которыя, по дѣйствующимъ постановленіямъ, производятся перемѣщаемымъ въ тотъ край духовнымъ лицамъ Православнаго исповѣданія. Служащіе въ военномъ сухопутномъ или морскомъ вѣдомствѣ имѣютъ на пенсіи и единовременныя пособия такое же право, какъ и духовные прочихъ христіанскихъ исповѣданій, въ томъ же вѣдомствѣ служащіе. Равнымъ образомъ на законоучителей духовнаго сана римско-католическаго исповѣданія распространяются всѣ дѣйствующія по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія постановленія о производствѣ пенсій и единовременныхъ пособій учителямъ такъ же, какъ и на законоучителей прочихъ христіанскихъ исповѣданій въ учебныхъ заведеніяхъ того-же вѣдомства, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособияхъ. Священнослужителямъ римско-католическаго исповѣданія такъ же, какъ и священнослужителямъ прочихъ иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, за долговременную безпорочную службу на казенныхъ горныхъ заводахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ могутъ быть назначаемы пенсіи и единовременныя пособия соразмѣрно производившимся имъ окладамъ, когда невозможно обезпечить ихъ иными средствами, по отдѣльнымъ о каждомъ случаѣ представленіямъ министровъ и

главноуправляющихъ. Прелаты, каноники и другія духовныя лица римско-католическаго исповѣданія имѣютъ право по ученымъ званіямъ ихъ носить особые (дистинкторіальныя) кресты, съ изображеніемъ на нихъ Россійскаго государственнаго герба. Усерднѣйшіе и благонамѣреннѣйшіе священники римско-католическаго исповѣданія имѣютъ право, подобно священнослужителямъ прочихъ христіанскихъ иностранныхъ исповѣданій, на награжденіе наперсными крестами, особо установленнаго образца. На лицевой сторонѣ этого креста изображается Распятіе, а на оборотѣ надпись: „Пастырю, дающему примѣръ паствѣ словомъ и житіемъ. Установленъ въ Благочестивое Царствованіе Великаго Государя Императора Николая I. 1843 г. мая 26“. Кроме того, духовныя лица римско-католическаго исповѣданія могутъ быть сопричисляемы къ Россійскимъ Императорскимъ и Царскимъ орденамъ по правиламъ, изложеннымъ въ учрежденіи орденовъ, и другихъ знаковъ отличія.—Престарѣлыя и одержимыя неизлечимыми болѣзнями римско-католическіе клерики призраваются въ штатныхъ монастыряхъ. Они получаютъ отъ монастырей квартиру, отопленіе и освѣщеніе, а изъ вспомогательнаго капитала римско-католическаго духовенства производится каждому изъ нихъ, по мѣрѣ его заслугъ, отъ пятидесяти до ста рублей ежегоднаго пособія.

7. *Надзоръ за приходскою жизнью.* Уже св. Апостолы имѣли обычай время отъ времени лично посѣщать христіанскія общины по всѣмъ городамъ, въ которыхъ они проповѣдали слово Господне, чтобы видѣть, какъ онѣ живутъ (Дѣян. 15, 36). Но иногда они узнавали о состояніи христіанскихъ церквей и чрезъ другихъ лицъ. Такъ, ап. Павелъ пишетъ Коринѣянамъ (1 Кор. 1, 11), что о существовавшихъ среди нихъ спорахъ онъ узналъ отъ домашнихъ Хлоинныхъ. Примѣру Апостоловъ слѣдовали и ихъ преемники—епископы, въ первое время по преимуществу лично обозрѣвавшіе свои области. Но уже въ IV вѣкѣ, когда предѣлы епархій значительно расширились и епархіальныя дѣла осложнились, епископы увидѣли себя вынужденными имѣть особыхъ помощниковъ по надзору за жизнью приходскихъ общинъ. Такихъ помощниковъ они избирали изъ среды бывшихъ при нихъ пресвитеровъ, заслуживающихъ ихъ до-

вѣріе. Въ историческихъ памятникахъ того времени эти епископскіе помощники называются пресвитерами „странствующими“ или „обходящими“, на востокѣ—*peripetetes*, на западѣ—*circuitores*. При своихъ помѣщеніяхъ приходскихъ церквей, эти должностныя лица обращали вниманіе на поведеніе и дѣятельность клира, на устройство и содержаніе храмовъ, на совершеніе общественныхъ богослуженій и требъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на религіозно-нравственное состояніе прихожанъ. О результатахъ своихъ наблюденій они своевременно докладывали (конечно, только словесно) епархіальному епископу. Вскорѣ, рядомъ съ этими временными „визитаторами“ появился и постоянный надзирающій институтъ въ лицѣ архипресвитеровъ или, какъ впоследствии они стали называться на западѣ,—декановъ. Иногда епископъ поручалъ произвести обзорънїе въѣхъ или нѣкоторыхъ только приходовъ и нарочито уполномоченнымъ лицамъ, преимущественно изъ членовъ своего кафедральнаго прихода (на западѣ—капитула). Такой порядокъ надзора въ западной церкви былъ одобренъ и на франкскихъ соборахъ. Но уже въ IX вѣкѣ въ католической церкви появились особыя коллегіальныя учрежденія, бывшія въ одно и то же время органами и церковнаго надзора, и церковнаго суда, введенныя, несомнѣнно, по подражанію тогдашнему гражданскому управленію. Еще при каролингахъ въ западноевропейскихъ государствахъ была учреждена должность сендовыхъ графовъ или сендовыхъ депутатовъ—*missi regii*. Эти государственные чиновники время отъ времени обязаны были объѣзжать провинціи и контролировать ихъ управленіе. Введенный по ихъ образцу въ западной церкви *сендъ*—священныи сендъ, сендовый судъ или просто—*synodus*, представлявшій собою родъ духовной расправы, состоялъ сначала изъ епископа, архидиакона или сендоваго судьи и сендовыхъ засѣдателей. Онъ подвергалъ своему обсужденію поведеніе лицъ, нарушавшихъ постановленія церкви и требованія христіанской морали, и постановлялъ рѣшеніе объ ихъ наказаніи. Сендовый институтъ былъ тѣмъ зерномъ, изъ котораго впоследствии паны совадали въ католической церкви инквизиціонныя трибуналы. Сендовые засѣдатели, которыхъ было въ каждомъ діоцезѣ не менѣе семи, уже въ X вѣкѣ одновременно состояли въ сендѣ и епархіальными

дозорщиками, и слѣдователями (*induisitores*) и оффиціальными свидѣтелями (*testes synodales*), и обвинителями, и судьями. Они обязаны были, насколько возможно, чаще объѣзжать ввѣренные имъ участки діецеа, и если замѣчали клериковъ или мірянъ, не подчинявшихся церковной дисциплинѣ или проводившихъ безнравственную жизнь, сообщали о нихъ епископу, а потомъ докладывали и зенду. Такъ какъ предъ вступленіемъ въ должность зендовые дозорщики приносили присягу, то ихъ показанія признавались достовѣрными уже сами по себѣ, не требовавшими никакой провѣрки. Зендъ объявлялъ свой приговоръ, не выслушивая предварительно ни оправданій со стороны обвиняемыхъ, ни свидѣтельскихъ показаній. При составленіи приговора зендовый дозорщикъ подавалъ свой голосъ уже какъ членъ суда. Зендовый судъ происходилъ не въ определенномъ какомъ-либо мѣстѣ, а тамъ, гдѣ зендовые дозорщики находили нужнымъ или удобнымъ его устроить, т. е., въ любомъ городѣ, любомъ селеніи, любомъ приходѣ. Поэтому въ послѣдствіи, обремененные епархіальными дѣлами епископы даже почти перестали принимать въ немъ личное участіе. Дѣла зенда рѣшали сами дозорщики, хотя суды эти по-прежнему продолжали называться зендовыми или синодальными—*judicia synodalia*. Впрочемъ, скоро архидіаконы захватили всю зендовую власть въ свои руки и совершенно отѣснили зендовыхъ дозорщиковъ. Тридентскій соборъ, говоря объ обязанностяхъ епископовъ, архидіаконовъ и декановъ визитировать приходскія церкви, уже умалчиваетъ о зендовыхъ дозорщикахъ. Въ послѣдствіи, какъ мы знаемъ, архидіаконы—эти *judices ordinarii* по своему участію въ епархіальномъ управленіи—были замѣнены генералъ-викаріями. Съ прошлаго столѣтія нѣкоторые римско-католическіе епископы, по сложности своихъ дѣлъ, ввели обычай имѣть особыхъ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ исключительно для экстраординарной визитанціи какъ монастырей такъ и приходскихъ церквей. Лица эти называются вообще *визитаторами*. Такимъ образомъ въ настоящее время римско-католическій епископъ имѣетъ возможность наблюдать за религіозно-нравственною жизнью въ приходяхъ своей епархіи: 1) лично посѣщая каждую приходскую церковь дважды и не менѣе одного раза въ годъ (по постановленію

Тридентскаго собора), 2) чрезъ своего генераль-викарія, 3) чрезъ визитаторовъ (гдѣ такая должность введена), 4) чрезъ декановъ или благочинныхъ, 5) чрезъ нарочито уполномочиваемыхъ лицъ. Средствами надзора для него служатъ: 1) письменные отчеты визитаторовъ, 2) годовыя и полугодовыя представленія декановъ, 3) личные доклады начальствующимъ въ экстренныхъ случаяхъ и собственная визитация епископомъ приходскихъ церквей. Приходскіе священники, какъ мы видѣли, также обязаны ежегодно представлять декану обстоятельныя отчеты какъ о своей дѣятельности, такъ и о религіозно-нравственномъ состояніи своихъ приходовъ. Деканы, засвидѣтельствовавъ эти отчеты, отправляютъ ихъ въ ординаріатъ для представленія епископу. Церкви своего округа деканы обзрѣваютъ не менѣе двухъ разъ въ годъ, а по требованію обстоятельствъ, своему усердію и усмотрѣнію, могутъ дѣлать это и чаще.

8. *Подсудность приходскаго римско-католическаго духовенства и мірянъ.* Уже Апостолы (Срв. Кор. 6, 1—8) укоряли тѣхъ христіанъ, которые за разрѣшеніемъ своихъ спорныхъ дѣлъ обращались къ суду внѣшнему—языческому, мірскому. По ихъ наставленію, среди христіанъ вообще не мѣсто тяжбамъ и раздорамъ; но если, по человѣческой слабости, такія тяжбы оказываются неизбежными и среди христіанъ, то онѣ должны подлежать внутреннему—церковному суду, а не внѣшнему—языческому. Послѣдовавшія обстоятельства (трехвѣковыя кровавыя гоненія на христіанъ со стороны язычниковъ) вынудили и слабыхъ христіанъ слѣдовать заповѣди апостольской: во все продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ для разрѣшенія возникавшихъ недоразумѣній христіане обращались уже не къ языческимъ судебнымъ институтамъ, а къ суду своего епископа, какъ къ лицу, имѣвшему высшій авторитетъ въ Церкви. Епископскій судъ сразу принялъ свой особый, оригинальный, не столько юридическій, сколько моральный характеръ, ибо опорой для своихъ рѣшеній онъ находилъ не во внѣшней законодательной и исполнительной власти, какою располагало тогда римское государство, а въ церковной дисциплинѣ и нравственномъ авторитетѣ самыхъ судей—епископовъ. Епитимія, какъ средство исправленія, убѣжденія къ примиренію и, въ крайнемъ случаѣ, временное или окончательное отлученіе отъ церков-

наго общенія—вотъ тѣ наказанія, которыми располагалъ съ самаго начала христіанскій церковный судъ. Такому суду подлежали все члены Христовой церкви и по всеѣмъ дѣламъ, безъ исключенія, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ. Только жалобы на епископа—естественно—долженъ былъ разбирать уже соборъ епископовъ. Впрочемъ, и прочіе члены Церкви—какъ клирики, такъ и міряне—недовольные рѣшеніемъ ихъ дѣла у своего епископа, могли переносить его на судъ соборовъ—сначала помѣстнаго, а потомъ, въ крайнемъ случаѣ,—даже и вселенскаго, какъ высшей инстанціи. Когда гоненія на христіанъ со стороны язычниковъ прекратились, и Церковь Христова получила отъ государства право на свое свободное гражданское существованіе, церковный судъ не утратилъ ни своего значенія, ни своего характера. Императоръ Константинъ Великій сначала (въ 321 году) дозволилъ христіанамъ, *по ихъ взаимному согласію*, во всеѣхъ своихъ дѣлахъ, не исключая и гражданскихъ, по прежнему обращаться за разрѣшеніемъ къ суду епископа, приговоръ котораго безъ всякихъ возраженій и аппелляцій обязаны были приводить въ исполненіе гражданскія власти. Впослѣдствіи (въ 381 году) онъ далъ право обвинителю искать суда у епископа даже и тогда, если бы противъ этого возражалъ отвѣтчикъ. Законъ этотъ, впрочемъ, для мірянъ былъ отмѣненъ уже преемниками Константина, но для клириковъ онъ оставался обязательнымъ. Такъ было на востокѣ; такъ въ то время было и на западѣ.

Помѣстные и вселенскіе соборы своими постановленіями только формально санкціонировали судебную практику первенствующей Церкви. Впослѣдствіи пространство церковнаго суда то сокращалось, то расширялось подъ влияніемъ различныхъ церковно политическихъ обстоятельствъ. Возраженія противъ церковнаго суда въ средніе вѣка исходили главнымъ образомъ изъ двухъ пунктовъ: 1. изъ обязательности церковнаго суда для всеѣхъ христіанъ и 2. изъ подсудности епископамъ гражданскихъ дѣлъ. По первому пункту на западѣ сдѣлалъ уступку уже Карлъ Великій, учредившій такъ называемые *смишанные суды*. Если изъ спорившихъ сторонъ одна требовала разсмотрѣнія своего дѣла въ церковномъ судѣ, а другая предпочитала обратиться къ гражданскому суду, то былъ устраиваемъ такой составъ

суда, въ который, кромѣ свѣтскихъ судей, приходилъ и епископъ или уполномоченные имъ клерики. По второму пункту уступки были дѣлаемы иногда въ такой мѣрѣ, что изъ вѣдѣнія епископскаго суда исключались всѣ вообще гражданскія дѣла и притомъ не только для мірянъ, но и для клериковъ. Зато, наоборотъ, и въ средніе вѣка было время, когда законодательнымъ порядкомъ вѣдѣнію духовнаго суда снова были возвращаемы всѣ тяжбы какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго характера. Это случалось напр., тогда, когда законъ допускалъ свѣтскимъ судамъ, при рѣшеніи тяжбы дѣлъ, обращаться къ средствамъ, противнымъ христіанской совѣсти, напр., къ „судамъ Божиимъ“ или поединокамъ. Кромѣ того, веденіе дѣлъ въ гражданскихъ судахъ обходилось очень дорого обѣимъ сторонамъ и было не по средствамъ людямъ бѣднымъ. Поэтому къ вѣдѣнію духовныхъ судовъ были отнесены всѣ тяжбы по дѣламъ нищихъ, вдовъ, сиротъ и вообще людей, не обладавшихъ достаточными матеріальными средствами. Рѣшительный поворотъ къ реформѣ церковнаго суда на западѣ нужно относить однако же къ XVI вѣку, въ связи съ появленіемъ протестантства, а завершеніе этой реформы—къ началу XIX вѣка, когда французская революція, подъ вліяніемъ враждебныхъ христіанской религіи философскихъ ученій (атеизма, матеріализма и раціонализма), радикально измѣнила положеніе римско-католической церкви во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Объемъ вѣдѣнія церковныхъ судовъ былъ сокращенъ повсюду, хотя и въ неодинаковой мѣрѣ. За церковными судами остались только одни чисто-церковныя преступленія—*delicta mere ecclesiastica*, къ которымъ отнесены были вообще только религіозныя преступленія—*haeresis, schisma, apostasia* и *simonia* (ересь, расколъ, богоотступничество и торговля дарами благодати) и преступленія духовенства противъ должности и благоповеденія; всѣ же другія преступленія, называемыя свѣтскими—*delicta mere saecularia*—вошли въ кругъ вѣдѣнія свѣтскаго суда, хотя въ числѣ ихъ есть немало такихъ, религіозная природа которыхъ (связь съ религіозною совѣстію) никогда раньше не была отвергаема, какъ, напр., дѣла брачныя, обязательства и договоры, скрѣпляемые присягой, клятвенныя преступленія, духовныя завѣщанія и другія, извѣ-

стныя въ католической каноникѣ—какъ *res spiritualibus* аппекае. Отъ вѣдѣнія брачныхъ дѣлъ католическая церковь не отказывается, впрочемъ, еще и въ настоящее время, игнорируя гражданскія законодательства, выраженные въ самой категорической формѣ.

Но наиболѣе сильное измѣненіе потерпѣлъ католическій судъ въ самыхъ каноническихъ своихъ основахъ отъ папства: 1. вслѣдствіе произвольнаго вмѣшательства папъ въ формы и существо церковнаго судопроизводства и 2. вслѣдствіе того, что папы выдѣлили епископовъ и „изъятыхъ“ прелатовъ, аббатовъ и канониковъ изъ вѣдѣнія общецерковныхъ судовъ и подчинили ихъ только своему личному и произвольному суду, лишивъ ихъ чрезъ это защиты церковныхъ законовъ, судебныхъ инстанцій и права аппеляцій. Не безъ основанія нѣкоторые даже изъ католическихъ канонистовъ называютъ папскія дистанціи „могилою справедливости“. Въ настоящее время католическій духовный судъ вѣдаетъ, собственно, только дѣла священниковъ, діаконровъ и субдіаконровъ; а такъ какъ діаконы и субдіаконы въ римско-католической церкви—большая рѣдкость, церковнослужителей же посвященныхъ совсѣмъ нѣтъ, то онъ самъ собою правратился лишь въ судъ надъ приходскими священниками.

Мы кратко представимъ здѣсь, какъ долженъ былъ бы происходить церковный судъ по католическимъ канонамъ, безъ вмѣшательства въ него папскаго произвола. Между прочимъ предупреждаемъ, что подъ каноническими правилами въ данномъ случаѣ мы будемъ разумѣть не правила помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, уже давнымъ-давно забытыя католическою церковію, а наставленія многихъ папъ, изложенныя въ ихъ буллахъ и конституціяхъ, относительно того, какъ долженъ происходить церковный судъ. Католическіе канонисты рассуждаютъ, впрочемъ, о процессуальной сторонѣ своихъ церковныхъ судовъ и о причинѣ оставленія ими древне-церковныхъ канонровъ нѣсколько иначе, чѣмъ мы. „Вначалѣ (т. е., въ древней церкви),—говорятъ они (напр., Walter, § 186, стр. 412),—судопроизводство ограничивалось простѣйшими правилами и формами, обусловленными самою природою дѣла. Но когда тяжбы предъ духовными судами умножились и осложнились, то были уста-

новлены уже, при посредствѣ римскихъ законовъ, болѣе опредѣленныя правила судопроизводства, соотвѣтственно духу и складу церковнаго организма. Этихъ правилъ, въ связи съ римскимъ законодательствомъ, церковь твердо придерживалась даже и въ германскихъ государствахъ. Но въ смѣшанныхъ судахъ были допускаемы уже и германскія процессуальныя формы. Однако, въ виду доступныхъ затѣмъ успѣховъ научнаго образованія (?), такая практика не могла быть долго признаваема удовлетворительною, тѣмъ болѣе, что духовные суды въ то время заняли такое высокое положеніе, что сложные процессуальные вопросы не могли оставаться неразрѣшенными со стороны законодательства и науки (?). Вотъ почему уже съ XII вѣка былъ точнѣйшимъ образомъ разработанъ весь каноническій процессъ суда частію *папскими* рескриптами, частію глоссаторами, съ примѣненіемъ римскаго права, а германская процедура чрезъ это постепенно исчезла, какъ исчезла она даже и изъ свѣтскихъ судовъ. Само собою понятно, что этого каноническаго (?) процесса, насколько возможно, слѣдуетъ придерживаться и въ наше время, не выпуская изъ виду успѣховъ новой науки (?) и законодательства“. Такимъ образомъ, по сознанію самыхъ католическихъ канонистовъ, первоначальныя простѣйшія правила и формы церковнаго суда, *установленныя древнею христіанскою Церковію и соотвѣтствующія самой природѣ дѣла*, въ католической церкви были признаны уже неудовлетворительными и отвергнуты сначала во имя римскаго языческаго права, потомъ подъ вліяніемъ германскаго обычнаго права и, наконецъ, въ погонѣ за успѣхами какой-то новой науки! Каноны Церкви замѣнены папскими рескриптами и гражданскими узаконеніями! Реформа церковнаго суда произведена въ XII в., т. е., на просторѣ личнаго произвола папѣ, по отдѣленіи западной церкви отъ союза съ восточною. Но и въ настоящее время, по наставленію римско-католическихъ канонистовъ, церковные судьи должны посматривать не столько въ сторону каноновъ даже свой церкви, т. е., папскихъ рескриптовъ, сколько въ сторону успѣховъ новой науки и гражданского законодательства!.. Говоря это, католическіе канонисты во всякомъ случаѣ заслуживаютъ похвалы за свою искренность...

По утвержденію католическихъ канонистовъ, въ римско-католической церкви въ настоящее время (въ теоріи, по крайней мѣрѣ) существуетъ, какъ и мы упоминали уже, три судебныхъ инстанціи: 1. епископская, 2. архіепископская или митрополитская и 3. папская. О соборномъ принципѣ—ни слова! Заповѣдь Христа: „если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, скажи церкви“—замѣнена какой-то наукою или римскимъ языческимъ правомъ! Впрочемъ, по утвержденію католическихъ канонистовъ, ни епископы, ни архіепископы, ни папы лично не обязаны быть судьями. Въ первой инстанціи—епископской—церковный судъ осуществляется епископскимъ генераль-викаріемъ или официаломъ, „при участіи научно образованныхъ клериковъ“, называемыхъ совѣтниками или ассессорами, которые однако-же рѣшающаго голоса не имѣютъ, а могутъ высказывать лишь свое мнѣніе ни для кого необязательное. Эта судебная коллегія носитъ названіе официалата или консисторіи. Конечно, въ этой коллегіи можетъ предсѣдательствовать и самъ епархіальный епископъ, если пожелаетъ и имѣетъ на то время. Среди чиновниковъ епископскаго суда должны быть канонисты и нотары, часто имѣющіе большое вліяніе на ходъ дѣла. Но какое бы рѣшеніе дѣла ни было объявлено этою судебною инстанціею, оно особеннаго значеніе не имѣетъ. Какъ обвинитель, такъ и обвиняемый во всякое время, даже до окончанія судебного процесса, могутъ перенести свое дѣло непосредственно на судъ папы, въ ватиканъ: папа всегда считаетъ себя въ правѣ принять его къ разсмотрѣнію,—и тогда ни одинъ мудрецъ не разрѣшитъ вопроса о томъ, сколько въ католической церкви судебныхъ инстанцій—одна, три или ни одной!.. На этотъ произволъ папъ обращали вниманіе римско-католическіе соборы, осуждали и запрещали его, но ничего подѣлать не могли. Были, впрочемъ, папы, которые хотѣли корректно вести себя въ этомъ отношеніи; но, къ сожалѣнію, они остались только пріятными исключеніями и только доказали справедливость положенія, что дѣло не въ лицахъ, а въ принципѣ: разъ признано, что надъ папою нѣтъ никакого судьи и никакой власти,—трудно говорить о каноническихъ устояхъ суда. Вторая инстанція—судъ архіепископскій—также можетъ имѣть видъ коллегіи—*metropoliticism*. Судьею

считается здѣсь самъ архіепископъ-митрополитъ. Но приемъ можетъ быть еще коллегія или совѣтъ, имѣющій особаго предсѣдателя, назначаемаго архіепископомъ, а также—членовъ—совѣтниковъ и ассессоровъ, канониста и нотарія. Рѣшенія его получаютъ законную силу однако-же только тогда, когда они утверждаются архіепископомъ и не предупреждаются какимъ-либо распоряженіемъ папы или палскаго легата. Въ третьей инстанціи папа апелляціонныхъ дѣлъ самъ лично не рассматриваетъ. Прежде онъ поручалъ это своимъ особымъ делегатамъ—*judices in partibus*, которые, ради разбора тяжбныхъ дѣлъ, нарочито отправлялись въ тѣ провинціи, гдѣ эти дѣла были рассматриваемы въ первой инстанціи. Теперь же въ третьей инстанціи апелляціонныя дѣла, по порученію папы, рассматриваются въ провинціяхъ какимъ-либо архіепископомъ, или епископомъ, или даже нарочито утвержденнымъ коллегіальнымъ апелляціоннымъ судомъ, или такъ называемымъ судомъ просинодальнымъ. Въ Россіи римско-католическій духовный судъ первой инстанціи находится въ каждой католической епархіи при консисторіяхъ; судъ второй инстанціи—въ Петроградѣ и Варшавѣ; для разбирательства дѣлъ въ третьей инстанціи папою учреждены особые делегатскіе суды въ Петроградѣ и Люблинѣ. Делегатскими судьями въ Петроградѣ и Люблинѣ состоятъ „уполномоченные святаго апостольскаго престола“. При люблинскомъ делегатѣ полагается, между прочимъ, еще десять ассессоровъ, защитникъ брака и нотаръ. То же самое мы видимъ и въ другихъ католическихъ странахъ: Такъ, напр., въ восточной Пруссіи есть „изъятая“ епархія Эрмеландская, гдѣ епископы получили княжеское званіе еще въ XIV вѣкѣ. Она обнимаетъ округа Браунсбергскій, Ресельскій, Алленштейнскій и Кенигсбергскій. Каедрa епископа учреждена въ Фраунбергѣ (маленькій городокъ, съ 2500 жителей). Тамъ же находятся и всѣ три инстанціи римско-католическаго духовнаго суда: первую инстанцію составляютъ три клерика, называемые судьями; вторую—генеральный оффиціанатъ самого епископа; третью—просинодальный судъ, по уполномоченію папы. Въ Бреславскомъ „изъятomъ“ епископствѣ консисторія представляетъ первую судебную инстанцію, а вторую и третью инстанціями являются особые суды, учрежденные папою въ Бре-

славлѣ (лат. Вратиславія, польск. Wraclaw). Въ Вюртембергѣ епископскій судъ признается первою инстанціею; изъ него тяжбыныя дѣла по апелляціи переносятся въ Роттенбургъ, а рассмотрѣніе ихъ въ третьей инстанціи папою поручено аугсбургскому епископу. Въ Познанской провинціи существуетъ два архіепископо-митрополитскихъ суда: одинъ въ Познани, другой—въ Гнѣзніѣ. По отношенію къ своимъ діецезамъ они являются первыми (низшими) инстанціями, а по отношенію другъ къ другу—вторыми, такъ что дѣла по апелляціи переносятся изъ одного суда въ другой, третью инстанцію, съ папскимъ авторитетомъ, составляетъ просинодальный судъ (его предсѣдатель—прелатъ, члены—духовные совѣтники и юстиціаръ), находящійся въ Познанп. Въ Кульмскомъ діецезѣ первая инстанція въ городкѣ Пеплинѣ (1700 жителей)—епископскій судъ, вторая инстанція (metropoliticum)—въ Познани, третья инстанція—просинодальный судъ—опять въ Пеплинѣ и т. д.

Епархіальному суду, какъ первой судебной инстанціи, подлежатъ всѣ лица какъ духовныя, такъ и свѣтскія, проживающія въ предѣлахъ данной епархіи. По правиламъ и декретамъ, содержащимся въ сборникѣ каноническихъ постановленій римско-католической церкви, извѣстнымъ подъ названіемъ *Cogrus juris canonici*, вѣдомству духовнаго суда должны подлежать всѣ преступленія клериковъ—и гражданскія, и уголовныя. Но уже съ конца XIV вѣка въ различныхъ католическихъ странахъ законодательства стали ограничивать кругъ вѣдомства духовнаго суда сначала передачею свѣтскому суду гражданскихъ дѣлъ, а потомъ и уголовныхъ, за исключеніемъ дѣлъ брачныхъ. Въ XVI вѣкѣ, съ появленіемъ протестантства, кругъ дѣлъ, подлежащихъ церковному суду, въ Германіи, Франціи, Даніи, Бельгіи, Швеціи и Норвегіи былъ сокращенъ еще болѣе: по всѣмъ преступленіямъ, какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, даже клерика католической церкви объявлены подлежащими суду свѣтскому. По нѣмецкому имперскому закону отъ 6-го февраля 1875 года, свѣтскому суду были переданы и всѣ брачныя дѣла. Примѣру Германіи послѣдовали всѣ католическія государства въ Европѣ. За судомъ католической церкви оставались только такъ называемыя *церковныя* преступленія—*delicta sticta ecclesiastica*.

9) *Церковныя преступленія и ихъ виды.* Церковныя (точнѣе сказать—религіозныя) преступленія римско—католическіе канонисты раздѣляютъ на два вида: общія для клериковъ и мірянъ и спеціальныя преступленія клериковъ. Къ первому виду церковныхъ преступленій относятся: а., вѣроотступничество, в., ересь, с., схизма, д., симонія е., святотатство, f., духовное святотатство, g., клятвопреступленіе, h., волшебство и чародѣйство, i., преступленія противъ жизни человѣка, к. нарушенія шестой (по православному катихизису—седьмой) заповѣди и l., преступленія противъ имущества и чести ближняго.

а., *Вѣроотступничество* (*apostasia a fide*). Подъ вѣроотступничествомъ римско—католическіе канонисты разумѣютъ не только отпаденіе отъ принадлежности къ католической церкви и переходъ въ іудейство, магометанство или язычество, но и атеизмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. За такое именно преступленіе были обвинены: Іеронимъ Саванаролла, Гусъ, Коперникъ, Джорданіо Бруно, Лютеръ и Меланхтонъ со всѣми ихъ послѣдователями и покровителями, Эрнестъ Ренанъ и безчисленное множество другихъ лицъ особенно въ XVI—XVIII вѣкахъ. Вѣроотступничество признается весьма тяжкимъ преступленіемъ и влечетъ за собою столь—же, тяжкое наказаніе—папою произносимое отлученіе—*excommunicatio latae sententiae*. Отлученіе это, по канонамъ римско—католической церкви, бываетъ двоякимъ: великимъ—*excommunicatio major*, называемое также *anathema maran atha*, и малымъ—*excommunicatio minor*. Первое произносится папою въ церкви торжественно, публично, во время общественнаго богослуженія, съ указаніемъ имени отлучаемаго и сопровождается различными символическими дѣйствіями, а отлученные такимъ способомъ называются *publice denunciati excommunicati vitandi* (публично объявленные отлученными на всю жизнь, до будущаго суда Христова). Отлученіе малое—*excommunicatio minor*—не сопровождается такою публичностію и торжественностію, а ограничивается только объявленіемъ судебнаго приговора отлученному. Отлученные такимъ способомъ называются *excommunicati tolerati* (терпимыми). Впрочемъ, если и подвергшіеся малому отлученію будутъ упорствовать въ своемъ заблужденіи и окажутъ дальѣйшее пренебреженіе къ цер-

кви, то они могут подвергнуться и великому отлучению. Такимъ образомъ, между великимъ и малымъ отлученіями различіе устанавливается не по существу, а лишь по степени. Великое отлученіе влечетъ за собою прекращеніе всякихъ сношеній, какъ внутреннихъ такъ и внешнихъ, между католиками и отлученнымъ. Отлученный теряетъ право участія въ общецерковной жизни и дарахъ благодати. Онъ не только не долженъ присутствовать при богослуженіяхъ, но и входить въ пустой храмъ, а если бы онъ оказался настолько дерзкимъ, что, послѣ публичнаго отлученія, явился когда либо—въ храмъ во время богослуженія и не исполнилъ предложенія священника объ удаленіи изъ храма, то священникъ обязанъ немедленно прервать богослуженіе и вмѣстѣ съ молящимися самъ долженъ уйти изъ храма. Власти, не обратившія вниманія на донесеніе священника объ этомъ скандалѣ и не принявшія надлежащихъ мѣръ для предупрежденія такого поведенія отлученнаго въ будущемъ, сами подлежатъ церковному отлученію. Публично отлученные не должны быть погребаемы не только по церковному чину, но и на общемъ католическомъ кладбищѣ. Мало этого. По требованію каноновъ римско—католической церкви, публично и по имени отлученный долженъ утрачивать также всѣ свои гражданскія, какъ общественныя, такъ и политическія, права: онъ не долженъ быть ни жалобщикомъ, ни обвинителемъ, ни судьей, ни адвокатомъ, ни свидѣтелемъ, не можетъ занимать никакой должности въ христіанскомъ государствѣ—ни общественной, лишается даже родительскихъ и супружескихъ правъ. Въ частной жизни католикамъ также воспрещается всякое сношеніе съ отлученнымъ, подѣ опасеніемъ подвергнуться такому же отлученію: они не должны говорить ему ни „адрасувуй“, ни „прощай“, лобызать его или подавать ему руку, ни помогать ему въ нуждѣ, ни лѣчить его въ время болѣзни, ни принимать его къ себѣ въ услуженіе, не должны даже обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. Такія послѣдствія великаго отлученія средневѣковые католическіе канонисты обыкновенно излагали даже въ слѣдующемъ двустишіи для лучшаго памятованія учащимися:

*Si pro delictis anathema quis efficiatur,
Os, orare, vale, communicatio mensa negatur.*

И, дѣйствительно, такія послѣдствія какъ въ церковной, такъ и въ гражданской жизни въ средніе вѣка влекло за собою великое отлученіе. Но уже съ XV вѣка они начинаютъ замѣтно смягчаться. Такъ, въ 1418 году папа Мартинъ V устанавливаетъ различіе между отлученными на всю жизнь и терпимыми (*vitandi et tolerandi*); послѣднимъ уже разрѣшено было слушать слово Божіе, а священникамъ вмѣнено въ обязанность увѣщевать ихъ къ принесенію раскаянія. Вскорѣ послѣ этого было дозволено вступать въ частное сношеніе съ отлученными ихъ супругамъ, дѣтямъ, родителямъ и прислугѣ, а также и официальнымъ лицамъ по ихъ служебнымъ обязанностямъ, что католическіе канонисты не замедлили выразить слѣдующимъ двустишіемъ:

Utile, lex humile, res ignorata, necesse;

Haec quinque solvunt anathema, ne possit obesse.

Съ XVI—го же вѣка, съ появленіемъ протестантства, во многихъ западно—европейскихъ государствахъ гражданскія правительства рѣшительно стали отказываться соединять съ церковнымъ отлученіемъ лишеніе гражданскихъ правъ; а въ послѣднее время во всѣхъ католическихъ странахъ церковныя преступленія даже совершенно отдѣлены отъ преступленій общаго характера, и наказанія за нихъ ограничены лишь областью церковной жизни. Но католическая церковь по—прежнему настойчиво требуетъ, чтобы ея каноны о великомъ отлученіи и его послѣдствіяхъ были со всею строгостію соблюдаемы, по крайней мѣрѣ, частными лицами римско—католическаго исповѣданія.

в., *Ересь* (*haeresis*). Раскрытію понятія ереси римско—католическіе канонисты посвящаютъ много вниманія. Во—первыхъ, они полагаютъ различіе между ересями *формальными и матеріальными*. Формальною ересью они называютъ открытое признаніе истиннымъ такого ученія, которое ложно само по себѣ и находится въ противорѣчьи съ догматическимъ ученіемъ католической церкви. Матеріальною же ересью у нихъ признается безсознательное и безотчетное усвоеніе еретическаго ученія и исповѣданіе его. Во—вторыхъ, католическіе канонисты различаютъ дѣйствительное еретичество (*haeresis vera*) отъ еретичества только предполагаемаго (*haeresis praesumpta*) по подозрѣнію. Подозрѣніе въ ереси, по ихъ разъясненію, можетъ выражаться въ трехъ степеняхъ:

подозрѣніе незначительное (*suspicio parva*), подозрѣніе убѣдительное (*suspicio vehementis*) и подозрѣніе несомнѣнное (*suspicio vehementissima*). Поводомъ къ первому могутъ послужить отдѣльныя выраженія подозрѣваемаго еретика, его странныя разсужденія, несогласныя съ церковными правилами поступки. Близкое знакомство, а тѣмъ болѣе дружба съ явными еретиками уже сами по себѣ могутъ служить основаніемъ для предположенія, что между друзьями существуетъ и еретическое общеніе—*praesumptio juris*. Но если заподозрѣнный въ ереси не захотѣлъ явиться, отказался произнести проклятіе на ересь, въ которой онъ заподозрѣнъ, или въ теченіе года хладнокровно относился къ произнесенному надъ нимъ, какъ надъ еретикомъ, судебному приговору, то для католическихъ канонистовъ этого достаточно, чтобы подозрѣніе въ ереси этого человѣка признать убѣдительнѣйшимъ—*praesumptio juris et de jure*, хотя бы ни онъ письменно, ни словесно не распространялъ въ дѣйствительности никакой ереси.—Еретикъ, по католическимъ канонамъ, подвергается такому же наказанію, какъ и вѣроотступникъ, т. е., произносимому папою или отъ имени папы великому отлученію отъ церкви—*communicatio latae sententiae*. Производитъ разслѣдованіе о еретикахъ, равно какъ и о появившихся ересьяхъ,—это, конечно, обязанность епархіальнаго епископа; но если епископъ къ этому неспособенъ, недѣятеленъ или небреженъ, то его замѣняютъ особыя лица—*инквизиторы*. По конституціи папы Пія V „*Inter multiplices*“ отъ 30 декабря 1567 года, противъ обвинительнаго приговора на еретиковъ никакой аппеляціи не допускается, а снисходительный еретикъ приговоръ недействителенъ и никогда не можетъ получить законной силы. Еретика слѣдуетъ судить даже и послѣ его смерти. Мірянинъ, раскаявшійся въ своемъ еретичествѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть снова принятъ въ число членовъ католической церкви. То—же возможно и для раскаявшагося клерика: только на возвращеніе прежняго церковнаго бенефициума онъ уже рассчитывать не долженъ. Въ средніе вѣка ересь считалась преступленіемъ не только церковнымъ, но и гражданскимъ; а потому послѣ церковнаго суда и отлученія еретикъ подвергался еще и гражданскому наказанію: сожженію, заключенію въ тюрьму, безславію, лишенію всѣхъ

гражданскихъ и политическихъ правъ, секуляризаціи имущества и т. п. Въ настоящее время свѣтскія законодательства даже въ католическихъ государствахъ уже не признаютъ болѣе ересей гражданскими преступленіями и предоставляютъ своимъ подданнымъ свободу безнаказано оставлять католическую церковь и переходить въ какое имъ угодно вѣроисповѣданіе, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями: такъ, напр., въ Пруссіи, Вюртембергѣ, Ганноверѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ, Мекленбургѣ, Нассау и Брауншвейгѣ это дозволяется только лицамъ, достигшимъ 14-лѣтняго возраста, въ Баденѣ—16-лѣтняго, въ Кургессенѣ, Саксенъ-Кобургъ-Готѣ и Саксенъ-Веймарѣ—18-лѣтняго, а въ Баваріи и Саксонскомъ королевствѣ—21 года, причемъ для перехода изъ католичества въ иное исповѣданіе полагается еще опредѣленный срокъ для подачи правительству заявленія о такомъ переходѣ. Россія, конечно, и въ этомъ отношеніи пошла въ хвостѣ Пруссіи.

с) *Схизма* (Schisma). За отпаденіе въ схизму или расколъ виновный, по канонамъ римско-католической церкви, подвергается такому же наказанію, какому подвергаются вѣроотступники и еретики. Схизму католическіе канонисты также подраздѣляютъ на нѣсколько видовъ, какъ и предшествующія церковныя преступленія. Во первыхъ, по ихъ толкованію, есть схизма *формальная* и есть схизма *материальная*; во-вторыхъ, есть схизма *дѣйствительная* и есть схизма только *предполагаемая*; въ-третьихъ, есть схизма *общая* и есть схизма *частная*. Общую схизмою у католиковъ называется отпаденіе отъ единенія съ церковію чрезъ непризнаніе папскаго авторитета; частная схизма состоитъ въ отрицаніи епископскаго авторитета. Раздѣленіе это, конечно, случайное и временное, такъ какъ частная схизма или прекращается чрезъ подчиненіе епископской власти, или неизбежно превращается въ общую схизму. Къ схизмѣ вообще близко стоитъ всякое упорное неповиновеніе установленному въ католической церкви правительству или что то же іерархической власти. Отъ схизмы оно отличается лишь тѣмъ, что ослушники церковной власти, разрывая единеніе съ католическою церковію, еще не учреждаютъ отдѣльной отъ церкви религіозной общины и продолжаютъ считать себя членами католической церкви. Если неповиновеніе цер-

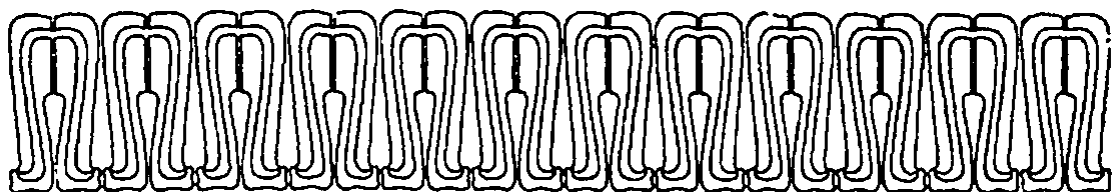
ковной власти оказывается клирикомъ, то онъ, впредь до раскаянія, запрещается въ священнослуженіи или отрѣшается отъ должности, а если—міряниномъ, то онъ временно отлучается отъ церкви; но если авторитетъ власти церковной отрицается цѣлою приходскою общиною, то она подвергается *интердикту*. Подъ именемъ интердикта (*interdictum*—запрещеніе) разумѣется также, собственно говоря, отлученіе, хотя римско-католическая каноника и старается установить различіе между этими двумя видами церковнаго наказанія. Католическіе канонисты раздѣляютъ интердикты на *мѣстный* и *личный* (*interdictum locale et personale*). Далѣе,—какъ мѣстный, такъ и личный интердикты раздѣляются еще на *общіе* и *частныя* (*interdictum generale et particulare*). Наконецъ, католическая каноника знаетъ еще интердиктъ и *смѣшанный* (*interdictum mixtum sive ambulatorium*).—Мѣстному интердикту могутъ подвергнуться отдѣльный приходъ, городъ, епархія и даже провинція (архіепископская область). Когда интердиктъ налагается на ожесточенный въ непослушаніи городъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется и на всѣ пригородныя селенія, часто совершенно ни въ чемъ неповинныя, но—только потому, что наказанные горожане могутъ посѣщать богослуженія, совершаемыя въ этихъ селеніяхъ, равно какъ подвергаются ему и ни въ чемъ неповинныя лица, прибывающія въ этотъ городъ по своимъ частнымъ или служебнымъ дѣламъ.—Личный интердиктъ можетъ касаться или нѣсколькихъ жителей въ извѣстной мѣстности, или всѣхъ вообще. Иногда ему подвергаются только непослушные клирики, иногда онъ распространяется и на однихъ прихожанъ. Когда интердикту подвергается какая-либо мѣстность, то церковная жизнь въ ней совершенно прекращается: церкви запираются и богослуженія въ нихъ совершаться не могутъ; новорожденные дѣти остаются безъ крещенія, умирающіе—безъ віатикума (напутствованія), мертвые—безъ церковнаго погребенія. Смѣшанный интердиктъ (цѣлительный, исправительный) состоитъ въ томъ, что церковная жизнь въ извѣстной мѣрѣ сокращается или только упрощается: такъ напр., запрещается совершать общественныя богослуженія (*cessatio a divinis*), но частныя богослуженія (требы) могутъ быть совершаемы; иногда запрещается отправлять богослуженіе въ церкви

только по воскреснымъ днямъ, а въ дни великихъ праздниковъ—разрѣшается; иногда совершать богослуженіе дозволяется, но—только негромко, въ полголоса или безъ колокольнаго звона, безъ крестныхъ ходовъ, безъ полного священническаго облаченія, при запертыхъ дверяхъ, безъ органа, съ ограниченіемъ дней причащенія и т. п. Впрочемъ, нѣкоторыя послѣдствія интердикта могутъ принимать видъ какъ бы отдѣльныхъ, самостоятельныхъ церковныхъ наказаній. Таковы, напр., приостановка общественныхъ богослуженій въ извѣстные дни и лишеніе христіанскаго погребенія. Римско-католическая церковь вообще отказывается въ церковномъ погребеніи ворами и грабителями, умерщвленными при совершеніи ими преступленія, святотатцамъ, не возвратившимъ похищеннаго церковнаго имущества, нераскаяннымъ явнымъ ростовщикамъ, монахамъ, утаившимъ свое имущество при поступленіи въ монастырь, нераскаяннымъ богохульникамъ, не бывавшимъ въ день пасхи у исповѣди и причащенія, и умершимъ безъ покаянія, утаивавшимъ церковныя десятины, самоубійцамъ, если только они не были душевно-больными, павшимъ на турнирѣ и во время боя съ быками, хотя бы они были даже и напутствованы таинствами, наконецъ, всѣмъ убитымъ на дуэляхъ или поединкахъ.

Проф.-прот. Г. И. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

Милосердіе.

LVII.

Понятіе о христіанскомъ милосердіи въ отличіе его отъ милосердія въ языческомъ и іудейскомъ мірѣ.—Основанія и свойства христіанскаго милосердія.—Побужденія къ милосердію.

Христіанское человѣколюбіе, въ союзѣ съ христіанскою справедливостію, находитъ свое сколько прямое и непосредственное, столько же высшее и полнѣйшее выраженіе, свой вѣнецъ, такъ сказать, въ *милосердіи*, т. е. въ помощи ближнимъ въ ихъ *нуждахъ* и страданіяхъ, какъ вещественныхъ, такъ и духовныхъ. Вотъ почему *св. Іоаннъ Златоустъ*, одинъ изъ вдохновеннѣйшихъ и неутомимѣйшихъ проповѣдниковъ христіанскаго милосердія ¹⁾, такъ высоко ставитъ милостыню, что называетъ ее „царицей добродѣтелей“ и изображаетъ ея величіе въ изумительно богатыхъ и яркихъ образахъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16 за 1915 г.

¹⁾ Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ христіанскихъ проповѣдниковъ потрудился надъ разъясненіемъ той мысли, что если есть дѣйствительная сила, способная оказывать противовѣсъ эгоизму и поддерживать равновѣсіе въ социальномъ—экономическомъ строѣ общества, то это есть именно милостыня, какъ наилучшій плодъ христіанскаго человѣколюбія и христіанской справедливости. (См. бес. 2 „о статуяхъ“, т. II, стр. 27. Ср. нашу книгу „Новѣйшій социализмъ и христіанство“. Харьковъ, 1912 г., стр. 87—92).

„Милостыня“,—по словамъ его,—„великое дѣло“. „Великъ полетъ у милостыни: она разсѣкаетъ воздухъ, проходитъ луну, восходитъ выше лучей солнечныхъ, достигаетъ до самыхъ небесъ!.. И тамъ она не останавливается, напротивъ проходитъ небо, обтекаетъ и сонмы ангеловъ, и лики архангеловъ, и всѣ высшія силы, и предстаётъ самому престолу царскому“¹⁾).

Милосердіе къ нуждающемуся и страждущему свойственно каждому по самой природѣ. Единство природы, общность участи, если не въ нуждѣ, то въ болѣзни и другихъ бѣдствіяхъ, возможность самому впасть въ нужду, голосъ совѣсти—всегда и вездѣ располагали сердца людей къ попеченію о бѣдныхъ. На какая-то злая сила отклоняла человѣческое милосердіе отъ естественнаго его источника—человѣколюбія и справедливости и сообщала дѣламъ милости эгоистическій характеръ. Такъ было въ языческомъ мірѣ, такъ отчасти было даже среди Израиля. Только ученіе и живой примѣръ Господа Іисуса Христа поставили человѣческое милосердіе на его настоящій, истинный путь. Поэтому-то дѣла милосердія суть самыя существенныя и отличительныя признаки *чисто христіанскаго поведенія*.

Во времена язычества—въ Римѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, множество нищихъ сидѣло по угламъ улицъ, на мостахъ, передъ храмами, и прохожіе бросали имъ мелкія монеты. Въ Римской имперіи нищенство никогда не запрещалось. Да и могло ли оно здѣсь когда-нибудь быть запрещено, если на самый трудъ не смотрѣли, какъ на обязанность каждаго? И вообще къ нуждающимся древніе язычники относились болѣе или менѣе сострадательно, а въ случаѣ какихъ-нибудь явныхъ и возбуждающихъ невольное участіе несчастій, не было недостатка въ сочувствіи и помощи, даже въ широкихъ размѣрахъ. Но, тѣмъ не менѣе, человѣколюбіе язычниковъ проявлялось болѣею частью въ отдѣльныхъ случаяхъ, по побужденіямъ случайнымъ; любящей заботливости о несчастныхъ, какъ дѣла,

¹⁾ Беѣда 8 „о покаяніи“, т. II, стр. 323. — Систематически—обстоятельное изложеніе ученія древнихъ церковныхъ писателей (и особенно св. *Златоуста*) о христіанскомъ милосердіи можно найти въ соч. В. И. *Экземплярскаго*, „Ученіе древней церкви о собственности и милости“. Кіевъ, 1910 г.

нравственно обязательнаго для каждаго, не было у нихъ, и въ отзывахъ объ этихъ несчастныхъ людяхъ—слышались лишь ненависть и презрѣніе къ нимъ: „Можешь ли ты пасть такъ глубоко, чтобы тебѣ не причинили отвращенія бѣдныя?“—спрашиваетъ однажды *Квинтилянъ* ¹⁾. Общему настроенію римскаго общества относительно бѣдныхъ и помощи имъ, безъ сомнѣнія, отвѣчало изреченіе *Плавта*: „худо служить нищему тотъ, кто даетъ ему ѣсть и пить; потому что то, что онъ даетъ ему, пропадаетъ, и бѣдному онъ только удлиняетъ его жизнь на бѣдственность“ ²⁾. Безъ сомнѣнія, пользовалось одобреніемъ общественнаго мнѣнія и подобное же изреченіе римскаго поэта *Овидіа*: „Къ чему давать что-нибудь бѣднымъ? Что отдаешь, того лишаешься самъ, а другимъ помогаешь лишь настолько, чтобы продлить имъ жалкую жизнь“ ³⁾.

Милосердіе есть добродѣтель, мало извѣстная древнеязыческому міру. Нѣчто похожее на добродѣтель милосердія представляла *щедрость* (*liberalitas*), но эта щедрость, не имѣя въ основѣ своей челоуѣколюбія и справедливости, легко обращалась въ орудіе эгоизма, руководилась желаніемъ отличиться предъ другими своимъ изобиліемъ и блескомъ, и по этимъ побужденіямъ простиралась не только на нуждающихся, но и на всѣхъ вообще гражданъ, причемъ менѣе другихъ получали именно тѣ, кто обычно болѣе всего нуждались.

Не знала истиннаго милосердія и греко-римская философія, не выходявшая за предѣлы болѣе или менѣе тонкаго эвдемонизма. По мнѣнію *Аристотеля*, „помощь бѣднымъ есть бездонная бочка“ ⁴⁾. Высшимъ принципомъ дѣятель-

¹⁾ *Quintilian. Declamat 301. Ed. p. 175.*

²⁾ *Ausgewählte Komödien des T. M. Plautus, Bd. 1: Trinummus (2 A. Leipz. 1873), p. 61: „De mendico male meretur, qui oī dat, quod edat aut bibat. Nam et illud, quod dat, perdit, et illi probit vitam ad miseriam. — Прекрасное опроверженіе этого взгляда на благотворительность Плавта, а вмѣстѣ съ нимъ и взгляда Цицерона, совѣтовавшаго давать милостыню лишь тогда, когда самъ можешь обойтись безъ нея, мы находимъ у Лактанція, въ его „Божественныхъ наставленіяхъ“, кн. VI, гл. 10—11, стр. 29—37. Перев. Е. Карпьева.*

³⁾ См. у *Мартиенсена*, „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 263.

⁴⁾ „Политика“. Перев. Н. Скворцова. Изд. 2. Москва, 1893 г. VI, 3—4.

ности всегда было собственное благополучіе. Даже у *Платона*, видѣвшаго смыслъ человѣческой жизни въ Богоуподобленіи (*Tim.* 29; *Republ.* X, 613), дѣло обстояло не лучше, почему и нельзя удивляться, что у этого благороднѣйшаго представителя античнаго идеализма часто такъ явно выступаетъ эгоизмъ. Въ своемъ идеальномъ государствѣ онъ беззастѣнчиво совѣтуетъ изгонять нищихъ и умерщвлять больныхъ, неспособныхъ къ труду, рабочихъ, въ виду того, что они только нарушаютъ общее благосостояніе (*Republ.* III, 168).

Впрочемъ, *стоики*, впервые поколебавшіе во имя общей человѣчности эгоистическій принципъ древне-языческаго націонализма, очень много говорили о благотворительности. *Сенека* написалъ цѣлыхъ семь книгъ „о благодѣянiяхъ“, гдѣ онъ всесторонне разбираетъ вопросъ объ обязанности благотворенiя. Но всѣ разсужденiя его по этому вопросу сводятся къ тому, чтобы, давая имѣть и себѣ что нибудь изъ того,—если не награду, то, по крайней мѣрѣ, благодарность; если не благодарность, то хоть сознаніе собственнаго великодушiя (*De beneficiis*, IV, 26—29; VII, 32) Что благодѣянiя, съ риторическою восторженностью восхваляемыя *Сенекою*, являются, въ сущности, чѣмъ то совершенно инымъ по сравненiю съ простымъ, идущимъ отъ сердца, дѣломъ христіанскаго милосердiя,—это еще яснѣе выступаетъ изъ его отрицательнаго отношенiя собственно къ состраданiю, которое трактуется имъ, какъ признакъ душевной слабости и неразумiя (*De clementia*, II, 5—6). Такимъ образомъ, современное нищенство, съ его презрѣніемъ къ слабости, имѣетъ единомышленниковъ въ лицѣ римскихъ *стоиковъ*.

Теперь уже вполне понятно, почему древнее язычество (и даже *стоицизмъ*) не могло произвести изъ себя дѣйствительнаго, организованнаго попеченiя о бѣдныхъ, въ видѣ тѣхъ филантропическихъ учрежденiй, какія свойственны только христіанству, не смотря на всѣ разглагольствованiя о равенствѣ и братствѣ людей и объ обязанности благотворенiя. Свидѣтельство объ этой невозможности мы имѣемъ, какъ въ томъ изумленiи, съ которымъ сами язычники часто относились къ совершенно чуждой имъ благотворительности христіанинъ¹⁾, такъ особенно въ попыткѣ императора *Юли-*

¹⁾ Творенiя. т. XII, кн. 1. Спб. 1908 г., стр. 265: „Ничему столько не удивляются невѣрные и всѣ, какъ дѣламъ милосердiя“. Въ изу-

ана, въ противовѣсъ христіанамъ, привить и язычеству это новое отрадное явленіе, которое онъ не могъ не признать важнымъ преимуществомъ христіанъ и которое казалось ему какъ бы постояннымъ укоромъ противъ язычников¹⁾. Древній языческій міръ не могъ выработать истинной благотворительности уже потому, что онъ признавалъ смыслъ только земной жизни и не зналъ о другой, высшей формѣ загробнаго бытія. Если человѣкъ долженъ исчезнуть вмѣстѣ съ своею тѣлесною оболочкою, то помогать ему иногда дѣйствительно нѣтъ смысла; даже болѣе того: помогать нерѣдко значитъ вредить и ему и другимъ. Съ своей чисто земной точки зрѣнія правы были *спартанцы*, убивавшіе слабыхъ дѣтей. Правда, противъ этой земной точки зрѣнія на благотворительность можно бы было возразить, что если человѣческая жизнь имѣетъ свой смыслъ лишь здѣсь на землѣ, и будущей жизни не существуетъ, то тѣмъ охотѣе надобно помогать другъ другу, чтобы, по крайней мѣрѣ, здѣшнюю жизнь по возможности сдѣлать пріятною для всѣхъ. Однако на практикѣ это бываетъ совершенно иначе. Если каждый человѣкъ есть лишь преходящее явленіе безъ вѣчнаго предназначенія, то непремѣнно входитъ въ силу такое соображеніе: да развѣ не все равно, существуетъ ли человѣкъ, или нѣтъ? почему же я долженъ дѣлиться съ нимъ своимъ добромъ? Тогда житейскимъ правиломъ скорѣе становится то, какъ это и было въ древнемъ язычествѣ, чтобы каждый устроился здѣсь на землѣ возможно удобнѣе и независимѣе, и при этомъ, конечно, нечего заботиться о своихъ нуждающихся ближнихъ, такъ какъ самое бытіе или небытіе ихъ, въ сущности, безразлично, а между тѣмъ такая забота о нихъ только лишала бы его спокойствія и независимости²⁾.

мленіи отъ такого благотворенія христіанъ язычники невольно восклицали: „смотрите, какъ христіано любятъ другъ друга“ (Iuv. IV, 158; Suet. Domit. 17).

¹⁾ Галатійскому жрецу *Арзакію Юліанъ* писалъ: „не позорно ли что... богоненавистные галилеяне не только питаютъ своихъ, но и нашихъ, которыхъ мы оставляемъ безпомощными?“ (*Эрмія Созомена*. Церковная исторія. Перев. Спб. 1851 г., т. I, гл. 16, стр. 350).

²⁾ О благотворительности въ древне—языческомъ мірѣ см. *Ульорна*, „Новая заповѣдь Христова о любви и благотворительность въ первые вѣка христіанства“. Пер. А. П. Лопухина. Изд. 2. Спб. 1904 г., стр. 9—44.

Въ другомъ положеніи, чѣмъ въ языческомъ мірѣ, находилось дѣло благотворительности въ богоизбранномъ народѣ іудейскомъ. Конечно, дѣйствительнаго, организованнаго попеченія о бѣдныхъ не было и у Израиля. Да и бѣдности въ большихъ размѣрахъ среди него не было и не могло быть. Законы о землевладѣніи, по которымъ поле чрезъ извѣстный промежутокъ времени безъ всякой платы возвращалось прежнему его владѣльцу (Лев. 25 гл.), а также совершенно отличная отъ языческой оцѣнка труда, какъ возложеннаго Богомъ на cadaго человека нравственнаго долга, дѣлали невозможными болѣе тяжелыя формы нищеты. Однако, нельзя сказать, чтобы ея совсѣмъ не было. „Нищіе всегда будутъ среди земли твоей“,—говоритъ Господь Израилю,—„потому Я и повелѣваю тебѣ: отверзай руку твою брату твоему, бѣдному твоему и нищему твоему на землѣ твоей“ (Втор. 15, 11). Слѣдуетъ рядъ узаконеній для облегченія нищенства въ странѣ іудейской. Въ пользу бѣдныхъ шло, что выросло въ субботній годъ (Исх. 23, 11). У вдовы запрещалось брать въ залогъ одежду; вдовъ и сиротъ нужно было приглашать на пиршество (Втор. 16, 11, 14). Всякому бѣдному дозволялось срывать руками колосья, только чтобы не жать серпомъ (Втор. 23, 25). Не позволялось совсѣмъ отрясать маслину: „пусть останется прищельцу, сиротѣ и вдовѣ“ (Втор. 24, 20). Не дозволялось въ тѣхъ же видахъ дожинать до самаго края поле, подбирать оставшееся отъ жатвы, обирать до чиста виноградникъ и подбирать поподавшія при уборкѣ ягоды (Лев. 19, 9—10). Запрещено было съ обѣднѣвшаго соотечественника брать ростъ и прибыль за данное въ ростъ (Исх. 23, 25; Лев. 25, 35—37). То, что дано было заемъ, должно быть прощено въ субботній годъ, и особое правило внушало, чтобы близость сего года никого не удерживала отъ даянія займа нуждающимся (Втор. 15, 2 и слѣд.). Было и особенное учрежденіе, рассчитанное на поддержку и пособіе бѣднымъ, именно вторая десятина (первая десятина принадлежала левитамъ), которая такъ и называлась *десятиной бѣдныхъ*, т. е. отдѣлялась особая часть доходовъ, которые въ извѣстное указанное время шли на учрежденіе трапезъ для бѣдныхъ въ домахъ евреевъ (Втор. 14, 22, 28—29; 26, 12—13. Ср. 12, 17—18; 16, 11, 16—17; Лев. 27, 30—33; чис. 18, 20—24; Мѡ 18.

12). Такимъ образомъ, по смыслу израильскаго законодательства. поясняетъ *Иосифъ Флавій*, всякій „оставляющій безъ помощи человѣка, нуждающагося въ ней, совершаетъ преступленіе, не оказывая помощи, хотя и имѣя возможность оказать такую“¹⁾. Эти постоянныя и строгія напомнанія закона о помощи нуждающимся должны были воспитывать въ народѣ духъ милосердія, и это качество выступаетъ, какъ главное, въ образѣ израильскаго праведника. Онъ „всякій день милуетъ и займы даетъ“ (Пс. 37, 26; 111, 5). Іовъ, въ которомъ воплощенъ образъ ветхозавѣтнаго праведника, былъ „отцомъ для нищихъ“ (Іов. 29, 16). Товитъ завѣщаетъ своему сыну: „изъ имѣнія твоего подай милостыню, и да не жалѣеть глазъ твой, когда будешь творить милостыню. Когда у тебя будетъ много, твори изъ того милостыню и когда у тебя будетъ мало, не бойся творить милостыню и понемногу“ (Тов. 4, 7- 8). Напротивъ, немилосердіе составляетъ отличительную черту печестиваго. „Сердце нечестивыхъ жестоко“ (Причт. 12, 10).

Такъ какъ Самъ Богъ милосердъ, то у Него отечески-доброе, любвеобильное сердце, исполненное состраданія. Потому-то „чтущій Бога благодѣяетъ нуждающемуся“ (Причт. 14, 31). Потому же милосердному обѣщается благословеніе Божіе: „благодѣяющій ближнему даетъ займы Богу и Онъ воздастъ ему за благодѣяніе его“ (Причт. 19, 17),—воздастъ даже въ томъ случаѣ, когда получившій благодѣянія не отвѣтилъ должною благодарностію (Сир. 12, 2). Напротивъ, не помогающій бѣдному не можетъ не страшиться гнѣва Божія. „Берегись, чтобы глазъ твой не сдѣлался немилостивъ къ нищему брату твоему, и ты не отказалъ ему; ибо онъ возопіетъ на тебя къ Господу, и будетъ на тебѣ великій грѣхъ“ (Втор. 16, 9). Вотъ гдѣ заключается та глубочайшая причина, почему въ жизни еврейскаго народа проявилъ себя духъ милосердія, котораго напрасно мы стали бы искать у язычниковъ. Поэтому, и на бѣдныхъ въ Израилѣ смотрѣли совершенно иначе, чѣмъ въ язычествѣ. Здѣсь нѣтъ и слѣда языческаго презрѣнія къ нимъ. „Вотъ постъ, который Я избралъ“.—говоритъ Господь устами пр. Исаи: „раз-

¹⁾ „De judaeorum vetustate sive contra Apionem“, ed. Benedict. II, 27.

рѣши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенныхъ отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой, и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого, одѣнь его, и отъ *единокровнаго* твоего не укрывайся“ (Ис. 58; 6—7). Здѣсь заповѣдь милосердія, исключаящая всякое презрѣніе къ бѣдняку, очевидно, мотивируется еще и тѣмъ, что онъ отъ плоти нашей, что мы родные ему.

Не смотря, однакожь, на столь ясныя заповѣди, внушавшія древнимъ евреямъ милосердіе къ бѣднымъ, злая сила дѣйствовала и здѣсь и оттягивала людей съ свѣтлаго и широкаго поприща любви и справедливости на темный и узкій путь своекорыстія. Очевидно, въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, ветхозавѣтный „законъ ничего не довелъ до совершенства“ (Евр. 7, 19).

Предписаніе о призрѣніи бѣдныхъ простиралось и на *неизраильтянъ*¹⁾. Поселившійся въ странѣ чужеземецъ уже не безправенъ. Одинъ и тотъ же порядокъ, одинъ и тотъ же судъ долженъ быть въ Израилѣ для туземцевъ и пришельцевъ (Чис. 9, 14; 15, 15 и слѣд.). Иноземецъ принимаетъ участіе въ субботнемъ покоѣ, его приглашаютъ на пиршества. Законъ увѣщеваетъ быть кроткимъ и по отношенію къ нему (Исх. 22, 21 и слѣд.; 23, 9; Лев. 19, 9; 23, 22). Тѣмъ не менѣе чужеземецъ не вполне равноправенъ съ природнымъ израильтяниномъ. По отношенію къ нему допускается запрещенное въ отношеніи къ соотечественнику взысканіе долга, по прошествіи года прощенія (Втор. 15, 1—4), а равно—взыманіе роста и прибыли (Втор. 23, 20). Израиль объявляется первороднымъ сыномъ Бога (Исх. 4, 22), хотя и по отношенію къ неизраильтянину обнаруживается та великодушная черта, которая находитъ свое основаніе въ надеждѣ Израиля на Мессію. Соломонъ, въ своей молитвѣ при освященіи храма, молится также и объ инопленникахъ (3 Цар. 8, 41). Но понятіе „ближняго“, которому нужно было помогать, суживалось въ Ветхомъ Завѣтѣ не только національностью нуждающагося въ помощи, но и его нравственнымъ

¹⁾ Этимъ, между прочимъ, опровергается мысль *г. Л. Толстого*, будто бы евреямъ предписывалось относиться ко всемъ другимъ народамъ не иначе, какъ къ нестерпимымъ врагамъ („*Worin besteht mein Glaube?*“ Leipzig, 1885, s. 112—113).

поведеніемъ. Ограниченіе послѣдняго рода мы находимъ въ раздѣленіи лицъ благочестивыхъ и грѣшныхъ, при чемъ не считается обязательнымъ помогать послѣднимъ. „Давай благочестивому“,—совѣтуетъ ветхозавѣтный правоучитель,—„и не помогай грѣшнику. Дѣлай добро смиренному, и не давай нечестивому; закрывай отъ него хлѣбъ и не давай ему... ибо и Всевышній ненавидитъ грѣшниковъ и нечестивымъ воздастъ отмщеніемъ. Давай доброму и не помагай грѣшнику“ (Сир. 12, 4—7). Наконецъ, указаніе на границу милосердія повидимому можно находить въ слѣдующемъ наставленіи израильскаго мудреца: „помагай человѣку по силѣ твоей, и берегись, чтобы тебѣ не впасть въ то-же“ (Сир. 29, 23),—хотя примѣръ Сарентской вдовы (3 Цар. 17, 12—16. Ср. Лук. 4, 26) наглядно показываетъ, что нѣтъ такого матеріальнаго недостатка, который бы дѣлалъ ненужной милостыню. И, быть можетъ, призывъ величайшаго ветхозавѣтнаго пророка, чтобы имѣющій двѣ одежды далъ одну нищему и имѣющій пищу дѣлалъ тоже (Лук. 3, 10—11), полнѣе выражалъ духъ закона, чѣмъ приведенное наставленіе.

Какъ недоставало ветхозавѣтному взгляду на милосердіе подлежащей *широты*, такъ недоставало ему и совершенной *свободы*: она еще связана была закономъ. Изъ приведенныхъ нами раньше узаконеній—давать десятины, не вполнѣ подбирать колосья на полѣ, прощать долги и т. п.—ясно видно, что древнему еврею вмѣнялось, такъ сказать, въ религиозную обязанность—подавать милостыню при опредѣленномъ случаѣ, въ опредѣленной мѣрѣ и опредѣленнымъ способомъ. Такимъ образомъ, самое дѣло любви связано было предписаніями закона въ отношеніи того, когда, какъ и въ какой степени нужно было помогать нищимъ. Но это не значитъ, чтобы въ Ветхомъ Завѣтѣ требовались только внѣшнія, обязательныя дѣла милосердія, а совсѣмъ не требовалось соотвѣтствующаго внутренняго, свободнаго настроенія (Втор. 15, 10. Притч. 19, 22; 22, 8; Сир. 4, 1—3, 8; 18, 15—18; 29, 11, 31).

Итакъ, при извѣстныхъ недостаткахъ челоѣколюбія въ древнемъ еврействѣ, въ послѣднемъ были и *зародыши* *свободнаго и всеобщаго* милосердія. Но въ образовавшемся послѣ плѣна вавилонскаго іудействѣ эти добрые зародыши не только не развились, а, наоборотъ, были подавлены, и все

то, что въ ветхозавѣтномъ откровеніи служило для нихъ ограниченіемъ, получило крайнее и одностороннее развитіе. Это позднѣйшее послѣпльнѣе іудейство характеризуется двумя признаками-мелочно-горделивою *національністю* и крайнимъ *формализмомъ* въ исполненіи предписаній закона. Презрѣніе во всѣмъ иноземцамъ и иновѣрцамъ сдѣлалось въ немъ своего рода правиломъ благочестія и возведено въ доказательство „ревностнаго служенія Богу“ (Іоан. 16, 2). *Талмудъ*, говоря о подаеніи милостыни, всегда разумѣетъ милостыню въ отношеніи къ соотечественникамъ. Невѣрнымъ, по нему, не должно ни подавать милостыни, ни принимать ея отъ нихъ ¹⁾. Если такой узко-національный партикуляризмъ суживалъ и ограничивалъ проявленія любви, то слѣпая привязанность къ дѣламъ закона извращала ихъ, даже совершенно убивала (Мѡ. 15, 4—6; 23 23; Мрк. 7. 11; Лук. 11, 42 и др). У евангельскихъ фарисеевъ дѣло милосердія совершалось, какъ отбываніе повинности, безъ участія сердца. Раздаваніе милостыни сдѣлалось средствомъ самовосхваленія. Фарисеи дають милостыню, но не по любви къ бѣдному, а для своего прославленія. Когда они подавали милостыню, то или приказывали трубить передъ собою, чтобы всѣ могли ихъ видѣть (Мѡ, 6, 2), и при этомъ „поядали дома вдовиць“ (Мрк. 12, 40; Мѡ. 23, 14; Лук. 20, 47), или, ради выполненія обѣта, нарушали заповѣдь Божию о почитаніи и питаніи родителей (Мѡ. 15, 4—6; Мрк. 7, 10). Такая показная милостыня фарисеевъ ясно говоритъ о томъ, что и Израиль временъ земной жизни Спасителя, хотя имѣлъ всѣ средства узнать и исполнить заповѣдь милосердія, но уклонился въ пониманіи и исполненіи ея на тотъ же путь самолюбія, по которому блуждали язычники. И для него долгъ милости и состраданія къ бѣдствующимъ и обездоленнымъ представлялъ собою нѣчто новое по сравненію съ тѣмъ, какъ онъ явился „въ исполненіе временъ“ (Ефес. 1, 10), когда нищимъ было возвѣщено благое слово, проповѣдано плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпущены измученные на свободу, проповѣдано лѣто Господне благоприятное (Лук. 4, 18) ²⁾.

¹⁾ См. *Eisenmenger*. „Entdecktes Judentum“, I, 617 и дал.

²⁾ Изъ другихъ сочиненій о древне-еврейскомъ милосердіи слѣдуетъ назвать: проф. о. А. А. *Глаголева*, „Древнееврейская благотво-

Самъ Богъ обязываетъ христіанина къ добродѣтели милосердія. „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“,—говоритъ Господь нашъ І. Христосъ. (Мѡ. 5, 48). Въ чемъ же это совершенство? Отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: „Будьте милосердны, какъ и Отецъ вашъ небесный милосердъ“ (Лук. 6, 36). Ап. Іаковъ самое христіанское благочестіе въ отношеніи къ Богу опредѣляетъ, какъ любящую заботливость о немущихъ: „чистое и непорочное благочестіе *предъ Богомъ и Отцомъ* есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ“,—говоритъ ап. Іаковъ (Іак. 1, 27. Ср. Іерем. 22, 16). „Не забывайте также благотворенія и общительности; ибо таковыя жертвы *благоугодны Богу*“,—пишетъ и ап. Павелъ (Евр. 13, 16). „Никакое служеніе *такъ не угодно Богу*“,—говоритъ св. Григорій Богословъ, „какъ милосердіе; потому что оно всего болѣе *сродно Богу*, Которому предходить милость и истина (Пс. 88, 15), и Которому должно приносить въ даръ милость прежде суда... Будь для несчастнаго богомъ, подражая милосердію Божію. Ибо ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, сколько благотвореніе“¹⁾. Милосердіе и сострадательность—вотъ“,—по словамъ св. Іоанна Златоуста,—„чѣмъ мы можемъ *уподобяться Богу*... Не сказалъ Господь: если будете поститься, то будете подобны Отцу вашему; не сказалъ: если станете соблюдать дѣвство, или если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему,.. Но что: *будете милосерды* говоритъ, *якоже Отецъ вашъ, якоже на небесахъ!* Это—дѣло Божіе“²⁾. Итакъ, творить милостыню—долгъ христіанина потому, что это дѣло Божіе Божественная заповѣдь.

Но эта заповѣдь для насъ, христіанъ, получаетъ особый смыслъ и значеніе въ лицѣ Христа Спасителя, Который былъ не просто учителемъ или законоположникомъ любви и милости (Мѡ. 5, 42; 25, 34—46; Лук. 10, 37; 16, 19—25), но Самъ есть присносущая любовь, по слову Его наперстника:

рительность“, Кіевъ, 1903 г. „Попеченіе о бѣдныхъ у древнякъ евреевъ“; „Воскресное Чтеніе“, ч. 32 (1868—1869), стр. 750—768; *Гос. Лемана*, „Общественная и частная благотворительность по древнееврейскому законодательству“. „Восходъ“ 1898 г., мартъ и апрѣль и др.

¹⁾ Творенія, т. II. Слово о любви къ бѣднымъ, стр. 6—27. М. 1844 г.

²⁾ Творенія, т. XI, кн. 2, стр. 799.

„Богъ есть любовь“ (1 Иоан. 4, 16). Въ лицѣ Иисуса Христа явленъ міру совершеннѣйшій образецъ любящаго участія въ людскомъ горѣ (Мѡ. 9, 36; 14, 14; Мрк. 6, 34; Лук. 7, 13; Иоан. 5, 17; Дѣян. 10, 38). Подавая помощь неимущему, христіанинъ не только благотворитъ по заповѣди Божіей, но оказываетъ *милость и любовь Самому Христу*, предавшему Себя за насъ, содѣлавшемуся ради насъ бѣднымъ (2 Кор. 8, 9), сострадающему бѣднымъ, алчущему и жаждущему въ лицѣ бѣдныхъ: „такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“ (Мѡ. 25, 40). „Почти Того“,—говоритъ *св. Григорій Богословъ*,—„Кто претерпѣлъ за насъ язвы и болѣзни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивымъ и челоѡколюбивымъ къ члену Христову... Доколѣ еще есть время, посѣтимъ Христа, послужимъ Христу, напитаемъ Христа, одѣнемъ Христа, примемъ Христа, почтимъ Христа“¹⁾. Но съ какимъ неподражаемымъ краснорѣчіемъ и трогательностію раскрываетъ эту собственно христіанскую точку зрѣнія на долгъ милосердія *св. Иоаннъ Златоустъ*, объясняя, какъ Самъ Спаситель протягиваетъ намъ руку, за подааніемъ въ лицѣ бѣдныхъ! „Насъ ни Христосъ“,—воскликаетъ *св. отецъ*,—„ни все Христово не отвлекаетъ отъ житейскихъ занятій, но какъ змѣи, какъ ехидны или свиньи, или какъ все это вмѣстѣ, мы пресмыкаемся въ грязи. Чѣмъ мы лучше этихъ животныхъ, когда имѣя столь многіе и великіе примѣры, все еще смотримъ внизъ и даже немного не можемъ посмотреть на небо? Богъ за тебя предалъ Сына, а ты не даешь и хлѣба Ему, за тебя преданному, за тебя убиенному. Христосъ не ограничился только смертію и крестомъ, но благоизволилъ сдѣлаться нищимъ, странникомъ, безпріютнымъ, нагимъ, быть заключаннымъ въ темницу, терпѣть болѣзни, чтобы хотя этимъ привлечь тебя къ Себѣ. Если ты не воздаешь Мнѣ за то, что Я страдалъ за тебя, говоритъ Отецъ, то сжался надо Мною ради нищеты. Если не хочешь сжалиться надъ нищетою, тронься Моею болѣзнію, умилосердись ради узъ; если же и это не склоняетъ тебя къ челоѡколюбію, обрати вниманіе на легкость просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлѣба, пріюта и утѣшительнаго

¹⁾ Слово о любви къ бѣднымъ, т. II, стр. 37—39.

слова. А если и послѣ этого остаешься жестокимъ..., такъ склонись жалостью хотя бы къ самому естеству, видя Меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, какую Я терпѣлъ за тебя на крестѣ. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю въ лицѣ нищихъ“ и пр. ¹⁾).

При такихъ *основаніяхъ* христіанскаго долга творить милостыню падаютъ всѣ его ограниченія, какія воздвигалъ ей грѣховный эгоизмъ въ мірѣ языческомъ и у подзаконныхъ іудеевъ. Заповѣдь о любви къ ближнимъ встрѣчается и въ Ветхомъ Завѣтѣ (Лев. 19, 18), но здѣсь она отдѣлена отъ заповѣди о любви къ Богу (Втор. 6, 5). Фарисеи, которые „давали десятину съ мяты, аниса и тмина“ (Мѡ. 23, 23), но при этомъ „поядали дома вдовицъ“ (Мрк. 12, 40), полагали, что любовь къ Богу достаточно проявить пунктуальнымъ исполненіемъ обрядоваго закона, причемъ то собственно, въ чемъ только и находятъ себѣ истинное подтвержденіе любовь къ Богу, именно, любовь къ людямъ, они оставляли безъ исполненія. Поэтому было совершенно новымъ явленіемъ, когда Господь обѣ указанныя заповѣди о любви къ Богу и къ ближнимъ соединилъ въ одну, какъ нѣчто цѣлое, назвавъ вторую изъ нихъ „подобною“ первой (Мѡ. 22, 37—40); такъ что въ христіанствѣ любовь къ ближнимъ не есть нѣчто, стоящее вѣд и рядомъ съ любовью къ Богу, а составляетъ самое ея осуществленіе. Тѣма проходитъ,—говорить ап. Іоаннъ,—и „истинный свѣтъ уже свѣтитъ“ (1 Іоан. 2, 2). Теперь нельзя уже отклонить дѣлъ милости подъ предлогомъ якобы высшаго сѣуженія Богу, какъ было у евреевъ (Мрк. 7, 10—13). „Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ“—говоритъ ап. Іоаннъ,—„но видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое, какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія“? (1 Іоан. 3, 17; 4, 20).

Первое, что нужно отмѣтить въ новозавѣтномъ ученіи о *свойствахъ* милосердія,—это *всеобщность* христіанскаго долга благотворить неимущему, „всякому, просящему у тебя, давай,—учитъ Самъ Спаситель (Лук. 6, 30; Мѡ. 5, 42; Іак. 2, 14—16). Въ христіанствѣ не имѣютъ значенія никакія различія по народности, по состоянію, даже по полу, потому что въ немъ „нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго“ (Гал. 3, 28). Національныя и всякія другія различія блѣднѣютъ

предъ сознаниемъ того, что нуждающійся человекъ—нашъ ближній. Замѣчательно, что І. Христосъ въ притчѣ о милосердномъ самарянинѣ (Лук. 10, 30—37) просто говоритъ: „нѣкоторый человекъ шелъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ и попался разбойникамъ“, не характеризуя этого человека далѣе ни по его національности, ни по положенію, ни по религіи. Всего этого намъ и не нужно знать; довольно, если мы знаемъ, что человекъ этотъ нуждающійся и поэтому нашъ ближній, какъ и самарянинъ, увидѣвшій въ немъ своего ближняго, ни на что другое не обратилъ вниманія, какъ именно на это. Если ап. Павелъ наставляетъ насъ дѣлать добро „наипаче своимъ по вѣрѣ“ (Гал. 6, 10), то это наставленіе, имѣющее въ виду естественную ограниченность силъ благотворящаго, не было ограниченіемъ всеобщности христіанскаго милосердія, подобно тому, какъ и особенная близость І. Христа къ своему народу не помѣшала Его служенію быть спасительнымъ для всего міра.

Проф.-прот. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

Очерки по исторіи христіанской иконописи.

Продолженіе *).

Часть I.

Исторія древне-христіанской иконописи.

I.

Натакомбная символика.

Первые христіане далеко не были невѣждами въ области искусствъ. Наоборотъ, Египтяне, Сирійцы, Греки и Римляне, ко времени появленія христіанства, успѣли уже пережить длинную исторію своего художественнаго развитія и дошли до созданія многочисленныхъ памятниковъ искусства высокаго совершенства. Особенно это нужно сказать о грекахъ и римлянахъ. Они воспитывались исключительно въ эстетической атмосферѣ. Мы уже говорили, что у нихъ преимущественно была развита пластика: архитектура и скульптура (ваяніе). И, дѣйствительно, въ этой области грекъ и римлянинъ достигли глубокаго и поразительнаго постиженія внѣшней красоты. На всѣхъ ихъ скульптурахъ лежитъ печать страстнаго и благоговѣйнаго любованія прелестію внѣшнихъ формъ. Даже въ фигурахъ сверхчеловѣческой борьбы (битва титановъ съ богами на Пергамскомъ жертвенникѣ) и страданій (Умирающій Галлъ, Лаокоонъ) греческій геній съ удивительнымъ проникновеніемъ прежде всего улавливалъ и отражалъ своеобразное очарованіе напряженныхъ и мучающихся тѣлъ человѣческихъ. Греко-римскій геній пластики въ области этой внѣшней красоты формъ глубоко постигъ натуральную правдивость линий и рисунка, изящество и грацію позъ и движеній, и особливо нужную мѣру и гармонію всѣхъ этихъ составныхъ элементовъ художественнаго совершенства. Но дальше этой внѣшней красоты своихъ созданій грекъ и римлянинъ не пошли: у нихъ не было для этого внутреннихъ, идеальныхъ задатковъ ни

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 15 за 1915 г.

въ культурѣ, ни въ религиѣ. Вотъ почему тотъ видъ изобразительнаго искусства, который питается исключительно духовной стороной идей, у нихъ не развился и не дошелъ до уровня ихъ удивительной пластики. У Египтянъ рядомъ съ грандіозными и прекрасными архитектурными и скульптурными памятниками совсѣмъ не было живописи какъ искусства: раскрашенныя фигуры на стѣнахъ зданій у нихъ были только грандіозными іероглифами. У Грековъ и Римлянъ были только примитивныя опыты портретной, бытовой и религіозной живописи (особенно на сосудахъ), никогда не дошедшей у нихъ до степени самостоятельнаго искусства. Но за то они, опытные вообще въ художественной области, выработали и довели до значительнаго совершенства стѣнную орнаментную фреску для украшенія главнымъ образомъ жилыхъ помѣщеній. Здѣсь въ умѣнныя пользоваться стѣнными площадями, расписывать на нихъ фоны изъ аркадъ, фронтоновъ и цѣлыхъ зданій, украшать ихъ орнаментами изъ гирляндъ, цвѣтовъ и геометрическихъ фигуръ, разнообразить эту роспись изображеніями птицъ и летающихъ амуровъ, употреблять вѣжные и красивые тона красокъ,—въ этомъ широко обнаруживалось присущее имъ чутье красоты, изящества и мѣры.

Съ такимъ богатствомъ своего эстетическаго развитія и пониманія греки и римляне, покидая свое язычество, вступали въ христіанства. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи они стали пользоваться въ своей новой религіозной жизни наслѣдствомъ своего языческаго искусства.

На характеръ художественнаго творчества первыхъ христіанъ отразились въ сильной степени особенныя вѣншія условія ихъ жизни. Въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій до 313 г. по Р. Х. они были почти непрерывно гонимы язычниками. Новыя начала своей жизни, свои вѣрованія и святыни они должны были скрывать, чтобы не подвергнуть ихъ жестокому иждѣвательству язычниковъ. Въмѣстѣ съ этимъ въ самомъ настроеніи ихъ и религіозныхъ чувствахъ создавались особыя оттѣнки подъ вліяніемъ постоянныхъ опасеній за свою жизнь и ежеминутныхъ опасеній быть схваченными, мучимыми и отданными на казнь. Ища взаимной опоры, они объединялись въ Божіей Церкви чувствомъ глубокой и

самоотверженной любви, какъ члены тѣла Христова; отсюда они почерпали огонь воодушевленія, бодрости и силы; кругомъ для нихъ былъ потокъ нечестія, а въ Церкви—ковчегъ спасенія и отрады. Страдальческая земная жизнь побуждала ихъ всѣ свои помыслы и чувства устремлять къ загробной жизни, въ которой ихъ ждало несомнѣнное блаженство вѣчное. Не внѣшняя земная красота ихъ радовала: она для нихъ не имѣла никакого значенія,—а красота духовныхъ и вѣчныхъ упованій. Смерть для нихъ была желаннымъ переходомъ въ свѣтлый райскій міръ благодатныхъ утѣхъ и общенія со Христомъ и Святыми Нго. вмѣстѣ съ такими чувствами и ихъ эстетика стремилась къ созданію такихъ образовъ, въ которыхъ бы отражались скоропреходящая ничтожность земной жизни и вся услада загробныхъ радостей.

Подобно древнимъ евреямъ, новозавѣтные христіане стали сосредоточивать свое художественное творчество на украшеніи главной святыни своей жизни—храмахъ. Но храмы нельзя было устраивать свободно на открытыхъ мѣстахъ. Христіане нашли для нихъ мѣста въ катакомбахъ: здѣсь-то, въ катакомбныхъ храмахъ и въ украшенія святынь катакомбныхъ и открылось поприще для первобытныхъ живописныхъ созданій христіанъ.

Язычники, не признавая правъ на существованіе за другими религіями кромѣ государственныхъ, тѣмъ не менѣе допускали существованіе разныхъ погребальныхъ обществъ и кладбища ихъ считали мѣстами неприкосновенными. Пользуясь этимъ, первые христіане стали устраивать подземныя кладбища для погребенія своихъ мучениковъ и усопшихъ и здѣсь же мѣста для своихъ богослужебныхъ собраній—храмы. Эти подземелья стали называться катакомбами. Прежде всего появились они въ Италіи вокругъ Рима, а потомъ въ Неаполѣ, Сициліи, въ Малой Азіи и Сиріи.

Катакомбы представляютъ собою длинныя, узкія и высокія корридоры, вырытыя (въ Италіи вокругъ Рима) въ слоѣ зернистаго туфа, по стѣнамъ которыхъ сдѣланы въ нѣсколько ярусовъ, углубленія для погребенія мучениковъ и усопшихъ христіанъ (*loculi*), задѣлывавшіяся мраморными досками съ надписями и барельефными изображеніями. Во многихъ мѣстахъ къ этимъ корридорамъ примыкаютъ такъ называемыя кубякулы (*subiculi*), т. е. усыпальницы,—значи-

тельные по размѣрамъ подземныя комнаты. Такія кубиккулы, особенно составленныя изъ нѣсколькихъ помѣщеній и называвшіеся обычно криптами, съ раздѣленіями для мужчинъ и женщинъ, служили у христіанъ храмами: здѣсь для совершенія богослуженій находилась отгороженная возвышенная часть съ престоломъ и почетнымъ мѣстомъ для епископа. Престолъ устраивался надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ покоились христіанскіе святые и мученики, чаще всего на гробницахъ, которыя находились въ нишахъ съ полукружной аркой, въ такъ называемыхъ аркосоліяхъ (arcosolium). Стѣны и потолокъ покрывались обыкновенно фресковой живописью. Большою частію катакомбы прорыты въ нѣсколько ярусовъ, извиваясь въ каждомъ изъ нихъ въ разныхъ направленіяхъ; входъ въ нихъ тщательно закрывался деревьями или зданіями; внутри онѣ освѣщались ручными и висячими глиняными свѣтильниками съ христіанскими эмблемами. Христіане пользовались катакомбами въ теченіи всего періода гоненій до IV в. Впослѣдствіи же, съ устройствомъ храмовъ на открытыхъ мѣстахъ, христіане перестали сюда ходить, а святыни отсюда разбирались для новыхъ надземныхъ храмовъ. Во время многократныхъ варварскихъ нашествій въ V и VIII вв. катакомбы были подвергнуты разграбленіямъ и разрушенію, почему постепенно предаются забвенію въ такой степени, что къ XIV в. даже самая память о нихъ исчезаетъ. Только случайно въ Римѣ въ 1578 году провалившіеся рабочіе нашли ихъ, и катакомбы съ тѣхъ поръ сдѣлались предметомъ научнаго изученія. Первымъ и знаменитымъ изслѣдователемъ ихъ былъ итальянскій ученый Антоній Бозио, а въ послѣднее время ученый Джіованни-де-Росси, издавшій свое обширное сочиненіе о нихъ подъ названіемъ „Подземный Римъ“.

Уже при первомъ изученіи катакомбъ было обращено вниманіе на чрезвычайное богатство въ нихъ живописныхъ изображеній. Они сдѣланы были на могильныхъ плитахъ, на свѣтильникахъ, на могильныхъ сосудахъ, на саркофагахъ, на стѣнахъ и потолкахъ. Видно было, что первые христіане любили это искусство и богатство своихъ вѣрованій и чувствъ стремились отпечатлѣть всюду въ катакомбахъ, особенно же въ криптахъ—храмахъ. Изображенія эти поразили изслѣдователей своимъ разнообразіемъ: это были

орнаменты, эмблемы, лица, сцены и сложные композиции. Нетрудно было ихъ всё распредѣлить на отдѣльныя группы и эпохи и установить, что въ характерѣ ихъ исполненія проводилась планомерная работа, именно: задача найти въ разнообразныхъ опытахъ выраженіе самымъ горячимъ и господствовавшимъ своимъ вѣрованіямъ и чувствамъ: опыты эти сперва наивныя, примитивныя переходятъ потомъ въ серьезно-продуманныя, соображенные уже съ требованіями художественнаго творчества: въ нихъ уже намѣчаются для будущаго и вырабатываются религіозно-художественныя типы по крайней мѣрѣ въ отношеніи главнѣйшихъ предметовъ христіанскихъ вѣрованій.

Всѣ живописныя изображенія въ катакомбахъ можно распредѣлить на слѣдующія группы: а) символы, б) библейскія и евангельскія сцены, в) изображенія Спасителя и г) изображенія Богоматери.

Въ каждомъ изъ катакомбныхъ символовъ подъ видимыми для глазъ простыми реальными формами скрывалось сложное идейное содержаніе, связанное съ этимъ внѣшнимъ образомъ естественно или условно. Самымъ простѣйшимъ изъ символовъ, часто изображавшимся на надгробіяхъ и свѣтильникахъ, былъ якорь. Это—символь надежды на спасеніе во Христѣ съ побочнымъ указаніемъ на жестокия бури, превратности и крушенія въ житейскомъ земномъ морѣ. По ясности своего значенія и соответствія чувствамъ христіанина, этотъ символъ былъ охотно воспринятъ и широко всегда примѣнялся въ живописныхъ орнаментахъ и въ отдѣльныхъ изображеніяхъ, особенно свв. мучениковъ.

Въ качествѣ орнаментныхъ и самостоятельныхъ изображеній во множествѣ встрѣчаются здѣсь символы, взятые по формамъ своимъ изъ жизни растений, птицъ и животныхъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ должна быть отмѣчена лоза виноградная съ кистямъ винограда. Это особенно часто упоминаемый въ Свящ. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта символъ источника истинной, вѣчной и благодатной жизни. Виноградникъ (вертоградъ), виноградари, точило виноградное, лоза, вѣтви, грозди и вино виноградное,—все это во множествѣ равныхъ сопоставленій приводится въ библейскомъ текстѣ, особенно же въ басѣдахъ и притчахъ Господа Иисуса Христа. Найвысшую силу своего мистическаго зна-

ченія виноградъ получаетъ въ приложеніи къ Самому Спасителю, Который сказалъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ вѣрующимъ: „Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоан. XV, 5). Виноградный плодъ—вино стало по установленію Христову въ таинствѣ Причащенія веществомъ для пресуществленія въ Пречистую Кровь Его: вѣрующей, „пьющей Кровь“ Его подъ видомъ вина получаетъ залогъ жизни вѣчной. Священное значеніе этого символа особенно чувствовали первые христіане, въ тайнѣ Евхаристіи обрѣтавшіе главную жизненную силу въ борьбѣ съ гонителями язычниками. Поэтому они и любили постоянно изображать виноградъ на предметахъ обстановки своей религіозной жизни. Нерѣдко этотъ символъ усложнялся, воспроизводясь въ большихъ композиціяхъ, изображавшихъ сцены собиранія созрѣвшаго винограда: на такихъ картинахъ множество крылатыхъ или безкрылыхъ дѣтей (геніи или амурь) срываютъ, складываютъ, перевозятъ виноградъ; выжимаютъ сокъ изъ него. Такія изображенія означали Церковь Христову, въ которой геніи и амурь, т. е. вѣра съ любовью, собираютъ вѣрующихъ въ единое цѣлое—вертоградъ Христовъ, дающій лучшую христіанскую жизнь послѣдователямъ Христовымъ подобно тому, какъ живительный сокъ винограда даетъ человѣку новыя силы, крѣпость и бодрость.

Другимъ растительнымъ символомъ, часто встрѣчающимся на стѣнахъ катакомбныхъ криптъ и на надгробныхъ плитахъ, были изображенія въ разныхъ видахъ пальмовой вѣтви. Въ античномъ искусствѣ эта вѣтвь была знаменіемъ побѣды и торжества. Въ христіанскомъ же искусствѣ это—символъ христіанской духовной побѣды мучениковъ и исповѣдниковъ надъ гонительствомъ и изувѣрствомъ язычниковъ: могилы и надгробія именно мучениковъ обильно украшались этимъ изображеніемъ. На эту мученическую эмблему указываетъ то обстоятельство, что въ гробницахъ съ такимъ изображеніемъ всегда находились маленькіе стеклянные или глиняные сосуды съ кровію мучениковъ: носили они названіе „ampullae“. Подробное же значеніе имѣли изображеніе вѣнка—символа небесной награды за земное страданіе за Христа. Весьма любимымъ символомъ у

первыхъ христіанъ былъ голубь, который въ библейской исторіи являлся неоднократно орудіемъ промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ: вѣстникомъ милостей Господнихъ (въ исторіи всемірнаго потопа—голубь съ масличною вѣтвью въ клювѣ), образомъ Св. Духа (въ Крещеніи Господнемъ—голубь распростертый или летящій внизъ), примѣромъ кротости и чистоты, согласно словамъ Спасителя: „будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби“ (Мѡ. X, 16). Встрѣчались иногда въ катакомбахъ и изображенія павлиновъ и феникса, на первый взглядъ казавшіеся просто орнаментными украшеніями. Между тѣмъ и эти изображенія имѣли для первыхъ христіанъ свое вполне понятное для нихъ значеніе, основанное на ходячихъ народныхъ сказаніяхъ—легендахъ объ этихъ птицахъ. Мясо павлина считали нетлѣннымъ, а перья его будто бы выпадавшими постепенно зимою и снова затѣмъ вырастающими весною и лѣтомъ. Фениксъ же считался сказочною птицею: онъ представлялся подобнымъ орлу съ краснымъ гребнемъ на головѣ, золотыми перьями вокругъ шеи и разноцвѣтнымъ хвостомъ. Легенда о фениксѣ была извѣстна древнимъ еще во времена Геродота. Сказанія о немъ передаютъ и древнехристіанскіе писатели. Такъ Климентъ Римскій рассказываетъ: „въ восточныхъ странахъ около Аравіи совершается необыкновенное знаменіе. Тамъ есть птица, называемая фениксомъ. Будучи единственною въ своемъ родѣ, она устраиваетъ себѣ гнѣздо изъ ливана, мирры и другихъ благоуханныхъ растений; входитъ въ это гнѣздо и умираетъ. Но изъ ея истлѣвшей плоти рождается червь, который питается влагою умершей и покрывается перьями. И вотъ, возмужавъ, онъ беретъ гнѣздо, гдѣ покоятся кости его умершаго предка, съ этою ношею онъ летитъ изъ страны аравійской въ Египетъ, въ городъ, называемый Иліополемъ; и когда достигаетъ этого мѣста, то въ виду всѣхъ полагаетъ эти останки на жертвенникъ солнца, и затѣмъ возвращается туда, откуда прилетѣлъ. Жрецы разсматриваютъ лѣтописи и узнаютъ, что птица прилетѣла черезъ 500 лѣтъ.“ На катакомбныхъ фрескахъ фениксъ изображался стоящимъ на пальмѣ, съ вѣткой въ клювѣ и съ сіяніемъ вокругъ головы. Ясно, что первые христіане видѣли въ этомъ изображеніи священный символъ. А это символическое его значе-

не на основаніи общераспространенной легенды, конечно, заключалось въ указаніи на идею воскресенія и вѣчности: тоже значеніе заключалось и въ изображеніи павлина. Нѣкоторые думаютъ, что оба эти символа долго держались въ древне-христіанскомъ искусствѣ не столько ради внутренней цѣнности ихъ или особой выразительности, сколько ради той красочной красоты, какую можно было показать, рисуя изображенія павлина и феникса съ ихъ причудливымъ опереніемъ. Но мнѣніе это ошибочно: въ перво-христіанскомъ искусствѣ эти символы изображаются совсѣмъ примитивно и просто; вѣтки въ клювѣ и сіяніе вокругъ головы феникса наглядно подчеркивали идейное, переносное значеніе этихъ символовъ. Христіанамъ въ эпоху гоненій отрадно было при видѣ этихъ изображеній переноситься мыслию къ скоротечности этой печальной жизни и къ радостному воскресенію для вѣчной блаженной жизни. Вотъ почему фениксъ изъ языческой легенды легко былъ усвоенъ христіанскимъ искусствомъ и внесенъ былъ въ циклъ священныхъ изображеній.

Самымъ же важнымъ и употребительнѣйшимъ символомъ въ катакомбахъ было изображеніе рыбы, безчисленное количество разъ воспроизводившейся въ стѣнописи и рельефныхъ украшеніяхъ свѣтильниковъ, сосудовъ и могильныхъ плитъ. Часто изображая этотъ символъ, древніе христіане, очевидно, хорошо понимали его значеніе и въ немъ видѣли нѣчто для себя очень священное и дорогое. Съ переноснымъ значеніемъ рыба часто упоминается въ евангельскомъ текстѣ: Спаситель называетъ апостоловъ, по ремеслу рыболововъ, ловцами человековъ, уподобляетъ Царство Божіе неводу, наполненному ^{разнаго} рода рыбами (Мѡ. XIII, 47—48; IV, 19; Мрк. I, 17; Лук. V, 10), рыбу же, какъ употребительную земную пищу, сопоставляетъ съ благами небесными (Мѡ. VII, 9—11). Однако же, при тщательномъ изученіи этого символа открывается, что въ немъ скрывалось не это общее значеніе, а болѣе узкое и специальное, именно: въ немъ всегда заключается святѣйшее имя Господа Спасителя. Греческое названіе рыбы „ἰχθῆς“ включаетъ въ себѣ пять монограммъ, относящихся къ Иисусу Христу: „Ιησοῦς, Χριστός, Θεοῦ, Υἱός, Σωτήρ“, т. е. Иисусъ Христосъ Божій Сынъ Спаситель. Чтобы вѣрнѣе скрыть отъ язычниковъ эту святиню своей вѣры,

древніе христіане означали Спасителя невиннымъ изображеніемъ рыбы. Такое именно значеніе этого символа указывалось цѣлымъ рядомъ древне-христіанскихъ писателей: Мелитономъ Сардійскимъ, Оригеномъ, Августиномъ и др. Нѣкоторые утверждали, что таинственное значеніе слова „ἰχθύς“ въ приложеніи къ Спасителю было предуказано еще въ 8 книгѣ Савиллинныхъ пророчествъ, гдѣ находится акростихъ изъ этихъ буквъ, составленной эритрейскою Сивиллою, пророчествовавшею о Христѣ. Какъ бы то ни было, символъ этотъ у христіанъ былъ очень распространенъ и любимъ. Смотря по тому, въ какихъ сопоставленіяхъ изображалась рыба въ катакомбныхъ стѣнописяхъ, Спаситель означался здѣсь въ разныхъ смыслахъ. Напр., Христосъ какъ основатель и хранитель Церкви, символизировался въ изображеніи, гдѣ представленъ корабль церкви, покоящійся на рыбѣ; Христосъ, дающій Себя въ снѣдь вѣрнымъ въ тайнѣ Евхаристіи, обозначался рыбами, на спинахъ которыхъ находятся корзины наполненныя хлѣбами; Онъ же какъ Свѣтъ жизни—изображался въ видѣ рыбы на свѣтильникахъ и т. п. Символъ этотъ былъ незамѣтнымъ, но вѣрнымъ признакомъ христіанскаго званія. Такъ, древніе христіане даже въ обыденной жизни узнавали и привѣтствовали другъ друга, рисуя, какъ бы случайно, на пескѣ или стѣнѣ этотъ символъ.

Уже въ символѣ феникса мы видимъ, что древніе христіане охотно пользовались античными преданіями для своихъ художественныхъ цѣлей. Изъ этой области они выбирали для себя элементы наиболѣе удобные для олицетворенія новыхъ Богооткровенныхъ идей и евангельскихъ предметовъ. Мало этого. Здѣсь же, въ катакомбахъ для своей символики они широко пользовались даже самыми типами античными и дали цѣлый рядъ художественныхъ опытовъ воплощенія новыхъ идей исповѣдуемой ими вѣры въ античныхъ художественныхъ формахъ. Замѣчательный примѣръ этого мы видимъ въ катакомбныхъ изображеніяхъ Орфея съ лирою въ рукахъ. Два такихъ изображенія находятся въ катакомбной криптѣ Домициллы, а одно—въ криптѣ Каллиста. Лучшее изъ нихъ въ катакомбахъ Домициллы представляется въ такомъ видѣ. На кругломъ сводчатомъ потолкѣ изображенъ восьмиугольникъ, вокругъ котораго расположены восемь изображеній: пр. Давіила въ видѣ

греческаго нагого юноши между львами, пр. Моисея въ видѣ греческаго мужа въ тогѣ, источающаго воду изъ скалы, пр. Давида въ образѣ юноши въ короткой туникѣ съ пращею въ правой рукѣ и Спасителя также въ видѣ греч. мужа, движеніемъ руки воскрешающаго мертвеца Лазаря, а между этими изображеніями четыре декоративныхъ картины, изображающихъ тельцовъ и агнцевъ подъ деревьями. Въ центральномъ же осьмиугольникѣ—представленъ въ идиллической обстановкѣ, въ полѣ между деревьями, Орфей: юный и безбородый въ пастушеской шалочкѣ и въ короткой туникѣ, дважды опоясанный (*Tunica succincta*), въ сандаляхъ онъ свободно возсѣдаетъ на камнѣ, въ его лѣвой рукѣ пятиструнная арфа, на которой онъ правой рукой играетъ; правая нога широко отставлена какъ бы отбивающая тактъ. По бокамъ къ нему склонились деревья съ птицами на вѣтвяхъ, а подъ ними Орфея окружаютъ: лошадь, левъ, овцы, змѣя, черепаха и заяцъ въ положеніи слушающихъ игру. Это замѣчательное изображеніе, несомнѣнно, сдѣлано христіанами, и символическое значеніе его доказывается тѣмъ, что оно находится въ катакомбѣ и окружено изображеніями изъ Священной исторіи. Во всей этой росписи—главное изображеніе Орфея. По мифическому сказанію грековъ Орфей былъ надѣленъ отъ боговъ чудеснымъ искусствомъ музыки: его игра была настолько совершенна, что могла привлекать милость боговъ, укрощать ярость морскихъ волнъ, останавливать теченіе рѣкъ, укрощать дикихъ звѣрей и заставлять деревья покидать свои мѣста и слѣдовать за нимъ. У древнихъ христіанъ это сказаніе невольно сопоставлялось съ Евангельскимъ образомъ Спасителя, словомъ своимъ укрощавшимъ бурю, исцѣлявшимъ бѣсноватыхъ и привлекавшимъ ко спасенію всѣхъ людей, даже самихъ тяжелыхъ грѣшниковъ, грубыхъ и дикихъ. Такое сопоставленіе мы находимъ у нѣкоторыхъ древнехристіанскихъ писателей, напр. Климента Александрійскаго, Евсевія Кесарійскаго и др. И катакомбное изображеніе Орфея, несомнѣнно, символизируетъ Спасителя, такъ какъ оно даетъ гармоническое и яркое впечатлѣніе того вліянія, какое можетъ производить на всю природу Божія благодать, а такую силу во всей божественной полнотѣ обладать только Христосъ Спаситель. Замѣчательно, что идея всемір-

наго и чудеснаго учительства Христова, живописно выраженная въ катакомбныхъ храмахъ, потомъ послѣ гоненій также воспроизводилась въ храмахъ (базиликахъ), но уже не въ символахъ, а въ величественныхъ композиціяхъ Самого Христа на божественномъ престолѣ съ раскрытымъ Евангеліемъ въ одной рукѣ, а другой благословляющаго весь міръ. Примѣчательны также и художественныя черты въ этомъ изображеніи Орфея. При всей красочной его простотѣ, однако въ немъ ярко бросается въ глаза античная красота рисунка и типовъ, особенно человѣческихъ. Фигуры пророковъ Моисея, Давида и Даніила и Спасителя, воскрешающаго Лазаря, равно какъ и фигура Орфея изображены совершенно въ греческомъ вкусѣ съ прекрасными, юными и изящными греческими лицами, съ тщательно отмѣченной мускулатурой человѣческаго тѣла и въ греческихъ одеждахъ съ изящными складками. Окружающая Орфея обстановка умѣло согласована съ нимъ такъ, чтобы дать одно цѣльное впечатлѣніе, указывающее на подразумеваемаго здѣсь Спасителя: въ этомъ также видѣнъ опытъ античнаго искусства.

Для напоминанія о Спасителѣ древніе христіане употребляли въ катакомбахъ символы не только заимствованныя изъ античныхъ преданій или же составленныя изъ акростиха. Библейскій текстъ Ветхаго и Новаго Завѣта давалъ имъ превосходный въ этомъ отношеніи образъ, чрезвычайно глубоко и наглядно указывающій на самую сущность искупительнаго служенія Спасителя и близко подходившій къ настроенію первыхъ христіанъ-мучениковъ за Христа. Это образъ жертвеннаго агнца-овчати. Христосъ, какъ ведомый не жертвенное закланіе агнецъ, былъ предъизображенъ съ замѣчательно прозорливостью прор. Исаіемъ въ его пророчествѣ о страданіяхъ Мессіи: „Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно, и не открывалъ устъ Своихъ; какъ овца веденъ былъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отвергалъ устъ Своихъ“ (Исаіи LIII, 7). Въ самомъ началѣ евангельской исторіи Св. Предтеча Іоаннъ Креститель, возвѣщая міру о явленіи Мессіи Христа и указывая на него, называлъ его, подобно прор. Исаіи, агнцемъ: „Се агнецъ Божій“ (Іоан. I, 36). И съ этихъ поръ агнецъ и агницы, пастырь и стадо овчье, — становятся самыми любимыми уподобленіями въ бесѣдахъ Господа Спасителя какъ въ при-

ложеніи къ Нему, такъ и ко всѣмъ Его послѣдователямъ. И съ жизнію этихъ послѣднихъ такъ естественно совпадали эти образы. Подобно Христу Агнцу, принесшему Себя въ жертву за спасеніе міра, и первые христіане ежеминутно, должны были готовиться приносить себя въ жертву—обре- ченные на смерть отъ гонителей язычниковъ. Понятно, какъ глубоко долженъ былъ западать въ ихъ сердце этотъ блб- лейскій образъ Божественнаго Агнца, какъ непроизвольно по- томъ долженъ былъ онъ отпечатлѣваться и въ первобыт- номъ художественномъ ихъ творествѣ. Дѣйствительно, въ катакомбной иконописи агнецъ появляется очень рано, изоб- ражается очень часто и во всевозможныхъ композиціяхъ, становится самымъ популярнымъ символомъ Христа и пере- дается въ иконопись даже дальнѣйшихъ временъ послѣ эпохи гоненій. Самая простая и древнѣйшая форма этого символа— это изображеніе агнца безъ всякихъ аксессуаровъ или же возлѣ пастушескаго посоха съ сосудомъ для молока, что оз- начаетъ Божеств. агнца дающаго питіе жизни въ Евхаристіи. Еще подробнѣе очерчивается значеніе этого символа въ изоб- раженіи агнца на горѣ, изъ подъ которой изливаются четыре ручья, а другіе агнцы пьютъ изъ этихъ ручьевъ воду. Въ этомъ изображеніи съ очевидностію открывается тотъ смыслъ, что Христосъ (агнецъ на горѣ) есть глава церкви (гора), изъ которой распространяется евангельское ученіе (четырехъ евангелій въ видѣ ручьевъ), напоющее жаждующія души вѣрующіхъ (агнцы пьющіи изъ ручьевъ). Христологическій характеръ агнца отмѣчается уже съ положительною точностію въ изображеніи его съ монограммой имени Іисуса Христа и съ крестомъ. Полное раскрытіе этого символа мы находимъ на замѣчательномъ изображеніи, найденнымъ на стеклянномъ сосудѣ изъ катакомбъ. Все изображеніе составлено изъ двухъ частей. На нижней-меньшей символи: агнецъ на горѣ съ ручьями и пьющими агнцами, а по бокамъ Іерусалимъ и Вифлеемъ, а на верхней, большей, Спаситель на горѣ, съ рѣкой у под- ножія горы, а возлѣ него апостолы: Петръ, соотвѣтствующій Іерусалиму, и олицетворяющій церковь изъ іудеевъ, и Павелъ, соотвѣтствующій Вифлеему, и олицетворяющій церковь изъ язычниковъ. Съ IV в. символъ агнца начинаетъ считаться столь яснымъ и для всѣхъ понятнымъ образомъ Спасителя, что начинаютъ уже изображать его съ головой въ ояніи,

помѣщаютъ его въ срединѣ между двѣнадцатью другими агницами (апостолами) и дѣлаютъ это изображеніе на триумфальной аркѣ базилики, а далѣе уже изображаютъ агнца у подножія креста или же на крестѣ въ срединѣ перекрестій, а вокругъ него библейскіе символы четырехъ евангелистовъ. Въ такихъ подробностяхъ этого символа уже сказывалась потребность древне-христіанскаго творчества перейти отъ иносказаній къ прямымъ иконописнымъ изображеніямъ священныхъ лицъ и предметовъ. Рѣшительный опытъ такого перехода мы находимъ въ многочисленныхъ катакомбныхъ изображеніяхъ монограммъ Христа и Креста. Тотъ видъ креста, который опредѣлился въ позднѣйшее время, появился у христіанъ не вдругъ. Первоначальная его форма постепенно видоизмѣнялась на Востокѣ и Западѣ, при чемъ въ этотъ процессъ его видоизмѣненій вносились особенности времени и религіознаго міросозерцанія. Крестъ былъ извѣстенъ самой глубокой древности. У древнихъ египтянъ, ассирійцевъ и мексиканцевъ находили изображенія креста равнобочнаго и продолговатаго въ качествѣ жреческихъ аксессуаровъ и орнаментныхъ украшеній. Форма креста заключалась въ той общераспространенной у древнихъ каймѣ, которая извѣстна подъ именемъ свастики. Предъ появленіемъ христіанства у грековъ и римлянъ крестъ въ видѣ буквы Т былъ страшнымъ орудіемъ смертной казни—распятія и потому для всѣхъ „іудеевъ и эллиновъ“ представлялся предметамъ ужаса и позора. Но съ тѣхъ поръ, какъ на немъ Распятый Христосъ принесъ Себя въ искупительную жертву за все человѣчество, онъ приобрѣлъ исключительное и необыкновенное значеніе. Для христіанства и Церкви Крестъ сдѣлался орудіемъ искупленія и спасенія человѣчества, честнымъ и животворящимъ источникомъ благодати и вѣчной жизни для вѣрующихъ, достохвальнымъ знаменіемъ Христовымъ, славою христіанъ, непобѣдимымъ оружіемъ противъ діавола и всякаго зла. Св. ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ много разъ говоритъ о св. крестѣ. По его словамъ, крестъ представляетъ для эллиновъ безуміе, для іудеевъ соблазнъ (1 Кор. I, 18—23), а между тѣмъ чрезъ крестъ христіане получили великія блага (Ефес. II, 15); Колос. II, 14). Самъ апостолъ ничѣмъ другимъ не желаетъ хвалиться, какъ только крестомъ Христовымъ (Галот. VI, 14), и считаетъ крестъ средствомъ

умиротворенія земнаго съ небеснымъ (Колос. I, 20), слово о крестѣ считаетъ „силою Божіею“ и „благовѣствованіемъ Христовымъ“ (1 Коринѣ. I, 18), злыхъ людей считаетъ врагами креста Христова (Филип. III, 18). Отсюда какъ у апостоловъ, такъ и у первыхъ христіанъ возникло глубочайшее и благовѣйнѣйшее почитаніе какъ подлиннаго креста Христова, такъ и вообще крестнаго знаменія. Объ этомъ язычники узнали очень рано и со злобою обрушивались на христіанъ съ насмѣшками и порицаніями: называли ихъ крестопоклонниками, обвиняли ихъ въ грубомъ безбожіи и изображали крестъ въ кощунственномъ видѣ. Такъ, на стѣнѣ дворца цезарей на Палатинскомъ холмѣ въ 1857 году была найдена бѣгло выцарапанная картина подобнаго кощунственнаго характера, явно направленная противъ христіанъ. На ней изображенъ крестъ съ распятымъ человекомъ, имѣющимъ лошадиную голову, а подлѣ него молящійся съ поднятой ко кресту рукой: греческая надпись сбоку гласитъ: Алексаменось молится Богу. Въ виду такого надругательства надъ этою величайшею святынею, древніе христіане, конечно, не могли и думать объ открытомъ почитаніи ея. Но за то въ своихъ катакомбахъ и на предметахъ легко скрываемыхъ они не могли не изображать этого дорогого и священнаго для нихъ знамени. Такъ какъ для нихъ крестъ пріобрѣталъ свое особое значеніе отъ искупительной жертвы Христовой, то изображеніе его они старались соединить съ первоначальными буквами святѣйшаго имени Христова, т. е. съ такъ называемой монограммой Христа. Такой характеръ изображеній креста облекалъ его въ тоже время прикровенной символикой, охранявшей эту святыню отъ непосвященныхъ даже и въ катакомбахъ. Древнѣйшую форму такого изображенія представляетъ буква X, которая означала какъ Христа, такъ и крестъ, на которомъ Онъ былъ распятъ. Эту монограмму мы находимъ на многочисленныхъ катакомбныхъ гробницахъ, на печатяхъ и перстняхъ христіанъ I—III вв. Въ дальнѣйшемъ въ эту монограмму вносится буква I, вертикально пересекающая X, и въ такомъ видѣ изображеніе уже означало: Иисусъ Христосъ. Одновременно съ такой монограммой появляется въ катакомбахъ другая форма ея въ видѣ буквы X вертикально пересеченной другою—P. Со времени Св. равноапостольнаго царя Константина

эта форма становится весьма распространенной: послѣ небснаго видѣнія св. креста св. Константинъ сдѣлалъ этотъ знакъ своимъ знаменемъ, повелѣвъ его изображать на полковыхъ знаменахъ и монетахъ. Фигурируя въ стѣнныхъ катакомбныхъ росписяхъ и въ орнаментныхъ украшеніяхъ надгробій, свѣтильниковъ, саркофаговъ, печатей и т. п., эта монограмма изображается то заключенной въ связанныхъ лентами вѣнкахъ, то обставленной пальмовыми вѣтвями, то соединенной съ буквой I, начерченной горизонтально. Объяснительный смыслъ этой монограммы еще усложняется новою подробностію, также явившеюся въ катакомбахъ, и вмѣстѣ съ этимъ давшей толчекъ къ дальнѣйшей выработкѣ догматической формы креста. Эта подробность заключалась въ добавленіи къ ней двухъ обозначаемыхъ по бокамъ греческихъ буквъ α и ω . Древніе христіане въ эти буквы влагали смыслъ 10-го и 17-го стиховъ I главы Апокалипсиса: „я, говоритъ св. ап. Іоаннъ Богословъ, былъ въ духѣ въ день воскресный и слышалъ позади себя громкій голосъ, какъ бы трубный, который говорилъ: Я есмь Алфа и Омега, первый и послѣдній... И когда я увидѣлъ Его (Сына Человѣческаго), то палъ къ ногамъ Его какъ мертвый. И Онъ положилъ на меня десницу Свою и сказалъ мнѣ: не бойся! Я есмь Первый и Послѣдній—Живый“... Въ такомъ видѣ эта монограмма слогалась въ цѣлое исповѣданіе вѣры, что Господь Іисусъ Христосъ есть Предвѣчный Богъ. Изъ этихъ первобытныхъ монограммныхъ изображеній креста въ послѣдствіи въ катакомбахъ образуются уже болѣе ясныя и прямыя изображенія дѣйствительнаго креста. Первую попытку этого рода мы видимъ въ изображеніи одной буквы P, но перечеркнутой горизонтально. Наконецъ, съ IV в. начинаютъ здѣсь появляться уже прямыя изображенія креста отдѣльно отъ монограммъ, напр. въ катакомбахъ Люцины, Понтіана и др., причемъ начинаютъ твердо устанавливаться три основныя его формы: крестъ монограммическій или Андреевскій (такъ какъ по преданію св. ап. Андрей Первозванный былъ распятъ на крестѣ въ видѣ буквы X), крестъ греческій съ совершенно равными перекрестьями и крестъ латинскій—продолговатый, въ которомъ вертикальный брусъ длиннѣе горизонтальнаго. Въ позднѣйшія времена (средневѣковыя и новыя) появились многія и весьма существен-

ныя особенности въ изображеніяхъ креста, отчего эти послѣднія получили названія: крестъ патріаршій, папскій, рыцарскій, русскій. И къ этимъ формамъ креста, какъ и къ монограммамъ, уже въ древности присоединялись живописныя подробности, вносящія въ изображенія разнообразный догматическій смыслъ. Такъ, въ катакомбахъ Понтіана имѣется замѣчательное изображеніе креста процвѣтшаго. Изъ его подножія вырастаетъ множество вѣтвей на концахъ цвѣтущихъ; на перекрестьяхъ поставлены горящія свѣтильники, а снизу къ нимъ подвѣшены уже извѣстныя нами буквы α и ω . Въ такомъ видѣ украшенный крестъ—богатымъ своимъ глубокимъ смысломъ: это крестъ Предвѣчнаго Бога, явившаго въ Себѣ Божественный Свѣтъ міру; въ немъ для людей—источника истинной благодатной вѣчной жизни. Эта форма креста явилась чрезвычайно благодарной для позднѣйшей его художественной разработки: выводя изъ подножія креста цвѣтущія вѣтви, окружая ими крестъ, какъ вѣнкомъ, распространяя отъ него вѣтви въ длинныя гирлянды въ разныхъ сочетаніяхъ, христіанскіе художники могли создавать самыя сложныя и изящнѣйшія орнаменты для украшенія карнизовъ и различныхъ площадей храма. Эта же идея животворности и плодоносности Св. креста, которую начали художественно разрабатывать такимъ образомъ еще древніе христіане, отозвѣсилась въ замѣчательныхъ средне-вѣковыхъ (XV в.) и нашихъ древне-русскихъ (XVII в. въ Ярославской Іоанно Предтеченской церкви) композиціяхъ креста съ плодами страданій Христовыхъ.

Описанныя нами катакомбныя изображенія съ художественной стороны крайне просты.

Однако такими простыми и примитивными опытами художественное творчество древнихъ христіанъ не могло ограничиваться. Кромѣ отдѣльныхъ идей и общихъ вѣрованій, предъ ними всегда открыто было богатство событій библейской исторіи. И ихъ творчество начинаетъ черпать для себя пищу и изъ этой области, создавая циклъ уже сложныхъ изображеній священно-историческихъ событій и лицъ.

II

Сложныя библейскія изображенія въ катакомбахъ.

Изображенія библейскихъ событій Ветхаго и Новаго Завета во множествѣ встрѣчаются въ катакомбныхъ усыпаль-

нищахъ и храмахъ. Они помѣщались чаще всего въ полукруглыхъ нишахъ надъ гробницами мучениковъ и на сводчатыхъ потолкахъ. Иногда же стѣны раздѣлялись на квадратныя площади и на нихъ помѣщались рядомъ библейскія росписи. По своему содержанию эти изображенія очень разнообразны. При изученіи ихъ въ общей массѣ бросается въ глаза та особенность, что значительная часть ихъ часто повторяется и составляетъ циклъ постоянныхъ, наиболѣе любимыхъ и типичныхъ для того времени изображеній, при этомъ одинъ и тотъ же библейскій сюжетъ всюду и изображенъ одинаково: существенно-различныхъ вариаций не встрѣчается. Другая же меньшая часть изъ нихъ представляетъ собою циклъ единичныхъ изображеній, не повторяемыхъ и различныхъ по своимъ темамъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что ограниченіе библейскихъ изображеній въ катакомбахъ преобладающимъ цикломъ однихъ и тѣхъ же и въ однообразныхъ композиціяхъ сюжетовъ зависѣло отъ контроля Церкви, которая уже въ то древнее время начала устанавливать границы и нормы для христіанскаго художественнаго творчества, указывая, что именно должно быть изображаемо въ храмахъ и что должно быть признано для этого непригоднымъ. Другіе же полагаютъ, что этотъ избранный кругъ изображеній и бѣдность художественныхъ типовъ зависѣли отъ упадочнаго состоянія античнаго искусства въ III—IV вв.: какъ въ этомъ послѣднемъ, такъ и въ первобытномъ христіанскомъ художественномъ творествѣ преимущественно практиковались подражательность и копированіе. Однако ни съ тѣмъ, ни съ другимъ согласиться нельзя. Определенный кругъ библейскихъ изображеній въ катакомбахъ соотвѣтствуетъ такому же явленію и въ катакомбной символикѣ. Но эта послѣдняя ярко отражала особенную, свойственную именно первымъ христіанамъ религіозность, и олицетворяла собою определенный кругъ идей, вѣрованій и настроеній. Тутъ не имѣли мѣста ни контроль и повелѣнія Церкви, ни состояніе античнаго искусства, а единственно только психика первыхъ христіанъ. Тоже самое мы усматриваемъ и въ циклѣ библейскихъ сложныхъ изображеній въ катакомбахъ. Это яснѣе предстаетъ намъ при подробномъ разсмотрѣніи главнымъ образомъ этого типичнаго и обычно повторяемаго круга изображеній.

Вотъ предъ нами крипта Фразона въ Римѣ: здѣсь въ полукруглой нишѣ надъ гробомъ мученика изображеніе патр. Ноя въ ковчегѣ. Композиція чрезвычайно проста. Въ-сто огромнаго ковчега со множествомъ животныхъ и птицъ, здѣсь изображенъ на вершинѣ горы ящикъ съ открытой крышкой и въ немъ стоитъ фигура патр. Ноя съ античной безбородой и коротковолосой головой съ двумя протянутыми впередъ руками: къ нему летитъ голубь съ масляною вѣтвью въ клювѣ. Напротивъ Ноя представлена фигура другого мужа во весь ростъ въ длинной туникѣ и такого же античнаго вида, но съ распростертыми руками и въ молитвенной позѣ. На другихъ подобныхъ же изображеніяхъ Ной явится иногда бородатымъ мужемъ и съ семействомъ своимъ въ ковчегѣ. Но всегда въ этомъ изображеніи представленъ ковчегъ ящикъ, летящій голубь и привѣтствующій его изъ ковчега Ной. Сопоставивъ такое изображеніе съ религіознымъ настроеніемъ первыхъ христіанъ, мы вполне поймемъ его идею. Это—образъ вѣрующихъ, спасаемыхъ небесною благодатію только въ единой Христовой Церкви. Нельзя не удивляться силѣ и выразительности этого примитивнаго изображенія. Изъ многосложнаго библейскаго событія здѣсь представленъ самый главный моментъ—ярко освѣщающій смыслъ событія: это именно вѣсть Божія чрезъ голубя о спасеніи отъ всемірнаго потопа. Молитвенная фигура предъ ковчегомъ—прекрасное олицетвореніе благоговѣйной любви къ Церкви, чѣмъ такъ были одушевлены первые христіане. Образъ ковчега косвенно связанъ съ мыслію о гибели внѣ его невѣрующихъ язычниковъ, чуждающихся св. Церкви. Все изображеніе—совершенно наглядное олицетвореніе господствующаго вѣрованія первыхъ христіанъ, что внѣ Церкви—тьма, скорбь и зло и что внѣ ея—жизнь сплошныхъ опасностей и страха неминуемой гибели: только въ Церкви—спасеніе, радость и залогъ вѣчнаго блаженства. Это изображеніе, такимъ образомъ, исходило изъ самаго сердца первыхъ христіанъ: понятно, поэтому, что они чувствовали потребность возможно чаще и постоянно видѣть его предъ собою.

Другимъ излюбленнымъ у нихъ олицетвореніемъ спасенія „изъ челюстей ада“—было изображеніе пророка Іоны, который, согласно библейскому сказанію, былъ проглоченъ

морскимъ чудовищемъ, пробыль въ чревѣ его три дня и три noci и затѣмъ былъ выброшенъ невредимымъ на берегъ морской. Чаще всего въ катакомбахъ изображались одни и тѣ же три момента изъ его жизни, каждый въ отдѣльности. Иногда же они соединялись въ одномъ изображеніи, раздѣленнымъ на три части, напр. въ катакомбѣ Прискиллы, но здѣсь къ нимъ присоединено четвертое изображеніе изъ Евангельской исторіи, очевидно связанное съ ними единствомъ идеи. На этой сложной композиціи прежде всего представлено, какъ два корабельщика бросаютъ пр. Іону съ корабля въ море, гдѣ его готовится поглотить фантастическое чудовище съ двумя лапами и вьющимся хвостомъ. На другой части этого изображенія мы видимъ, какъ чудовище извергаетъ изъ своей пасти Іону, а на третьемъ, какъ Іона уже покоится спящимъ подъ навѣсомъ изъ виноградныхъ лозъ. Во всѣхъ этихъ видахъ Іона изображенъ обнаженнымъ съ хорошо очерченной мускулатурой въ античномъ вкусѣ. Образъ пр. Іоны сдѣлался близкимъ для христіанъ какъ прообразъ воскресенія Христова, согласно словамъ Самого Спасителя: „какъ Іона былъ во чревѣ кита три дня и три noci, такъ и Сынъ Человѣческій будетъ въ сердцѣ земли три дня и три noci“ (Матѣ. XII, 40). Вмѣстѣ съ этимъ спасеніе Іоны становилось и для самыхъ христіанъ символомъ ихъ собственнаго спасенія во Христѣ отъ опасностей и ужасовъ ихъ мученической жизни. Такое приложеніе этого изображенія въ отношеніи христіанъ явно отмѣчено въ катакомбѣ Прискиллы соединеніемъ его съ изображеніемъ воскресенія Лазаря Спасителемъ. Слѣдовательно, и это изображеніе пр. Іоны вполне входитъ въ кругъ господствующаго настроенія первыхъ христіанъ.

Часто изображался въ катакомбахъ и пр. Моисей. Иногда онъ представленъ во время явленія ему Господа въ неопалимой купинѣ: то онъ, приблизившись къ купинѣ, наклоняется и развязываетъ ремни сандалій на одной своей ногѣ, то, стоя благоговѣйно, смотритъ въ ту сторону, откуда слышенъ божественный гласъ, изображаемый иногда въ видѣ руки, протянутой изъ облаковъ. На другихъ изображеніяхъ онъ представленъ получающимъ отъ Господа священныя скрижали Закона Божія. Но всего чаще встрѣчается въ катакомбахъ изображеніе пр. Моисея источающаго воду

изъ скалы: простертымъ жезломъ онъ ударяетъ въ скалу, изъ которой стремится водопадомъ вода; два израильянина припадаютъ къ этой водѣ и пьютъ ее. Моисей здѣсь изображается въ античномъ видѣ, безбородымъ, одѣтымъ въ такъ называемый палліумъ. Въ этомъ изображеніи древніе христіане видѣли не одинъ только историческій смыслъ. И въ него они влагали свое личное настроеніе и вѣрованіе, что подобно тому, какъ пр. Моисей благодатною водою чудесно утолилъ жажду изнемогавшихъ отъ зноя въ пустынѣ израильтянъ, такъ и Христосъ Своимъ ученіемъ и благодатію, какъ чудесною водою (Ев. Іоан. IV, 10—14), напоетъ ихъ души, оживотворяя ихъ блаженными чувствами любви и радости и свѣтлыми упованіями вѣчности.

Къ этому же художественному циклу надобно отнести и часто повторявшіяся въ катакомбахъ изображенія трехъ отроковъ въ огненной печи, спасаемыхъ снисшедшимъ къ нимъ ангеломъ, и пр. Данила во рву львиномъ. Здѣсь ярко символизировалась жизнь первыхъ христіанъ, подвергавшихся во время гоненій всѣмъ ужасамъ огненныхъ пытокъ и страшныхъ казней („христіанъ ко лвамъ“) и утѣшавшихся единственною надеждою на вѣчное спасеніе во Христѣ.

Къ болѣе рѣдкимъ и единичнымъ изображеніямъ изъ Ветхаго Завѣта можно отнести изображеніе Адама и Евы въ моментъ грѣхопаденія, Каина и Авеля во время жертвоприношенія, пр. Іова, Самсона, Давида, Іліи возносящагося на небо, Товіи, Сусанны въ видѣ агницы между двумя волками.

Изъ евангельскаго текста христіане въ катакомбную иконопись вносятъ прежде всего сюжеты притчей и бесѣдъ Господа Іисуса Христа. Къ числу наиболѣе повторяемыхъ здѣсь темъ надобно отнести притчу о десяти дѣвахъ. Частичное изображеніе ея мы находимъ въ катакомбѣ Агнии III в., наиболѣе же полное и ясное въ катакомбѣ Кириака IV в. (немного поврежденная фреска). Оно представляетъ собою слѣдующую композицію. На стѣнѣ полукруглой ниши надъ гробомъ мученика нарисованъ посрединѣ Спаситель съ благородно очерченною головою въ тройномъ нимбѣ: длинныя волосы Его доходятъ до плечъ, короткая борода раздѣляется на двое; на Немъ длинная тога, изъ подъ которой высвобождена только правая рука; обратясь впра-

во Онъ привѣтствуетъ идущихъ къ нему шесть мудрыхъ дѣвъ съ ярко горящими свѣтильниками; съ лѣвой же стороны идутъ къ Нему пять неразумныхъ дѣвъ съ потухшими и опущенными свѣтильниками. Дѣвы имѣютъ античныя головы съ греческими прическами и одѣты въ длинныя, полныя и ровныя одежды. Почему первобытное христіанское творчество остановилось только на этой притчѣ? Потому, что своимъ содержаніемъ она особенно отвѣчала задушевнымъ мыслямъ и вѣрованіямъ первыхъ христіанъ: она напоминала о постоянной готовности къ смерти, о горячей любви ко Христу, о небесномъ блаженствѣ въ брачномъ Чертогѣ Божественнаго Жениха. Надобно полагать, что чрезвычайно близка была эта притча сердцу древнихъ христіанокъ: женъ и дѣвъ, многія изъ которыхъ добровольно себя обрекали на вѣчное дѣвство, какъ невѣсты Христовы. Онѣ постоянно горѣли любовью и преданностію Христу, готовыя каждую минуту умереть за Него. Когда онѣ молились въ катакомбахъ и видѣли это изображеніе, въ немъ онѣ узнавали себя: и для нихъ оно становилось руководящимъ и ободряющимъ свѣточемъ жизни.

Кромѣ этихъ изображеній, особенно частымъ и пользовавшимся особымъ вниманіемъ у древнихъ христіанъ было изображеніе Спасителя въ видѣ „Добраго Пастыря“. Въ катакомбахъ оно дѣлалось нерѣдко въ очень большихъ размѣрахъ и составляло центръ обширныхъ стѣнныхъ росписей. Малыхъ же изображеній „Добраго Пастыря“ здѣсь было множество. Хотя у древнихъ христіанъ религіозная скульптура не находила широкаго примѣненія, однако этотъ любимый и близкій ихъ сердцу „Добрый Пастырь“ изображался даже и въ видѣ терракотовыхъ и бронзовыхъ статуэтокъ и барельефовъ на саркофагахъ, лампахъ, сосудахъ и проч. Часто находили это изображеніе у нихъ среди домашней обстановки. Нахожденіе этого изображенія въ катакомбахъ, въ храмахъ и на гробницахъ среди множества другихъ религіозныхъ символовъ, съ монограммами Христа и съ апокалипсическими буквами α и ω явно указываетъ на то, что это не простое украшеніе и не орнаментъ, а священный образъ Спасителя, тѣсно связанный съ вѣрованіями христіанъ. При изученіи смысла этого изображенія, нѣкоторые изслѣдователи обращаютъ вниманіе на то обстоятель-

ство, что подобный сюжетъ встрѣчался иногда и въ античномъ, языческомъ искусствѣ. До насъ дошли греческія статуи Меркурія (Гермеса Кріофора) въ образѣ пастуха съ бараномъ на плечахъ. Такъ изображали Меркурія согласно мѣу, что онъ спасъ городъ Танагру (въ Віотіи) отъ чумы, явившись въ вышеописанномъ видѣ. Иногда греки и римляне, разрисовывая стѣны идиллическими картинами, помѣщали здѣсь и изображеніе пастуха съ посохомъ и съ овцою на плечахъ. Но связывать съ этими изображеніями древне-христіанскаго „Добраго Пастыря“ нѣтъ никакихъ основаній. У христіанъ были свои сильнѣйшіе и неотразимые мотивы для этого образа. Ихъ библейское міросозерцаніе не иначе представляло себѣ свою общину въ отношеніи къ Богу, какъ въ тѣхъ уподобленіяхъ, какія для этого преимущественно и въ весьма многихъ мѣстахъ употребляетъ текстъ Священнаго Писанія, и именно въ видѣ стада овецъ и Божественнаго Пастыря. Широкую картину такого пастырства, изображенную величественными чертами, мы, между прочимъ, находимъ въ XXXIV главѣ книги прор. Іезекіиля. Здѣсь Господь именуется израильтянъ овцами Своими, блуждающими безъ добрыхъ пастырей: „блуждаютъ овцы Мои по всѣмъ горамъ и по всякому высокому холму, и по всему лицу земли разсѣялись отцы Мои, и никто не развѣдываетъ о нихъ и никто не ищетъ ихъ“ (ст. 6). Въ противоположность нерадивымъ и своекорыстнымъ пастырямъ (ст. 4), Онъ Себя даетъ израильтянамъ въ Пастыря Праведнаго: „Я буду пасти овецъ Моихъ и Я буду покоить ихъ, говоритъ Господь Богъ. Потерявшуюся отыщу и угнанную возвращу, и пораненную перевяжу, и больную укрѣплю, а разжирѣвшую и буйную истреблю; буду пасти ихъ по правдѣ... И поставлю надъ ними одного пастыря, который будетъ пасти ихъ, раба Моего Давида; онъ будетъ пасти ихъ и онъ будетъ у нихъ пастыремъ“ (ст. 15, 16 и 23). Уже здѣсь въ образѣ пастыря Давида предуказывался Божественный потомокъ его Спаситель, Который, по пришествіи Своемъ на землю, дѣйствительно, и возлагаетъ на Себя „воецѣло это пастырство, сказавъ: „Я пришелъ къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Мѣ. XV, 24). Свое пастырство Онъ распространяетъ на всѣхъ Своихъ послѣдователей, называя ихъ „овцами“. Въ самыхъ замѣчательныхъ и безконечно трога-

тельныхъ словахъ Онъ представляетъ сущность Своего пастырскаго служенія въ притчѣ о заблудшей овцѣ и въ бесѣдѣ о „Добромъ Пастырѣ“. Въ первой—дается именно тотъ образъ пастыря, который и вошелъ въ иконографію первыхъ христіанъ: „кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девять въ пустынѣ, и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А нашедъ возьметъ ее на плеча свои съ радостію; и пришедъ домой, созоветъ друзей и сосѣдей и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною, я нашелъ мою пропавшую овцу“ (Лук. XV, 4—6). А въ бесѣдѣ Своей Онъ уже указываетъ, что пастырство Его заключается не только въ томъ, чтобы оберечь Своихъ овецъ и найти заблудшую, но и душу Свою положить за нихъ: „Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагаетъ жизнь свою за овецъ, а наемникъ не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ и бѣжитъ; и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ“ (Іоан. X, 11—12). Этотъ образъ Христа Пастыря, преисполненный глубочайшей и нѣжнѣйшей любви къ людямъ, глубоко запалъ въ сердца первыхъ христіанъ, вызывая въ нихъ чувства восторженной радости и утѣшенія и, естественно, отпечатлѣлся въ столь распространенныхъ у нихъ изображеніяхъ „Добраго Пастыря“. Наилучшій опытъ такого живописнаго изображенія мы находимъ въ катакомбѣ Прискиллы. Здѣсь въ большомъ кругѣ оводчатого потолка представленъ стоящимъ Пастырь въ видѣ юноши съ короткими волосами, правильнымъ и симпатичнымъ лицомъ, въ туникѣ, спущенной съ праваго плеча и опоясанный по чресламъ, обутого въ античныя короткіе сапожки. У пояса его виситъ пастушеская флейта, или дудка (syrinx), на плечахъ возлежитъ ягненокъ, котораго онъ придерживаетъ лѣвой рукой за переднія ноги: правою же рукою онъ дѣлаетъ жестъ радости и привѣтствія. По бокамъ Пастыря два вѣтвистыхъ дерева съ птицами обращенными къ нему, у ногъ же его двѣ овцы, изъ которыхъ стоящая на лѣво, какъ бы съ радостію смотритъ на своего дѣтеныша на плечахъ Пастыря. Композиція эта въ цѣломъ проникнута тихою радостію. Самого Пастыря, овецъ и птицъ по случаю обрѣтенія погибавшаго ягненка. Въ другихъ подобныхъ изображеніяхъ разнообразіе усматривается только въ мел-

кихъ подробностяхъ: иногда онъ стоитъ опершись на свой посохъ, между двумя пальцами, приложивъ правую руку къ головѣ; иногда онъ изображенъ навязывающимъ на бичеву свою собаку, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, означаетъ различные моменты о Добромъ Пастырѣ, именно: отправленіе за пропавшею овцою и возвращеніе съ нею. Пастырь иногда изображенъ съ посохомъ въ одной рукѣ, съ сосудомъ для молока у пояса или въ рукѣ, съ монограммами Христа и съ буквами α и ω , иногда въ сандаляхъ или же безъ всякой обуви. На позднѣйшихъ изображеніяхъ мы находимъ прямой крестъ, также солнце, мѣсяцъ и звѣзды.

Изъ скульпурныхъ изображеній Добраго Пастыря до насъ дошла небольшая статуетка его, находящаяся нынѣ въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ. Это чрезвычайно изящное изображеніе Добраго Пастыря, въ видѣ юноши съ немного задумчивымъ красивымъ лицомъ съ длинными вьющимися волосами, въ туникѣ, опоясанный по бедрамъ, обутого въ наколѣнники и сандалии и съ сосудомъ для молока надѣтымъ на ремнѣ чрезъ плечо. Въ отличіе отъ изображенія въ катак. Прискиллы, здѣсь Пастырь держитъ ягненка на плечахъ обѣими руками. По совершенству техники эту статуетку можно поставить на ряду съ классическими произведениями скульптуры.

Кромѣ этихъ, описанныхъ нами евангельскихъ сюжетовъ, катакомбная живопись изображаетъ не мало и евангельскихъ событій. Довольно рѣдко и не въ полной определенности изображается здѣсь: благовѣщеніе Пресв. Богородицы и крещеніе І. Христа. Гораздо чаще мы находимъ здѣсь изображенія поклоненія волховъ. О нихъ мы скажемъ ниже въ отдѣлѣ катакомбныхъ изображеній Богоматери. Самыми же распространенными въ катакомбахъ были изображенія воскрешенія Спасителемъ Лаваря. Они символизировали для первыхъ христіанъ тѣ чувства и мысли, которыя по преимуществу наполняли и вдохновляли ихъ сердца, именно—объ истинной жизни за гробомъ и о скоромъ переходѣ—воскресеніи отъ этой кратковременной земной жизни къ жизни вѣчнаго блаженства. Эти изображенія только въ немногихъ подробностяхъ различаются между собой: въ общемъ же все повторяютъ съ удивительною настойчивостію одинъ и тотъ же живописный токъ. Лучшее всего оно

представлено въ подобномъ изображеніи въ катакомбѣ Марцеллина и Петра. Здѣсь І. Христось имѣеть видъ античнаго юноши съ круглою головою и короткими волосами, одѣтъ въ тунику и плащъ, въ сандаліяхъ на ногахъ. Лѣвою рукою онъ придерживаетъ плащъ, а правую простираетъ короткіи жезлъ (магическіи жезлъ жрецовъ) въ направленіи къ гробницѣ. Эта послѣдняя представляетъ собою форму римскихъ колюмбаріевъ, въ которыхъ помѣщались урны съ прахомъ умершихъ. Это—небольшое зданіе, высокоподнятое надъ почвой, съ пятиступенчатой лѣстницей, въ видѣ римскаго фронтона на двухъ колонкахъ. Здѣсь между колонками представленъ Лазарь въ видѣ выходящей изъ колюмбарія египетской муміи съ открытымъ лицомъ, закрытый саваномъ и повитый пеленами. Такимъ образомъ, здѣсь изображенъ тотъ моментъ, когда Спаситель, воззвавъ громкимъ голосомъ: „Лазарь! иди вонъ“, повелѣваетъ Лазарю возстать изъ мертвыхъ, и Лазарь „вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами“ (Іоан. XI, 43—44). Но событіе въ этомъ изображеніи во всѣхъ подробностяхъ своихъ облечено въ совершенно античныя формы, чуждыя какой-либо символикѣ или исторической обстановкѣ. Въ другихъ изображеніяхъ этого событія Спаситель представленъ римскимъ мужемъ, простирающимъ руку безъ жезла къ пещерѣ, изъ которой выходитъ мумія Лазаря.

Особую группу составляютъ тѣ изображенія въ катакомбахъ, сюжеты которыхъ имѣють связь съ одной стороны съ евангельскою исторіей, а съ другою—съ таинствами первобытнаго христіанскаго богослуженія. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ собою такъ называемыя сакраментальныя изображенія т. е. напоминающія или же и прямо воспроизводящія св. таинство Евхаристіи. Такъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ изображается трапеза въ слѣдующемъ видѣ: за полукруглымъ столомъ представлялись сидящими поочередно мужчины и женщины; на столѣ въ однихъ случаяхъ нѣтъ никакихъ блюдъ, въ другихъ случаяхъ на блюдахъ лежатъ хлѣбы и рыбы; передъ столомъ стоятъ большіе сосуды съ виномъ. Нерѣдко эти картины сопровождаются своеобразными надписями: „Ирена, дай теплой воды“, „Агапе, смѣшай для меня воду съ виномъ“. При этомъ одни участвующіе держатъ сосуды съ виномъ, тогда какъ другіе протягиваютъ руки свои вдоль стола къ вину или къ шанью.

лежащему передъ ними. Нѣкоторые полагаютъ, что въ такомъ видѣ изображались у христіанъ погребальныя тризны, которыя устраивались оставшимися въ живыхъ въ память умершихъ и погребенныхъ въ этихъ же катакомбахъ. Но тризна—языческій обычай. Былъ ли онъ у древнихъ христіанъ, на это мы не находимъ рѣшительно никакихъ указаній ни въ литературныхъ, ни въ вещественныхъ памятникахъ. Присутствіе въ этой композиціи рыбы и хлѣбовъ, символовъ строго христіанскихъ, указывающихъ на Спасителя и преломленіе хлѣба въ таинствѣ Евхаристіи,—доказываетъ чисто христіанскій характеръ изображаемаго момента. Мы признаемъ это изображеніе воспроизведеніемъ такъ называемыхъ агалъ,—вечерей любви, которыя у христіанъ катакомбнаго періода совершались большею частію вечеромъ послѣ Свящ. Евхаристіи. Агалы были выраженіемъ взаимной любви христіанъ, связаны были у нихъ съ общеніемъ имуществва и въ концѣ ихъ производилась раздача пищи всѣмъ нуждавшимся христіанамъ. Такимъ образомъ, эти изображенія представляли заключительный моментъ въ евхаристическомъ богослуженіи христіанъ.

Цѣлый рядъ другихъ катакомбныхъ картинъ изображаютъ уже несомнѣнно самую Евхаристію. На нихъ представлены за столомъ лицами къ зрителю только мужскія фигуры (въ числѣ обыкновенно семи человекъ), которые сидятъ вокругъ на восточномъ ложѣ въ одинаковомъ положеніи, каждый съ поднятой и подносимой ко рту правой рукой, держащей повидимому маленькій хлѣбецъ. Передъ столомъ стоятъ семь или восемь корзинъ, наполненныхъ хлѣбцами, а на столѣ два блюда съ рыбами на нихъ. Такое изображеніе находится въ катакомбѣ Каллиста и относится къ III в.: оно представляетъ самый актъ причащенія Св. Тайнъ подъ символами рыбы и хлѣбовъ. Но болѣе прямое литургическое изображеніе освященія Даровъ мы находимъ въ другой, весьма своеобразной, фрескѣ той же катакомбы Каллиста. Въ одной изъ комнатъ этой катакомбы съ одной стороны сдѣлано изображеніе жертвоприношенія Авраама, а на другой сторонѣ и въ соотвѣтствіи съ первымъ—другое, на которомъ представленъ римскій жертвенный треножникъ и на немъ два блюда: съ рыбой и съ хлѣбомъ крестообразно надрѣзаннымъ. Возлѣ жертвенника съ

лѣвой стороны стоитъ мужчина, одѣтый въ палліумъ—одежду философовъ и христіанскихъ священниковъ, взирая на невидимо стоящій въ сторонѣ отъ жертвенника народъ, онъ простираетъ обѣ руки надъ рыбой и хлѣбомъ. Съ другой же стороны жертвенника стоитъ женская фигура, одѣтая въ подпоясанную туннику и съ покрытой головой: обѣ руки она простираетъ вверхъ, очевидно, молясь такъ, какъ молились (съ воздѣтыми руками) древніе евреи и древніе христіане. Нѣкоторые изслѣдователи (напр. Доббертъ) хотятъ видѣть въ этой композиціи одно только символическое изображеніе чудеснаго насыщенія народа пятью хлѣбами и двумя рыбами: при чемъ въ образѣ мужа, простирающаго руки надъ хлѣбомъ и рыбою, означаетъ І. Христось, а въ образѣ молящейся женщины—олицетвореніе благодаренія (Евхаристіи). Болѣе реальное толкованіе этой фрески даетъ знаменитый Росси, который видитъ здѣсь христіанскаго священника, освящающаго Евхаристическіе Дары, при чемъ женщина съ воздѣтыми руками—это Христова Церковь, общество вѣрующихъ, присутствующихъ при этомъ и возносящихъ самую горячую и усердную мольбу. Подлинно евхаристическій смыслъ такого изображенія настолько былъ ясенъ для древнихъ христіанъ, что они стали дѣлать его въ катакомбахъ въ самомъ упрощенномъ видѣ, а именно: рисуя безъ человѣческихъ фигуръ одинъ столъ, на которомъ лежитъ на блюдѣ большая рыба, знаменующая собою тѣло Христово, и корзины наполненныя маленькими хлѣбцами чаще всего съ крестами на нихъ. Исходя изъ этихъ евхаристическихъ изображеній, на которыхъ непременно фигурируетъ рыба, можно и отдѣльнымъ изображеніямъ рыбы, символу Христа, придавать вообще значеніе евхаристическое. Тѣмъ болѣе глубокое и священное значеніе получалъ этотъ символъ въ глазахъ первыхъ христіанъ.

Уже на евхаристическихъ фрескахъ мы встрѣчаемъ образы молящихся фигуръ съ воздѣтыми руками. Но весьма часто въ катакомбахъ эти фигуры изображаются въ одиночномъ видѣ и носятъ характеръ особенно любимаго древними христіанами художественнаго типа. Всегда это изображеніе представляетъ женскую фигуру, одѣтую въ туннику и палліумъ или же въ длинную и просторную одежду римскихъ матронъ, такъ называемый далматикъ, и съ покрываломъ

на головѣ. Самая же характерная особенность этого изображенія, всюду обязательно выдерживаемая, это—простертая обѣ руки обыкновенно до высоты ся плечъ, такъ что фигура женщины представляется какъ бы распятой на крестѣ. Въ наукѣ этому изображенію усвоено названіе: „оранта“ т. е. молящаяся. Мы уже упоминали, что по примѣру ветхозавѣтныхъ евреевъ, и христіане моленіе свое всегда сопровождали воздѣвіемъ рукъ. Кажется, это былъ исконный молитвенный обычай у всѣхъ древнихъ народовъ, даже у язычниковъ. О немъ говоритъ и св. ап. Павелъ словами: „желаю, чтобы на всякомъ мѣстѣ приносили молитвы мужи, воздѣвая чистыя руки безъ гнѣва и сомнѣнія“ (1 Тим. II, 8). Несмотря на такое совпаденіе этого изображенія съ молитвеннымъ обычаемъ древнихъ христіанъ, смыслъ его ученые объясняютъ весьма различно, исходя изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Такъ, нѣкоторые видятъ объясненіе его въ цвѣтахъ и деревьяхъ, изображеніями которыхъ иногда окружена оранта, именно: полагаютъ, что оранта это—душа почившаго христіанина, радующаяся въ небесномъ раю. Другіе же придаютъ значеніе тому обстоятельству, что оранты изображались большею частію въ усыпальницахъ и надъ гробами погребенныхъ здѣсь христіанъ, и потому считаютъ ихъ символами вообще душъ умершихъ. По мнѣнію иныхъ—это образы молящихся христіанокъ, прототипы которыхъ можно было ежедневно наблюдать во время катакомбныхъ богослуженій. Большинство же изслѣдователей предполагаетъ въ орантѣ образъ христіанской общины или Церкви, какъ она представлялась собравшейся вмѣстѣ въ храмѣ и молящейся. Нѣкоторые же изъ нихъ думаютъ, что каждая фигура оранты, хотя бы даже и безъ прямыхъ надписаній, есть непременно изображеніе Пресв. Богородицы. Во всякомъ случаѣ это одно изъ самыхъ примѣчательныхъ катакомбныхъ изображеній. На немъ было сосредоточено исключительное вниманіе художественнаго творчества древнихъ христіанъ. Ему же давалось столь же видное мѣсто среди другихъ композицій, какъ и образу Добраго Пастыря. Преимущественно оно дѣлалось въ аркообразной нишѣ за престоломъ въ апсидахъ катакомбныхъ храмовъ; при этомъ придавались ему размѣры въ ростъ человѣка, а иногда и больше. Во множествѣ подобныхъ изображеній замѣтны

разнообразныя, мелкія и крупныя подробности, посредствомъ которыхъ художественное творчество древнихъ христіанъ стремилось выработать возможно лучшей, наиболѣе удовлетворяющей его, типъ оранты. Въ дальнѣйшемъ ходѣ древнехристіанскаго искусства этотъ образъ оказалъ громадное вліяніе на художественный типъ Богоматери и въ различныхъ выраженіяхъ удержался не только въ послѣднихъ византійскихъ изображеніяхъ Богоматери, но и въ древнерусскихъ и чрезъ нихъ дошелъ до нашихъ дней въ разныхъ иконахъ Богоматери.

Всѣ разсмотрѣнныя нами символы и евангельскія сложныя изображенія рисовались въ катакомбахъ преимущественно каждое въ отдѣльности. Мы видѣли, что нѣкоторымъ изъ нихъ представлялись почетныя, наиболѣе видныя и бросающіяся въ глаза мѣста на потолкахъ и алтарныхъ нишахъ. Если при этомъ въ одномъ помѣщеніи находились разныя другія изображенія, то въ большинствѣ случаевъ между всѣми ними не было общей согласованности по одной какой-нибудь выраженной ими всѣми религіозной идеѣ. Большею частію изображенія на стѣнахъ дѣлались такія, какія позволяли площади стѣнъ, сводовъ и по лусводовъ.

Тѣмъ же менѣе и здѣсь мы находимъ рѣдкія попытки дать въ извѣстныхъ помѣщеніяхъ стѣнныя росписи уже не случайныя, а расположенныя въ порядкѣ и во взаимной согласованности. Такой художественный опытъ найденъ въ катакомбахъ Каллиста, рядомъ съ такъ называемою панскою криптою. Воспользуемся описаніемъ этихъ замѣчательныхъ росписей, данныхъ въ уже цитованной нами книгѣ проф. Н. В. Покровскаго. „Время происхожденія ихъ III-й вѣкъ. Расположены онѣ въ пяти помѣщеніяхъ. При входѣ въ первое по лѣвую сторону отъ двери представляется фигура Моисея, изводящаго воду. Подлѣ него сидитъ на берегу (на скалѣ) обнаженный человѣкъ съ шляпою на головѣ: удочкой онъ тащитъ изъ воды рыбу. Далѣе, обѣденный столъ, вокругъ котораго сидятъ семь фигуръ вкушающихъ, предъ ними двѣ большія рыбы. На слѣдующей стѣнѣ изображенъ корабль въ моментъ бурнаго крушенія: волны хлещутъ чрезъ его палубу; одинъ изъ людей уже упалъ въ море и погибаетъ въ волнахъ, кормчій также готовъ броситься въ воду: лишь одно лицо стоитъ посреди корабля съ руками воздѣтыми, какъ

будто, для молитвы; надъ нимъ въ сіяніи видна другая фигура молодого человѣка, простирающаго надъ его головою свою руку. Здѣсь же изображенъ и актъ крещенія. Мужъ, облеченный въ тогу, со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, возлагаетъ свою правую руку на голову обнаженнаго мальчика, стоящаго въ водѣ. По правую сторону этой сцены находится сидящая мужская фигура въ палліумѣ, спущенномъ съ праваго плеча; правую рукою онъ дѣлаетъ ораторскій жестъ. На правой отъ входа стѣнѣ изображено воскрешеніе Лазаря, птица, два дельфина, изъ коихъ одинъ съ трезубцемъ, и фигура фоссора (гробокопателя). Потолокъ комнаты украшенъ изображеніями Добраго Пастыря съ агницами, цвѣтами, вазами, павлинами и проч. Надъ заднею стѣною изображенъ треножникъ съ двумя хлѣбами и рыбою, подлѣ него 7 корзинъ съ хлѣбами. Справа Іона подъ деревомъ, слѣва тотъ же Іона, ввергаемый въ море. Въ слѣдующей комнатѣ—налѣво отъ входа тотъ же Моисей, какъ и въ первой комнатѣ; затѣмъ Іона въ трехъ уже извѣстныхъ намъ моментахъ; крещеніе, какъ въ первой комнатѣ; разслабленный со своимъ ложемъ; на задней стѣнѣ вечера, а по сторонамъ ея жертвоприношеніе Авраама и треножникъ съ рыбою и хлѣбами, подлѣ котораго находятся одѣтый въ палліумъ мужчина и женщина съ воздѣтыми руками. Своды украшены такъ же, какъ и въ первой комнатѣ. Третья комната заключаетъ въ себѣ изображенія воскрешенія Лазаря, трехъ сценъ изъ исторіи Іоны, Моисея, и вечера съ 7-ми участвующими лицами. Комнаты 4-я и 5-я бѣднѣе предшествующихъ и не представляетъ въ своихъ изображеніяхъ ничего новаго. Изъ всѣхъ этихъ изображеній самыя древнія и лучшія по стилю находятся въ первой комнатѣ, которая главнымъ образомъ и служила образцомъ при расписаніи второй; третья расписывалась по образцу первыхъ двухъ и т. д.“ По признанію изслѣдователей всѣ эти изображенія имѣютъ священный смыслъ и хорошо согласованы между собою—, а именно: представляютъ наглядное напоминаніе о двухъ важнѣйшихъ таинствахъ: крещенія и евхаристіи, имѣвшихъ для первыхъ христіанъ самое глубокое жизненное значеніе. На таинство крещенія указываютъ не только изображенія Моисея, и сцены крещенія, но и изображенія рыбаковъ и разслабленнаго: дитя крещаемое въ водѣ символически изображается въ видѣ рыбы извлекаемой изъ

воды; рыболовъ,—слѣдовательно, пастырь Церкви или же св. ап. Петръ. Разслабленный, согласно толкованія Тертулліана и Оптата Милевитскаго, указываетъ собою на отпущеніе грѣховъ въ таинствѣ крещенія. Остальныя изображенія, напр., треножникъ и вечеря 7 лицъ, въ этой катакомбѣ совершенно ясно указываютъ на свящ. евхаристію: жертвоприношеніе Авраама символъ евхаристіи, а равно и воскрешеніе Лазаря, такъ какъ „языкъ Спасителя, говорящаго о таинствѣ Его тѣла и крови, тотъ же самый, какъ и въ разговорѣ съ сестрою Лазаря Марією о воскресеніи: потому-то Ируденцій сопоставляетъ евхаристію съ воскресеніемъ Лазаря. Іона-символъ смерти и воскресенія Спасителя и затѣмъ символъ евхаристіи.

Появленіе въ катакомбахъ храмовыхъ росписей, связанныхъ идеей крещенія и евхаристіи, чрезвычайно важно. Несомнѣнно, въ III в., къ которому относятся онѣ, художественное творчество христіанъ сдѣлало значительный шагъ впередъ. Оно не довольствуется уже отдѣльными художественными образами, оно обобщаетъ ихъ и основныя, важнѣйшія идеи вѣры, воплощаетъ въ широкихъ композиціяхъ изъ цѣлой системы иконографическихъ типовъ и сценъ. Таковую систему росписей уже ставятъ здѣсь въ соотвѣтствіе и съ идеей самаго храма, именно: располагаютъ ее такъ, чтобы сакраментальное (литургическое) значеніе храма представлялось для молящихся особенно наглядно и внушительно. Стремленіе согласованія росписей самихъ по себѣ и въ приложеніи ко храму впослѣдствіи, начиная съ IV в., широко начинается въ архитектурѣ храмовъ востантійскихъ, а впослѣдствіи и древне-русскихъ, отражаясь въ появленіи многихъ весьма существенныхъ и своеобразныхъ особенностей въ самой иконописи.

Остановимъ теперь свое вниманіе на художественной и иконографической сторонѣ описанныхъ нами катакомбныхъ изображеній.

Всѣ катакомбныя стѣнныя росписи по способу своей работы представляютъ собою такъ называемыя фрески, т. е. картины, написанныя водяными красками на отштукатуренныхъ стѣнахъ. Художественная техника ихъ не оставляетъ сомнѣнія въ полномъ ея сходствѣ съ современнымъ языческимъ искусствомъ. Это и понятно. Въ катакомбахъ рисовали тѣ же мастера, которые, до обращенія въ христіанство, рас-

писывали фресками и греко-римскія общественныя зданія, дворцы, виллы и обыкновенные жилые дома. Мы выше говорили, что этотъ родъ искусства тогда стоялъ не высоко, т. е. въ собственномъ смыслѣ и не былъ искусствомъ, а скорѣе — художественнымъ ремесломъ. Такой характеръ греко-римскихъ фресокъ, напр. въ Помпѣѣ, сказывался въ полномъ отсутствіи у нихъ опредѣленныхъ индивидуальныхъ стилей и въ совершенной ихъ шаблонности: лишенная внутренняго, идейнаго, содержанія, бездушная и мертвая, онѣ ничего не говорили уму и сердцу зрителей, красками и красивыми фигурами онѣ производили только внѣшнее, поверхностное впечатлѣніе, ласкали глаза. Но въ рисунокѣ и моделировкѣ фигуръ сказывалось прирожденное у грековъ и римлянъ чувство пластики. Далѣе же этого художественность этихъ фресокъ не шла. Всѣ эти внѣшнія художественныя особенности или такъ называемая техника всецѣло отражались на катакомбныхъ фрескахъ. Какъ мы видѣли, сюда переносятся во многихъ случаяхъ разнообразныя античныя лицевыя типы, античныя преданія, бытовая обстановка, одежда, жилища, предметы домашняго обихода. По словамъ проф. А. М. Миронова „тамъ и здѣсь мы находимъ одни и тѣ же принципы раздѣленія большаго пространства отъ стѣны или потолка на нѣсколько площадей меньшихъ размѣровъ, отдѣленныхъ однѣ отъ другихъ разнообразными декоративными элементами, исполненными яркими красками: колонками, пилястрами, гирляндами изъ вѣтвей, виноградной лозы, плодовъ и т. д. И тамъ и здѣсь въ небольшихъ пространствахъ размѣщаются разнообразныя сцены чаще всего изъ одной—двухъ или трехъ фигуръ; при чемъ нерѣдко въ композиціяхъ катакомбъ и прямыя заимствованія изъ классическихъ композицій. Краеки и въ катакомбныхъ картинахъ употреблялись такія же, какъ и въ языческой живописи Рима, Помпеи и др. городовъ. Онѣ были немногочисленны по тонамъ красочнымъ, были просты и ярки; но сочетались въ пріятной гармоніи цѣлаго. Фонъ для картинъ избирался обычно одноцвѣтный, на которомъ фигуры отчетливо выступали; но именно благодаря этому въ такихъ картинахъ и тѣхъ и другихъ художниковъ не было въ строгомъ смыслѣ ни воздушной, ни линейной перспективы всѣ фигурныя композиціи изображались происходящими на одномъ планѣ и потому съ фигурами приблизительно равной величины“.

Не смотря на такую внешне-художественную зависимость от языческих фресокъ, катакомбныя росписи рѣзко отличаются отъ нихъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Въ противоположность пустотѣ первыхъ, эти послѣднія поражаютъ чрезвычайной своей идейной глубиной и серьезностію. Греко-римское искусство здѣсь начинаетъ впервые проникаться новыми, невѣдомыми доселѣ міру, религіозно-жизненными идеями,—спасительнаго крестоношенія, возрожденія посредствомъ Крещенія и Евхаристіи, радостной смерти, свѣтлаго воскресенія и блаженства загробной жизни. Все это для іудеевъ и эллиновъ было предметами непонятными и странными. Когда св. Ап. Павелъ въ Аѳинскомъ ареопагѣ началъ проповѣдь о воскресеніи мертвыхъ, то „услышавши о воскресеніи мертвыхъ одни насмѣхались, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время“ (Дѣян. XVII, 32). Крестъ представлялся эллинамъ безуміемъ, іудеямъ—соблазномъ (1 Коринѣ. I, 18—23). Трудно было язычникамъ проникнуться смысломъ и сущностію этихъ богооткровенныхъ истинъ, но зато, проникшись ими, они познавали въ нихъ и спасительную силу и радость жизни. Художественное творчество первыхъ христіанъ беретъ на себя задачу воплотить эти новыя идеи въ тѣ формы, какія у него были подъ руками и согрѣтъ ихъ всею горячістію и восторгомъ вѣрующихъ душъ, и въ результатѣ оно даетъ въ катакомбахъ первые свои художественные опыты этого, внутреннимъ своимъ блескомъ безмѣрно превосходящія всѣ лучшія произведенія тогдашняго античнаго искусства. Нельзя не обратить вниманія на то, что катакомбное искусство пользуется для своихъ художественныхъ воспроизведеній не всѣмъ богатствомъ богооткровеннаго ученія: оно избираетъ изъ него только подходящее для себя. Общія истины догматики христіанской оно еще не затрогиваетъ. Художественнымъ матеріаломъ для него становятся вышеотмѣченныя нами идеи чисто практическаго свойства, какъ разъ именно тѣ, которыя наиболѣе могли вдохновлять и ободрять первыхъ христіанъ. Черезъ это искусство съ первыхъ же поръ, уже въ катакомбахъ, вступаетъ въ неразрывную связь съ жизнію христіанъ, съ ихъ вѣрованіями и упованіями. Оно явилось не какъ мертворожденное, но какъ потребность самой жизни первохристіанской. Въ этомъ искусствѣ всѣ

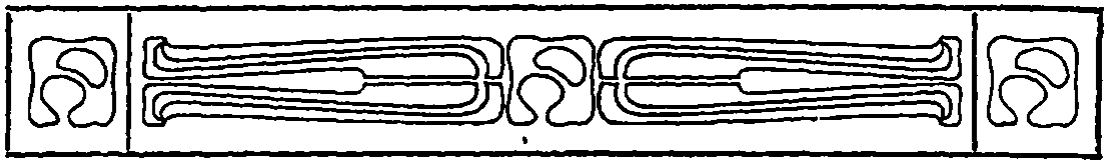
художественныя формы, не придуманы вновь, но взяты уже готовыми изъ античной области, всё они нисколько не обработаны, сдѣланы въ шаблонно-ремесленномъ вкусѣ и незамысловаты. Древне-христіанскіе мастера умѣли при этомъ настолько упростить линейную и красочную красоту своихъ композицій, что она нисколько не бросалась въ глаза, всецѣло отражаясь и, такъ сказать, свѣтясь насквозь своимъ внутреннимъ смысломъ. Поэтому содержаніе росписей всегда ярко выступаетъ на первый планъ. Во многихъ случаяхъ катакомбный рисунокъ имѣетъ характеръ слегка набросаннаго контура, раскрашеннаго одноцвѣтными пятнами: отдѣлка его совершенно оставлена въ сторонѣ, лишь бы общая фигура ярче открывала представленную въ немъ мысль. Это можно сказать почти о всѣхъ тѣхъ композиціяхъ, въ коихъ символы и библейскіе сюжеты изображены въ античныхъ формахъ и обстановкѣ. Однако же, какъ ни пренебрегалась въ это время иконографическая форма, все же художественное творчество не могло быть удовлетвореннымъ такимъ порядкомъ вещей. Оно чувствовало потребность высказаться не чужимъ, а собственнымъ языкомъ, не въ случайно подобранныхъ для него формахъ, а въ своихъ собственныхъ, индивидуальныхъ, гармонически соответствующихъ его замысламъ и идеямъ. И мы видимъ, что катакомбное искусство дѣлаетъ опыты въ этомъ направленіи, ищетъ своихъ самобытныхъ воплощеній и, дѣйствительно, создаетъ нѣсколько замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи художественныхъ типовъ, не оставшихся безъ вліянія на дальнѣйшій ходъ иконописи. Къ числу подобныхъ типовъ мы относимъ катакомбныя изображенія: божественнаго Агнца, Добраго Пастыря, креста и оранты. Мы видѣли, что не только по идеѣ, но даже по своей художественной формѣ эти типы чисто христіанскія. Откуда взяты онѣ? Несомнѣнно, изъ библейской области. Внѣшнія черты ихъ указаны въ самомъ текстѣ Библии. Если нѣчто подобное, напр., Доброму Пастырю усматривали въ античномъ искусствѣ,— то это оказывается совпаденіемъ чисто случайнымъ. Обрабатывались эти типы исключительно въ духъ ученія Церкви, каковое вносило въ ихъ изображенія соответствующія измѣненія и дополненія, какъ это мы указывали въ исторіи изображеній Божественнаго Агнца. Весьма важно, что перво-

бытное христианское искусство, оставляя миръ античныхъ образовъ, начинаетъ углубляться въ миръ картинъ и образовъ чисто библейскихъ. Оно отчасти робко начинаетъ пріоткрывать дверь въ этотъ новый священный миръ, въ которомъ уже при первомъ взглядѣ открываетъ для себя рядъ прекрасныхъ и своеобразныхъ видѣній божественныхъ красотъ. Вступивъ въ этотъ миръ, новое искусство не могло не обратиться къ возможно болѣе широкой обработкѣ библейскихъ образовъ и художественныхъ формъ въ духѣ церковныхъ чувствованій. Это стремленіе его къ достиженію самобытныхъ библейскихъ формъ для новыхъ безконечно-возвышенныхъ идей особенно наглядно сказывается въ катакомбныхъ попыткахъ создать достойная новой религіи художественныя типы Христа Спасителя и Богоматери.

Прот. П. Фоминъ.

(Продолженіе будетъ).

ШКОЛА и ОБЩЕСТВО*).

I.

Вопросъ, рѣшенію котораго мы предполагаемъ посвятить нашу статью объ отношеніи школы и общества,—не новый въ жизни и литературѣ: возрастъ его равняется возрасту школы; какъ только явилась въ обществѣ школа, такъ самъ собою возникъ вопросъ объ ихъ взаимоотношеніи; практически онъ, конечно, сейчасъ самъ собою рѣшился,—отношенія установились; и впоследствии онъ рѣшался практически такъ или иначе въ зависимости отъ разныхъ условий общественной и государственной жизни; дѣлались разновременныя попытки и теоретическаго его рѣшенія. Но, несмотря на такую давность, ни практически ни теоретически онъ не рѣшенъ окончательно до настоящаго времени, онъ теперь такъ-же новъ и интересенъ, какъ и полсотни лѣтъ тому назадъ, больше того,—въ настоящее время и въ жизни, и въ теоріи онъ съ особой силой выдвигается и интересуется всѣхъ гораздо больше, чѣмъ раньше, и можно сказать, чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше онъ даетъ себя чувствовать, особенно у насъ въ Россіи. Онъ не сходитъ со страницъ газетъ и журналовъ, онъ затрагивается въ художественной литературѣ, дебатировается на разныхъ собраніяхъ и съѣздахъ, даетъ постоянный матеріалъ для разговоровъ и споровъ во всѣхъ слояхъ общества. Нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы онъ не занималъ общественнаго вниманія, въ одной больше, въ другой меньше, но вездѣ и непремѣнно онъ всплываетъ время отъ времени на поверхность общественной жизни. Временами онъ получаетъ большую

*) Публичное чтеніе въ залѣ Харьковскихъ Думскихъ Засѣданій 8 Марта 1913 года.

остроту, временами стихаетъ, но никогда не исчезаетъ съ общественнаго горизонта окончательно. И понятно, почему, „Воспитаніе“, (которымъ занимается школа) „это“—по словамъ одного русскаго писателя-педагога, „вѣчное содержаніе нашей жизни. Это—вѣчный вопросъ нашего неоплатнаго долга передъ будущими поколѣніями, равно важный и равно своевременный для всѣхъ народовъ и для всѣхъ классовъ общества“¹⁾. Все, что такъ или иначе касается его, имѣетъ право на самое внимательное къ себѣ отношеніе. А взаимоотношеніе школы и общества это—одно изъ важнѣйшихъ условій правильнаго общественнаго воспитанія и образованія. Достиженіе высшихъ идеаловъ общественной жизни возможно только при условіи постояннаго и прочнаго единенія школы и общества, ихъ взаимнаго довѣрія и исполненнаго обоюднаго уваженія сотрудничества. Вѣдь, по существу общество и школа неразрывно, глубоко-органически связаны между собою. Общество—большой и очень сложный организмъ, школа—важнѣйшій въ немъ органъ; существуя въ организмѣ, питаясь его соками, получая отъ него жизнь, этотъ органъ въ свою очередь обуславливаетъ правильную жизнедѣятельность всего организма въ самыхъ важнѣйшихъ его отправленияхъ. Здоровый организмъ имѣетъ и здоровые органы, въ зараженномъ болѣзнию организмѣ не могутъ существовать вполнѣ здоровые отдѣльные органы; съ другой стороны болѣзненное или здоровое состояніе важнѣйшаго органа существеннымъ образомъ отражается на благосостояніи всего организма. Такъ и въ отношеніи между школой и обществомъ: здоровое общество способно создать и здоровую школу, разлагающееся—даетъ и разлагающуюся школу; и съ другой стороны—хорошая школа можетъ оздоровить и болѣное общество, плохая—еще больше усилить его болѣзнь. Тѣсная связь и глубокое взаимное вліяніе здѣсь неоспоримы и очень сильны. Трудно представить современное общество безъ школы и не менѣе трудно—школу внѣ всякой связи и взаимоотношенія съ обществомъ. Ослабить, разорвать связь между ними иногда удается на болѣе или менѣе продолжительное время (совершенно и на всегда—

¹⁾ Е. Ковалевскій. Совр. течен. въ дѣлѣ воспит. Журн. М. Н. П. 1907 Апр. стр. 150.

врядъ-ли), но это угрожаетъ серьезной опасностью здоровью какъ общественнаго организма, такъ и школы. Мы надѣемся показать въ своемъ мѣстѣ, какъ гибельны слѣдствія дисгармоніи между школой и обществомъ во всѣхъ областяхъ жизни—личной, семейной и государственно-общественной, а теперь попытаемся подойти къ наличной русской дѣйствительности, чтобы посмотрѣть, какъ русское общество относится къ своей школѣ и какъ школа реагируетъ на общественное воздѣйствіе.

Дать полное, исчерпывающее изображеніе здѣсь мы не можемъ, да и нѣтъ въ этомъ нужды: все сюда относящееся въ общемъ болѣе или менѣе хорошо всѣмъ извѣстно. Мы отмѣтимъ наиболѣе по нашему мнѣнію существенное, а недостающее предоставимъ дополнить воображенію своихъ читателей. Предупреждаемъ, что говоря о школѣ, мы будемъ имѣть въ виду исключительно среднюю мужскую, безъ всякихъ вѣдомственныхъ перегородокъ; низшую и высшую мы оставляемъ внѣ нашего обзрѣнія. Дѣлаемъ это не потому только, что съ средней школой мы ближе связаны и она намъ лучше извѣстна по собственнымъ наблюденіямъ,—въ своихъ сужденіяхъ, желая быть возможно болѣе объективными и безпристрастными, мы, наоборотъ, постараемся возможно меньше базироваться на личномъ опытѣ,—а дѣлаемъ это потому, главнымъ образомъ, что съ этой школой наше общество больше всего имѣетъ счетовъ, эта школа представляется наименѣе удовлетворительной, и дѣятелей этой школы оно считаетъ болѣе, чѣмъ дѣятелей другихъ школъ, негодными и не соответствующими своему назначенію. Выдѣляемъ среднюю школу потому, что пропасть между нею и обществомъ наиболѣе велика, расхожденіе особенно сильно и вражда особенно остра. Дѣятели низшей школы теперь, какъ и всегда, пользовались снисходительнымъ вниманіемъ, расположеніемъ и, по крайней мѣрѣ, словеснымъ сочувствіемъ общества, прессы и литературы. Даже скромные труженики церковно-приходской школы, ненавистной для либеральной части общества, безпросвѣтнымъ убожествомъ и бѣдностью своей жизни, ничтожествомъ и вопиющей несоразмѣрностью съ самыми маленькими потребностями получаемаго ими содержанія,—даже они со стороны указанной части общества встрѣчаютъ, если и не благо-

желательство, то во всякомъ случаѣ стыдливое молчаніе и не подвергаются той травлѣ, которая такъ часто по поводамъ и безъ поводовъ поднимается противъ дѣятелей средней школы. Здѣсь (въ отношеніи къ церк.-прих. школѣ) воюють съ вѣдомствомъ, духомъ и направленіемъ школы, тамъ (средн.-шк.)—кромѣ этого и съ труженниками школы. Сравнительно благополучно обстоитъ дѣло и съ высшей школой. Правда, своимъ строемъ, своими порядками она весьма многихъ не удовлетворяетъ и подвергается часто очень ожесточеннымъ нападкамъ, но опять и здѣсь нападки направляются большею частію не противъ профессоровъ и преподавателей, а противъ министерствъ и правительства, не дающихъ высшей школѣ того, чего хотѣла-бы часть русскаго общества и профессуры. Случается, конечно, и весьма нерѣдко, что въ прессѣ и на улицѣ треплется доброе имя нѣкоторыхъ профессоровъ, что учащаяся молодежь свидѣтельствуетъ свое уваженіе къ наукѣ и ея представителямъ бойкотомъ, демонстраціями и даже насиліями надъ неугодными профессорами; но здѣсь и улица со своей прессой, и учащая молодежь враждуютъ съ отдѣльными лицами, не какъ съ плохими преподавателями, возмущаются не ихъ педагогической и научной несостоятельностью, а сталкиваются съ ними, какъ съ общественно-политическими дѣятелями и воюють съ ними за ихъ, неугодную имъ, общественно-политическую дѣятельность и общественно-политическія убѣжденія, здѣсь наука, воспитаніе и педагогика ни при чемъ. Среди такихъ гонимыхъ есть, конечно, и случайные люди, къ настоящей наукѣ и научной дѣятельности имѣющие весьма проблематическое отношеніе, но несомнѣнно имѣются и подлинныя ученые, добросовѣстные работники, честные люди и прекрасные педагоги; какъ и съ другой стороны, между любимыми и популярными, наряду съ даровитыми, краснорѣчивыми, умными, идейно настроенными, честно мыслящими и добросовѣстно работающими не весьма рѣдко встрѣчаются научные проходимцы, бездарные, ничтожные, прикрывающіе свою научную безсодержательность громкими фразами на популярные среди молодежи мотивы, эксплуатирующіе ея довѣрчивость и впечатлительность въ своихъ эгоистическихъ цѣляхъ. Все это общеизвѣстно и болѣе или менѣе несомнѣнно для людей, не ослѣпленныхъ партійными преду-

бѣжденіями. Въ результатѣ, все таки, за указанными небольшими исключеніями, совсѣмъ не педагогическаго или научнаго происхожденія, дѣятели высшей школы являются въ глазахъ общества почтенными служителями науки, имѣющими право на общественное уваженіе или, во всякомъ случаѣ, на корректное къ себѣ отношеніе. Ихъ антиподы—учителя низшихъ школъ, какъ это сейчасъ было отмѣчено, хотя фактически почетомъ особеннымъ не пользуются,—ихъ дальше передней въ домѣ какого-нибудь либеральнаго предсѣдателя или члена земской управы не пускаютъ, держатъ въ холодѣ и голодѣ, въ тяжелой зависимости отъ сельскаго старосты или даже волостного сторожа ¹⁾,—но на словахъ, чаще лицемѣрно и неискренно, преклоняются передъ великимъ ихъ „подвигомъ“ на нивѣ народнаго просвѣщенія, сочувствуютъ имъ и жалѣютъ, ихъ тяжелое существованіе не отравляютъ злобою, клеветою и враждою, на такъ называемую нравственную, хотя реально и не очень полезную, поддержку общества они всегда могутъ рассчитывать.

Совершенно другую картину видимъ, когда переходимъ къ преподавателямъ средней школы. Почтенными очень немногихъ изъ нихъ величаютъ, симпатіи къ ихъ работѣ и къ ихъ личности рѣдко проявляютъ и хотя въ „порядочное общество“ пускаютъ, но отнюдь не изъ уваженія къ ихъ преподавательскому положенію, а изъ обычныхъ мелкихъ житейскихъ побужденій, преподавательское званіе часто служитъ только помѣхой для ищущихъ успѣха въ этомъ обществѣ; сочувствуютъ имъ мало, а часто и съ превеликимъ наслажденіемъ злословятъ и всячески критикуютъ ихъ. Это уже не „подвижники“, не почтенные труженики родной науки и отечественнаго просвѣщенія, для нихъ имѣются другія названія, это—бездушные чиновники, педанты, рутинеры, формалисты, черствые, безсердечные „человѣки въ футлярахъ“, „халдеи“, а то такъ и просто „звѣри“, есть и много другихъ, столь же лестныхъ эпитетовъ, которыми общество и учащееся юношество награждаютъ своихъ воспитателей и учителей, но оставимъ пока эпитеты и перей-

¹⁾ См. напр., правдивое и глубоко безотрадное изображеніе такой доли сельскаго учителя въ рассказахъ А. П. Чехова: „На подводѣ“, „У предводителѣ“, „Бабы царство“, „Чайка“.

демъ къ фактамъ.—Мы хотѣли-бы для большей отчетливости нашего изображенія показать, въ частности, какъ относятся къ школѣ учащіеся, родители, интеллигенція, печать, и хотя слѣгка отмѣтить, какъ наша школьная неразбериха отразилась въ нашей художественной литературѣ, какъ представили русскаго педагога русскіе художники слова.

Отношенія учащихся къ педагогамъ и наоборотъ никогда и нигдѣ особой сердечностью, близостью, интимностью и задушевностью не отличались и не отличаются; нѣкоторая сдержанность, осторожность, и иногда небольшая скрытность здѣсь почти неизбѣжны, по крайней мѣрѣ при господствующей школьной системѣ, и съ этимъ еще мириться-бы можно, если бы не пропалъ совершенно авторитетъ воспитателя и чувство уваженія къ нему со стороны учащихся. Къ сожалѣнію, послѣдняго и нельзя сказать, по крайней мѣрѣ, о нашей средней школѣ. Авторитетъ, довѣріе и уваженіе къ воспитателю пали до такой степени здѣсь, какъ пожалуй, нигдѣ ни въ одной странѣ. Газетный фельетонъ, не говоримъ—журнальная статья или брошюра челоѡѡка съ именемъ, легковѣсная лекція какого-нибудь заѡжаго публициста, искреннія, но неглубокія и наивныя сужденія юнаго студента, еще не износившаго первой суденческой тужурки, „авторитетныя“ поученія товарища, прочитавшаго нѣсколько тенденціозныхъ брошюръ, а иногда, что хуже всего, просто какого-нибудь любителя половить рыбку въ мутной водѣ—оказываютъ на подростковъ школьниковъ въ большинствѣ случаевъ куда больше вліянія, чѣмъ авторитетный, почти всегда благожелательный и разумный голосъ цѣлаго аренапа педагоговъ. Ихъ слушаютъ, но имъ не вѣрятъ; ихъ часто боятся, но далеко не всегда уважаютъ; имъ повинуются, но не изъ сознанія ихъ авторитета, а изъ страха передъ ихъ силой; чрезвычайно рѣдко ихъ любятъ и очень часто ненавидятъ; ложь, обманъ въ отношеніи къ воспитателю и учителю никого (изъ учащихся) не смущаютъ, нкъмъ изъ нихъ не порицаются, а почти всегда одобряются, самые ловкіе лгуны пользуются прекрасной репутацией среди товарищей, имъ сочувствуютъ, ихъ покрываетъ классъ, лишь бы эта ложь направлялась противъ школьнаго начальства. „Ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ“ признаются до извѣстной степени и министерскими

циркулярами (см. напр., извѣстный цирк. министра народн. просв. Н. П. Боголѣпова, 1899 г. за № 16212), и официальными представителями министерства народнаго просвѣщенія (гр. Мус. Пушкинъ), и другими вѣдомствами, имѣющими среднія школы. Дѣло дошло до того, что временами учащіе и учащіеся оказываются въ положеніи двухъ враждебныхъ лагерей, что учащіеся объявляютъ настоящую войну своимъ воспитателямъ и ведутъ ее съ жестокостью людей, слѣпо ненавидящихъ своего врага, и по молодости своей неспособныхъ спокойно разсуждать и сдерживать себя. Не станемъ упоминать о мелкихъ издѣвательскихъ выходкахъ учениковъ, которыми такъ богата школьная хроника; возьмемъ болѣе крупныя факты, близкіе или полностью подходящіе подъ уголовщину, когда ученики, выражаясь официально, оскорбляютъ дѣйствіемъ начальствующихъ лицъ, покушаются на ихъ жизнь—стрѣляютъ, льютъ сѣрную кислоту, бросаютъ камни и т. п.; процессы, бывшіе предметомъ разбирательства въ разныхъ мѣстахъ и въ нашемъ городѣ, врядъ—ли совершенно забыты, а вѣдь не все и до суда доходить. Мы имѣемъ подъ руками воспоминанія о школьной жизни, и описанія школьнаго быта, принадлежащія довольно извѣстнымъ читающей публикѣ литераторамъ. Позволимъ себѣ сдѣлать изъ нихъ маленькія выписки. Одинъ ¹⁾, напр., пишетъ: „ученики ведутъ вѣчную партизанскую войну съ учителями“, „питаютъ къ нимъ непримиримую ненависть“. „Въ глазахъ всѣхъ учителя-враги..., учительская комната что то въ родѣ ящика Пандоры, откуда вылетаютъ всѣ гимназическія бѣдствія и на днѣ котораго не осталось надежды на лучшія времена. Поэтому, все, что способно бросить тѣнь на этотъ лагерь враговъ, все, что такъ или иначе унижаетъ, развѣнчиваетъ и подрываетъ авторитетъ учителя, принимается на вѣру, какъ безспорная истина, какъ фактъ, не требующій ни доказательствъ, ни провѣрки“. Инспекторъ—„кащей“, учителя—халдеи; класный наставникъ входитъ въ классъ „словно укротитель въ клѣтку звѣрей“; гимназія въ ученияхъ вызываетъ чувство отвращенія, послѣдній разъ переступая ея порогъ, они торжественно отрясаютъ прахъ со своихъ ногъ. Бывшій ученикъ

¹⁾ А. Яблоновскій. Очерки и рассказы изъ гимназич. жизни, X—въ. 1902 г.

этой гимназии—цитируемый авторъ ни объ одномъ учителѣ не сохранилъ свѣтлаго воспоминанія, ни объ одномъ не сказалъ добраго слова. Въ романѣ Ф. Сологуба „Мелкій бѣсъ“ (о немъ подробнѣе ниже) ученики глубоко презираютъ и ненавидятъ своихъ учителей. Чеховскіе чело­вѣки въ футлярахъ: Бѣликовы, Рыжидки, Кулыгины и т. п. конечно и мечтаютъ не смѣютъ о довѣри и уваженіи со стороны учениковъ,—ихъ удѣлъ общее презрѣніе. Особенно рѣзко проявился этотъ расколъ въ памятные революціонные годы. Тогда учащіеся какъ свѣтскихъ (министерскихъ), такъ и духовныхъ (синодскихъ) среднихъ школъ въ своихъ петиціяхъ открыто и враждебно выступали противъ своихъ педагоговъ, если, конечно, тѣ не поддерживали забастовщиковъ и революціи, именуя ихъ не иначе, какъ чело­вѣками въ футлярахъ (резолуція учениковъ 7 кл. реального учил. и 8-го гимназии Гуревича 22 Н. 1905 г.), „прислѣшниками правительства, сподвижниками Плеве и Трепова“ (резол. ученнк. средн. и низш. школъ г. Екатеринослава)¹⁾, достойными презрѣнія и, въ лучшемъ случаѣ, сожалѣнія; рѣшительно отказались повиноваться педагогическимъ совѣтамъ, а когда тѣ пытались входить въ непосредственные переговоры съ учениками, то ихъ гнали и надъ ними издѣвались: директора одной петроградской гимназии за то, что онъ не разрѣшилъ сходки въ гимназическомъ залѣ, потому что на этотъ часъ тамъ было назначено родительское собраніе, подняли на смѣхъ и выгнали; инспектору предложили говорить стоя, когда тотъ не подчинился, предсѣдатель ученикъ „лишилъ его слова за неуваженіе къ собранію“, а затѣмъ это почтенное собраніе его освистало и тоже выгнало²⁾. Такихъ примѣровъ изъ той печальной поры можно привести очень много. (интересующихся отсылаемъ къ цитированной книгѣ гр. Мус.-Пушкина). Въ школахъ духовнаго вѣдомства дѣло обстояло не лучше, а въ отношеніи степени озлобленія, рѣзости выступленій, беспощадности и грубости насилій надъ начальствующими и учащими лицами—гораздо хуже: револьверъ, сѣрная кислота, кинжалъ—тамъ пускались въ ходъ не одинъ разъ. Только

¹⁾ Гр. Мус.-Пушкинъ „Къ вопр. о взаимн. отнош. семьи и школы“, с. 44—49.

²⁾ Ibid. с. 40.

очень немногіе педагогическіе совѣты были въ то время признаны взбунтовавшейся молодежью, но къ сожалѣнію это признаніе было куплено покорной цѣной измѣны своему долгу и служебной присягѣ. Таковъ, напр., совѣтъ гимназіи Человѣколюбиваго Общества (въ Петроградѣ), удостоенный за это слѣдующей милостивой резолюціи своихъ питомцевъ: „Мы, ученики старшихъ классовъ, выражаемъ свое глубокое сочувствіе *товарищамъ*-педагогамъ за ихъ смѣлое и рѣшительное вступленіе въ борьбу со старымъ отживающимъ режимомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражаемъ увѣренность въ томъ, что *товарищи*-педагоги не останутся на своемъ первомъ энергичномъ шагѣ и что мы рука объ руку съ ними пойдемъ вмѣстѣ въ борьбѣ за общее дѣло“¹⁾. Къ счастью для русской школы и русскаго народа примѣровъ такого единодушія педагоговъ со школьниками очень мало. Это были печальныя исключенія. Правда, то было особое, угарное время, время всякихъ увлеченій и экспессовъ, но каково-бы оно ни было, возможность такихъ фактовъ, такихъ резолюцій, единственныхъ и неповторимыхъ во всей многовѣковой общечеловѣческой исторіи школы свидѣтельствуетъ о полномъ паденіи преподавательскаго авторитета и глубокомъ чудовищномъ разрывѣ между учащими и учащимися.

Не отрицаемъ, конечно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ между учащимися и педагогами бывали и бываютъ добрыя, сердечныя, исполненныя довѣрія отношенія, можетъ быть такихъ случаевъ и немало, но все-таки это—случай, исключенія, а не общія заурядныя явленія, и представленная общая характеристика ими не уничтожается: разрывъ, отсутствіе единенія и довѣрія врядъ-ли могутъ быть оспариваемы; и мы были-бы очень рады, если бы намъ доказали противное.

Какъ же относимся и относятся къ этой междуусобной школьной войнѣ родители и русское общество съ прессой? Содѣйствуютъ-ли они ея прекращенію, или еще больше ее обостряютъ? На чьей сторонѣ ихъ симпатіи, кому они больше сочувствуютъ и вѣрятъ и какой сторонѣ оказываютъ свою поддержку?

Относительно родителей нужно прежде всего замѣтить, что многіе изъ нихъ, если-бы даже и сочувствовали школѣ

¹⁾ Ibid. с. 48.

и хотѣли оказать педагогамъ свою поддержку, если-бы и думали обуздать своихъ дѣтей,—часто лишены бываютъ совершенно этой возможности по той простой причинѣ, что сами большею частью имѣютъ весьма слабый авторитетъ у своихъ дѣтей, весьма рѣдко пользуются съ ихъ стороны полнымъ довѣріемъ и откровенностью и еще рѣже встрѣчаютъ въ нихъ должное послушаніе. Паденіе родительскаго авторитета и вообще разложеніе семьи общеизвѣстны и представляетъ одну изъ наиболѣе страшныхъ язвъ современной общественной жизни. Да и не только современной, это наша давняя бѣда. Еще Достоевскій жаловался въ 70 г.г., что русское семейство „расшатано и разложено“, называлъ его „случайнымъ“, и говорилъ, что тамъ одно лишь „растлѣніе“ (XI т., 211 с.). Правда, этотъ авторитетъ не падъ до такой степени, какъ авторитетъ оффиціальныхъ педагоговъ. Разъединеніе и недовѣріе здѣсь не зашли такъ далеко, какъ тамъ, и въ открытую вражду они рѣдко переходятъ; но во всякомъ случаѣ онъ не на столько великъ, чтобы родители повели за собою дѣтей, чтобы дѣти открывали родителямъ всю свою душу, всегда шли къ нимъ со своими запросами, сомнѣніями и думами, чтобы они ихъ слушали и вѣрили имъ больше, чѣмъ всякимъ проповѣдникамъ головокружительныхъ общественныхъ и политическихъ ученій, глашатаямъ новой морали, развратителямъ и разрушителямъ всѣхъ устоевъ и всякаго порядка. Родителей любятъ, ихъ молча слушаютъ, даже не всегда возражаютъ, снисходя къ ихъ осталости и предрасудкамъ, до извѣстной степени повинуются, но думаютъ и живутъ по своему. Много-ли могутъ при такомъ положеніи вещей сдѣлать родители для поддержки авторитета школьныхъ воспитателей? Не нуждаются-ли они сами въ содѣйствіи школы для поддержанія своего авторитета у дѣтей? Все-таки, если-бы было желаніе и охота, кое-что можно-бы было и имъ сдѣлать. Къ сожалѣнію, такое желаніе и такая охота проявляются весьма рѣдко. Живого сочувствія, пониманія и дѣльной помощи школа у насъ почти никогда не находитъ въ лицѣ родителей. Встрѣчаются, конечно, отдѣльные благомыслящіе родители, которые протягиваютъ руку помощи школѣ, оказываютъ педагогамъ содѣйствіе разумнымъ вліяніемъ на своихъ дѣтей, но отдѣльныхъ проявленій разумнаго содѣйствія

родителей тутъ мало. При такомъ развалѣ, какой переживаетъ русская школа, нужна постоянная, энергичная, а главное организованная помощь, а ея то и нѣтъ. Министерскія попытки создать ее въ видѣ родительскихъ комитетовъ окончились печально: вслѣдствіе абсентеизма участниковъ они большею частью безболѣзненно и мирно прекращаютъ свое бытіе, не успѣвши расцвѣсти, но принеся во многихъ мѣстахъ много вреда, о чемъ у насъ будетъ сейчасъ рѣчь. Благія намѣренія со стороны самихъ родителей тоже ничего не дали. Такова напр., исторія „союза школьнаго порядка“, основаннаго въ 1905—06 г. г. при участіи проф. Глазенапа, Гримма, Мещерскаго и др. въ Петроградѣ. Онъ ставилъ своей задачей дѣятельную поддержку школѣ, но по жестокой ироніи судьбы изъ него, какъ и изъ многихъ другихъ добрыхъ начинаній у насъ на Руси, ничего не вышло: онъ скоро прекратилъ свое существованіе „осмѣянный своими современниками“ (Мус.-Пушкинъ, стр. 100). Большая часть родителей у насъ относится къ школѣ въ высокой степени безучастно: ни ея радости, ни горе ихъ не трогаютъ. Свое отношеніе къ школѣ они ограничиваютъ—и то въ лучшемъ случаѣ—посылкой дѣтей къ началу занятій, нѣкоторымъ понужденіемъ къ подготовкѣ уроковъ,—по стольку, поскольку это необходимо для полученія удовлетворительныхъ отмѣтокъ; аккуратнымъ взносомъ денегъ, доставкой необходимыхъ свѣдѣній и личной явкой въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требуетъ школьное начальство. Больше они ничего не могутъ и не хотятъ дѣлать, а часто даже совершенно искренно не понимаютъ, что отъ нихъ можно еще требовать. Школа для такихъ родителей часто есть лишь „неизбѣжное зло, неизбѣжное потому, что юношѣ необходимо дипломъ, а дипломъ можно получить только въ школѣ“¹⁾. И они несутъ школьную повинность такъ-же, какъ и рядъ другихъ, безъ большой охоты и безъ большого неудовольствія. Иногда они критикуютъ, ругаютъ школу и учителей, иногда бранятъ школьниковъ, но то и другое потихоньку, дома, въ своей компаніи,—ни къ энергичному протесту, ни тѣмъ болѣе къ дѣятельному сочувствію они не-

¹⁾ Срнъ: Къ вопр. объ отнош. государ. и общ. къ ср. школѣ, Русск. Школа, 1911 г., 8 кн., стр. 114.

способны. Это—мирные, спокойные, большею частью мало сознательные и мало просвѣщенные россійскіе обыватели; они не могутъ быть особенно полезными сотрудниками школы, но зато и большого вреда не принесутъ ей. Но есть одинъ разрядъ родителей—энергичныхъ и болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, за которыми стоитъ всегда толпа колеблющихся, слабовольныхъ, покорно слѣдующихъ за своими вдохновителями,—который мало принесъ пользы школѣ, но очень много навредилъ ей и не перестаетъ это дѣлать до настоящаго времени, хотя въ значительно меньшей степени. Это—убѣжденные, непримиримые враги школы, которые совершенно ея не признаютъ въ теперешнемъ ея видѣ. Это тѣ, которые создаютъ у насъ общественное мнѣніе, которые къ своимъ услугамъ имѣютъ прогрессивную печать, за которыми обезпечена поддержка всей либеральной части русскаго общества, которые, вслѣдствіе этого, прямо и косвенно оказываютъ громадное вліяніе на учащуюся молодежь и на мирное теченіе школьной жизни. Они беспощадно критикуютъ и осуждаютъ школу, „унижаютъ, всячески ее злословятъ, относятся къ ней съ нескрываемымъ озлобленіемъ и все это часто на глазахъ тѣхъ дѣтей, которыя въ ней учатся“ (Мус.—Пушк., стр. 20). Нужно сознаться, что у родителей всегда найдется „достаточно поводовъ къ недовольству школьнымъ начальствомъ и преподавателями, поводовъ, часто весьма основательныхъ. Вѣрно также и то, что школа сама въ значительной степени способствовала этой враждѣ семьи противъ нея тѣмъ, что долгое время „совершенно игнорировала семью, какъ активную воспитательную силу“ (Недачинъ, у Мус.—Пушк., стр. 20), считая ее „совершенно невѣжественной въ дѣлѣ воспитанія, ея участіе только вреднымъ“ (Эрнъ, стр. 113), систематически сторонилась отъ нея и не допускала къ себѣ. Все это было, есть и теперь, но какъ-бы ни были велики грѣхи школы, они не могутъ никакъ оправдать тѣхъ эксцессовъ противъ нея, до какихъ доходили иногда озлобившіеся родители. Припоминается здѣсь то время, когда семья, по рѣзкому выраженію одной статьи, получивши доступъ къ школѣ, „вервалась въ нее неорганизованной массой, бурная, шумливая“ (Урсинъ, „Участ. род. въ жизни школы“, Русск. школа, 1913 г., I, стр. 103), и, объединившись съ взбунто-

вавшимися учниками, все перевернула тамъ вверхъ дномъ. Припоминаются изъ той поры резолюціи разныхъ родительскихъ комитетовъ и родительскихъ союзовъ, совершенно немыслимыя въ здоровомъ обществѣ, сколько-нибудь дорожащемъ судьбой молодого поколѣнія, и тѣмъ не менѣе въ свое время весьма популярныя у насъ. Въ одной, напр., резолюціи родительское собраніе, выражая негодованіе противъ „школы—тюрьмы“, противъ „учителей—чиновниковъ“, хочетъ законной забастовки, ходатайствуя предъ министерствомъ о закрытіи учебнаго заведенія (Мус.—Пушк., 65); въ другой родители требуютъ передачи всей власти въ учебномъ заведеніи самимъ ученикамъ; а допущенія учениковъ въ педагогическіе совѣты съ правомъ голоса требуетъ цѣлый рядъ родительскихъ собраній въ полномъ единодушіи съ ученическими петиціями (резол. родит. собр. въ Тениш. учил., „Родит. Союза“ и др.—см. у Мус.—Пушкина). Нѣкоторые доходятъ до того, что приглашаютъ родителей и учащихся объединиться, „немедленно взять борьбу за школу въ свои руки и соединенными силами обезпечить ей лучшее будущее“ (тамъ-же); правительство, конечно, отстраняется отъ всякаго участія въ школьной реформѣ: она, по постановленію „Родительскаго Союза“, производится явочнымъ порядкомъ; педагоги, какъ приспѣшники бюрократическаго правительства, тоже большею частію сюда не допускаются. Не утверждаемъ, конечно, что такое отношеніе къ школѣ въ средѣ родителей является господствующимъ, сказанное здѣсь не даетъ права на такое заключеніе, но оно является наиболѣе опаснымъ для спокойнаго теченія школьной работы и съ нимъ приходится больше всего считаться, потому что это—настроеніе родителей-интеллигентовъ; а затѣмъ, въ то время какъ благожелательные школы и равнодушныя къ ней окромно молчать,—эти шумятъ, агитируютъ, смѣло наступаютъ и для людей недостаточно вдумчивыхъ кажется, что это и есть настоящій общій голосъ родителей и общества.

Каково-же въ дѣйствительности отношеніе этого общества въ его цѣломъ къ школѣ? Къ сожалѣнію, и съ этой стороны для школы утѣшительнаго мало: сказанное объ отношеніи родителей вѣрно и относительно всего общества, такъ какъ оно состоитъ, конечно, въ значительной части

изъ этихъ самыхъ родителей и ихъ голосъ является по-тому до нѣкоторой степени голосомъ всего общества. Здѣсь та-же самая картина: одни, болѣе или менѣе расположенные къ школѣ, молчатъ или говорятъ настолько тихо, что ихъ почти не слышно, другіе, враждебные ей,—поносятъ ее громко, неустанно всюду, гдѣ только можно. Весьма показательно для этой части общества ея отношеніе къ такъ называемымъ жертвамъ школьнаго режима, къ случаямъ насилій этихъ самыхъ жертвъ надъ лицами педагогическаго персонала: въ отношеніи къ подвергшимся насилію полное равнодушіе и часто скрытое злорадство (мы не знаемъ случаевъ, когда-бы общество въ формѣ какой-нибудь организаціи коллективно открыто и смѣло выразило свое сочувствіе потерпѣвшимъ и возмущеніе насильникамъ, а съ другой стороны знаемъ о ходатайствахъ со стороны отдѣльныхъ членовъ и цѣлыхъ общественныхъ и сословныхъ организацій за виновныхъ въ открытыхъ возмущеніяхъ противъ школьнаго начальства); а въ отношеніи къ насильникамъ—стремленіе по возможности смягчить ихъ вину, представить ихъ несчастными жертвами режима, ненормальными, больными и вмѣстѣ съ тѣмъ забросать грязью школу. И это, а особенно послѣднее не только со стороны лѣвой части общества, всегда снисходительной къ ученикамъ и строгой къ учителямъ, а иногда оттуда, откуда меньше всего можно ожидать. Припоминается намъ одинъ уголовный процессъ, имѣвшій мѣсто нѣсколько лѣтъ назадъ въ X. по дѣлу одного семинариста, дѣлу, дѣйствительно грязному и скверному, совершенно исключительному въ лѣтописяхъ этого учебнаго заведенія, да и вообще рѣдкому въ школьной хроникѣ, и въ этомъ дѣлѣ рѣчь товарища прокурора. Съ какою смѣлостью онъ обобщилъ этотъ случай и ввалилъ вину за него на все учебное заведеніе, съ какимъ упоеніемъ онъ доказывалъ присяжнымъ засѣдателямъ, что семинарія это—мрачное, ужасное учебное заведеніе, что семинаристы дикари, вандалы, пьяницы, развратники и насильники... И какъ легко было это доказывать почтенному представителю правосудія. Ни семинарія, ни семинаристы г. товарищу прокурора отвѣтить не были въ правѣ, но за нихъ по счастливой случайности, и можетъ быть совсѣмъ того не желая, отвѣтили присяжные засѣдатели: несмотря на всю мерзость проступ-

ка, они выпустили подсудимаго на свободу, признавъ его дѣйствовавшимъ въ состояннн патологическаго аффекта, а не продуктомъ воспитавшаго его учебнаго заведенія. Какъ часто случается, что печальные, но совершенно возможные, какъ исключеніе, факты изъ жизни школы подхватываются досужими благожелателями, разносятся съ усердіемъ во всѣ стороны, имя школы пригвождается къ позорному столбу, осмѣивается и поносится на всѣ лады; а если эти факты касаются педагоговъ, тогда вокругъ нихъ начинается цѣлая вакханалія злорадства и издѣвательства; другимъ простятъ, для другихъ найдутъ извиняющія и смягчающія обстоятельства, для педагоговъ почти никогда—имъ общество почти всегда несетъ жестокой и беспощадный обвинительный вердиктъ. Здѣсь даже какъ-то сглаживаются партійныя различія: школу и педагоговъ одинаково пріятно бываетъ поругать и лѣвымъ, и умѣреннымъ, и правымъ; педагоговъ обличаютъ и разносятъ съ одинаковымъ усердіемъ и на засѣданіяхъ какого-нибудь революціоннаго Родительскаго Союза или Всероссійскаго Съѣзда дѣятелей средней школы, и на Епархіальныхъ Съѣздахъ духовенства. Общественной оцѣнки, общественнаго признанія педагогической работы мы нигдѣ почти не встрѣчаемъ.

Хорошо отражаетъ общественное настроеніе въ отношеніи къ школѣ ежедневная печать, и не только отражаетъ, но и въ значительной мѣрѣ сама возбуждаетъ и питаетъ его: въ ряду причинъ, приведшихъ нашу школу къ нынѣшнему ея печальному состояннн, печати принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто. Всѣ резолюціонныя выступленія школьниковъ, родителей и общества (въ родѣ отмѣченныхъ выше) находили въ ней почти всегда своихъ усердныхъ защитниковъ и покровителей, а тѣ, которымъ приходилось бороться съ этими революціонными выступленіями,—ярыхъ противниковъ и ругателей. Всѣ событія, въ такой или иной степени компрометирующія школу и ея представителей, съ отмѣнной точностью заносятся газетной хроникой и сопровождаются суровыми обличительными статьями въ теченіе нѣсколькихъ дней, до какого-нибудь новаго, очень часто созданнаго репортерской фантазіей, случая. Ругать школу и педагоговъ это—исключительно пріятная и благодарная для газетныхъ дѣятелей, особенно—прогрессивно-бульварнаго

типа, работа. Обильная жатва для нихъ—это время экзаменовъ. Тогда что ни газета, то и статья противъ какого-нибудь свирѣпаго экзаменатора, что ни день, то и новое сообщеніе о жертвѣ экзаменаторской жестокости; въ этотъ періодъ преподаватели трактуются неизмѣнно въ образѣ людоедовъ и кровожадныхъ пожирателей подростковъ обоего пола, появляются въ обиліи соотвѣтствующія иллюстраціи пожирающихъ и пожираемыхъ, для вящаго посрамленія педагоговъ и вразумленія учениковъ. Трудно найти газету, которая-бы спокойно, объективно и разумно судила ученика и педагога, когда между ними возникаетъ тяжба: первый оказывается всегда невиннымъ, послѣдній—обязательно виновнымъ. Вмѣшательство печати въ школьную жизнь никогда ее не умиротворяетъ и не успокаиваетъ, да кажется на это оно и не бываетъ рассчитано; напротивъ, оно чаще всего несетъ туда еще большую смуту, еще большее раздраженіе и озлобленіе противъ педагоговъ и нерѣдко приводитъ къ результатамъ, совершенно противоположнымъ тѣмъ, на какіе было рассчитано: не утрачивая и не запугивая школьнаго начальства, оно вынуждаетъ его прибѣгать къ суровымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ тамъ, гдѣ можно-бы при отсутствіи этого непрошеннаго вмѣшательства ограничиться болѣе мягкими мѣрами; заставляетъ дѣйствовать строго официально тамъ, гдѣ можно-бы обойтись домашними средствами,—принуждаетъ и заставляетъ, тѣмъ, что раздуваетъ маленькіе инциденты въ событія, небольшіе протесты въ демонстраціи, легкія тренія—въ школьныя революціи; волнуетъ и будоражитъ общественное мнѣніе, дѣлаетъ много шума тамъ, гдѣ и для учащихся и для школы, и для общественнаго спокойствія было-бы гораздо полезнѣе благо-разумное молчаніе, по крайнен мѣрѣ временное—пока улягутся страсти и пока само дѣло разъяснится. Признавая неэтичнымъ выносить обвинительный вердиктъ уголовному преступнику, казнокраду, убійцѣ или мошеннику до окончанія судебного о немъ разбирательства, газеты не смущаются заклеить, осудить педагога или цѣлую педагогическую корпорацію по одному репортерскому докладу. Было-бы, конечно, несправедливо утверждать, что вся пресса и всегда такъ относится къ воспитателямъ и наставникамъ своихъ школъ. Слышатся въ ней и другіе голоса—спокой-

ные, благоразумные, объективные; проявляется и иное, болѣе благородное отношеніе къ педагогамъ, высказывается по временамъ сочувствіе и пониманіе ихъ положенія; могутъ иногда они найти въ ней и здравые взгляды на задачи школьнаго воспитанія, и нравственную поддержку для себя. Но какъ рѣдко это бываетъ. Какъ мало такихъ органовъ и такихъ газетныхъ дѣятелей, которые-бы громко и смѣло шли противъ общаго, почти неизмѣнно враждебнаго, отношенія къ школѣ и вліятельной прессы и передовой интеллигенціи. Ихъ слабые голоса тонуть въ общемъ враждебномъ хорѣ, ихъ мысли не оставляютъ замѣтнаго слѣда на интеллигентскомъ сознаніи, ихъ усилія не ослабляютъ вражды къ школѣ, бессильны внести туда миръ и успокоеніе, и въ концѣ концовъ приходится съ грустью признать, что газета далеко не всегда дѣлаетъ полезное дѣло для школы и для общества.

Но газетой и злободневнымъ журналомъ не ограничивается область печатнаго слова. Не меньшее, а по значенію гораздо болѣе важное мѣсто въ ней занимаетъ т. н. художественная литература. Обойти ее молчаніемъ мы рѣшительно не въ состояніи, такъ какъ она является показателемъ общественныхъ настроеній, симпатій и антипатій, гораздо болѣе вѣрнымъ, чѣмъ ежедневная пресса, и ея вліяніе на общество неизмѣримо грубже, сильнѣе, длительноѣе и очень часто благотворнѣе, чѣмъ газетное. Газета—злободневна и въ силу своей злободневности она не можетъ быть вполнѣ спокойной, безпристрастной и объективной: она живетъ, питается и вдохновляется улицей, и шумъ улицы, ея сутолока, а часто и грязь не могутъ не попадать въ нее; газета рассчитана на толпу и она стремительно мчится впередъ съ этой толпой, не оглядывается назадъ, не осматривается по сторонамъ, не останавливается, не задумывается, такъ какъ боится, что толпа уйдетъ безъ нее, и она останется позади. Не то—художественная литература (въ идеѣ, конечно, но не всегда на практикѣ). Въ ней слабъ элементъ злободневности, не минутное ея удѣлъ, а постоянное и всеобщее,—поэтому она объективна, спокойна и безпристрастна. Она не для улицы живетъ и не улицей дышитъ, не за толпой идетъ и не къ ней приспособляется: у нея есть свои идеалы, высоко стоящіе надъ кривливой и безпокойной тол-

пой; шумъ улицы и волненіе толпы отражаются въ ней, но по другому, чѣмъ въ газетѣ. Газета это—фотографія, схватывающая механически все—и нужное и не нужное, и важное и ничтожное, и случайное и необходимое; это—фонографъ, передающій одинаково и чистые и фальшивые звуки; художественная литература не фотографируетъ, она разбирается въ жизни, художникъ своей творческой интуиціей претворяетъ матеріальную реальность въ художественную, выдѣляя все случайное, временное, фальшивое и предлагая въ своихъ художественныхъ образахъ только необходимое, постоянное и подлинно реальное. Такова она въ отношеніи ко всей жизни, такой она должна быть и въ отношеніи къ школѣ, конечно, если она остается сама собой и не играетъ съ толпой. Вотъ почему мы признаемъ ее вѣрнымъ зеркаломъ жизни и вотъ почему не можемъ не показать отраженія въ этомъ зеркалѣ нашей школы. Конечно, исчерпать эту область въ полной мѣрѣ мы считаемъ для себя въ данномъ случаѣ задачей совершенно невозможной, для этого нужна особая и обстоятельная работа. Для нашей цѣли будетъ достаточно на нѣсколько минутъ задержаться передъ этимъ зеркаломъ и бѣгло пересмотрѣть наиболѣе характерное изъ того, что отразилось въ немъ.

Русскимъ художникамъ-писателямъ всегда были близки интересы воспитанія и образованія: они писали спеціальныя статьи и доклады по вопросамъ воспитанія (напр., Пушкинъ, „Записка о народномъ воспитаніи“; Гоголь; педагогическія статьи Достоевскаго, Толстого и др.), они учили и воспитывали сами (Жуковский, Гоголь, Толстой, Аксаковъ С., Гончаровъ и мн. др.), и наконецъ, въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ показали, какъ и чему учились русскіе люди въ разное время, и дали цѣлую галерею типовъ русскаго учителя.—Восемнадцатый вѣкъ и начало девятнадцатаго проходятъ въ борьбѣ лучшихъ русскихъ людей съ иноземщиной въ обученіи и воспитаніи юношества; въ это время въ художественной литературѣ господствуетъ карикатурный типъ смѣшного невѣжественнаго педагога-иноземца, бичуется рабство передъ чужимъ и презрѣніе къ своему родному. Къ этой порѣ относятся наши старые знакомцы: Мосье L'Abbe французъ убогій, который училъ всему шутя; Мосье Трике; Мосье Дефоржъ—изъ кондите-

ровъ желающій попасть въ губернеры; Мосье Бопре—бывшій парикмахеръ и прусскій солдатъ, пьяница и развратникъ; Мосье Дерори, научившій своего питомца одной французской орфографіи—Пушкинскіе герои. Тургеневскіе: губернеръ Лаврецкаго отца „отставной аббатъ, ловкій и тонкій проныра“; Рикманъ—губернеръ Чулкатуринна „худосочный и слезливый нѣмецъ“; М-ше Моро—губернантка Лизы „крошечное сморщенное существо съ птичьими хватками, птичьимъ умишкомъ“ и др. И много ихъ всюду во всѣхъ комедіяхъ и сатирахъ того времени (Екатерина II, Фонъ-Визинъ, Новиковъ и его сатирическіе журналы и др.). Настоящей школы—имѣемъ въ виду среднюю,—въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ее теперь представляемъ, тогда почти не было—она зарождалась только; образованіе въ то время считалось нужнымъ только для дѣтей (и т. д.) для дѣтей дворянскаго сословія, которые и обучались въ особыхъ привилегированныхъ дворянскихъ пансіонахъ; разночинцы получали образованіе въ особыхъ школахъ, а „кухаркины“ и крестьянскія дѣти оставались безграмотными или получали самое элементарное образованіе. Типъ русскаго учителя въ то время еще не выявился въ своихъ характерныхъ чертахъ, и мы его находимъ лишь слабо затропутымъ въ художественной литературѣ. Таковъ, напр., у Гоголя Ал—дръ Петровичъ, начальникъ того учебнаго заведенія, гдѣ воспитывался Тентѣтниковъ,—прекрасный челоуѣкъ, отличный педагогъ-гуманистъ, и противоположный ему педагогъ формалистъ Федоръ Ивановичъ. Была въ то время одна школа, окрѣпшая и опредѣлившаяся, имѣвшая уже свою длинную исторію, типичная и во многомъ интересная, сыгравшая крупную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія—средняя духовная школа, но она не имѣла тогда и не имѣла до сихъ поръ своего правдиваго бытописателя среди русскихъ художниковъ. Единственнымъ классическимъ ея изображеніемъ считается до настоящаго времени „Бурса“ Помяловскаго. Не оспаривая многихъ художественныхъ достоинствъ этого произведенія и его, быть можетъ, крупнаго общественнаго значенія, не отрицая его правдивости, мы должны все таки сказать, что правда здѣсь представлена весьма однобоко: тѣневая сторона бурсы изображена сильно и ярко, а свѣтлой совсѣмъ не оказалось. Все-таки это изображеніе является

жизненной правды оно не нарушаетъ въ такой мѣрѣ, какъ та лживая, вульгарная и безвкусная стряпня, которую пытаются предложить подъ видомъ художественныхъ произведеній въ настоящее время нѣкоторые бездарные лѣтописцы духовной школы (особенно типична „Новая бурса“ Добронравова).

Къ срединѣ XIX вѣка русская средняя школа крѣпнетъ, ширится, получаетъ опредѣленные, хотя и взятая на прокатъ у нѣмцевъ, формы; заполняется учащимися изъ всѣхъ сословій общества, проникаетъ въ глухія уѣзды и дебри російскія; теперь уже она имѣетъ свою маленькую исторію, кое-какія традиціи и хотя довольно тусклую, но все-таки какую-то фizioномію. И съ этого времени учитель средней школы входитъ въ поле зрѣнія художниковъ-писателей, какъ уже достаточно опредѣлившаяся фигура и какъ полноправный герой все чаще и чаще появляется въ беллетристическихъ произведеніяхъ. Что-же онъ изъ себя здѣсь представляетъ? Всмотриваясь въ него, мы замѣчаемъ, что видъ у него далеко не всегда героическій, способный внушить читателю симпатіи къ себѣ. Чувствуется большею частью не очень любовное и доброжелательное отношеніе къ нему писателей, а временами и прямо враждебное. Преобладаетъ отрицательное отношеніе къ его особѣ и къ школѣ, въ которой онъ работаетъ. Впрочемъ, между отдѣльными писателями замѣчается довольно ощутительная разница въ степени и силѣ этого отрицанія и осужденія и въ мотивахъ этой враждебности. Чѣмъ больше писатель является художникомъ, тѣмъ талантливѣе онъ, тѣмъ мягче, тѣмъ безобиднѣе его осужденіе, тѣмъ меньше чувствуется въ его произведеніи личной злобы и вражды, тѣмъ правдивѣе онъ въ изображеніи отрицательныхъ сторонъ школы и учителя, и тѣмъ меньше у него въ изображеніи ихъ пристрастія и разницы сравнительно съ изображеніемъ людей другихъ положеній и состояній; выставляя дурное и смѣшное въ педагогахъ, такіе писатели не скрываютъ его и въ другихъ, и педагоги у нихъ являются не лучшими, но и не очень худшими, чѣмъ, скажемъ, врачи, чиновники, общественные дѣятели, писатели и т. д.; вмѣстѣ съ дурнымъ они способны подмѣчать и то, что есть у нихъ хорошаго, среди отрицательныхъ типовъ у нихъ есть и положитель-

ные. Обличительная нотка вообще очень сильно звучитъ въ русской художественной литературѣ и сама по себѣ о пристрастїи, субъективизмѣ и враждебности она еще не свидѣтельствуешь и къ одностороннему освѣщенію или искаженію дѣйствительности еще не ведетъ необходимо. Съ другой стороны, чѣмъ менѣе талантливъ писатель, чѣмъ меньше въ немъ чувствуется художникъ и чѣмъ больше публицистъ, — тѣмъ сильнѣе его произведеніе отдаетъ фельетономъ, тѣмъ ближе онъ къ газетѣ и дальше отъ художественной литературы, тѣмъ субъективнѣе и пристрастнѣе онъ въ своихъ характеристикахъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ слышится элементъ личной вражды и злобы и часто желаніе свести старые счеты, тѣмъ одностороннѣе его описанія и тѣмъ мрачнѣе его картины. Такіе писатели видятъ одно дурное, хорошаго они какъ-будто органически неспособны замѣчать въ тѣхъ, кого они уже заранѣе рѣшили осудить; педагоги у нихъ являются обязательно и поголовно только дурными, ученики — обязательно хорошими. Первые должны вызвать въ читателѣ возмущеніе и отвращеніе, вторые — симпатію и сожалѣніе. И нужно сказать, что такого типа литературныя произведенія предлагаются на книжномъ рынкѣ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ перваго, и если не художественностью, которая въ нихъ, очевидно, отсутствуетъ, то рѣзкостью, развязностью и хлесткостью своихъ изображеній они производятъ впечатлѣніе на общество и особенно на учащуюся молодежь, дискредитируя въ ея глазахъ школу и втаптывая въ грязь всякій авторитетъ воспитателей и преподавателей. Въ качествѣ образцовъ такого рода писателей школы мы указали бы двухъ изъ уже цитированныхъ нами: одного — Добронравова, избравшаго своею специальностью обливаніе грязью духовной школы, писателя явно бездарнаго и въ художественномъ смыслѣ ничтожнаго; другого — Яблоновскаго, гораздо болѣе интереснаго и чистоплотнаго въ литературно-художественномъ смыслѣ, описателя свѣтской школы (одной провинціальной гимназіи). Въ его изображеніи гимназическая жизнь безпросвѣтна, безотраднa и мрачна, педагоги всѣ на подборъ какіе-то изверги („халдеи“, „коршуны“ и „волки“); безсердечные, жестокие — „засохшіе“, окаменѣлые педагоги, „безплодныя смоковницы“; даже вышность у нихъ отвратительная: „безстрастное, окаменѣлое, съ

остеклѣвшими, какъ у уснувшей рыбы, глазами,—лицо, походившее на маску, снятую съ усопшаго“. Гимназистовъ они презираютъ и ненавидятъ и съ ихъ стороны получаютъ, конечно, то-же, только въ гораздо большей степени. И ни одного свѣтлаго типа, ни одного не только хорошаго педагога, но даже мало-мальски порядочнаго человѣка. Только гимназическій сторожъ и оставляетъ хорошее воспоминаніе у бывшихъ гимназистовъ. Такихъ описаній мы можемъ найти довольно много, особенно въ журнальной литературѣ. Пѣсколько иное настроеніе получается отъ чтенія писателей, болѣе близкихъ къ художественной и жизненной правдѣ. Таковъ, напр., А. П. Чеховъ. У него мы найдемъ и классическихъ человѣковъ въ футлярѣ, съ головой ушедшихъ въ циркуляры, далекихъ отъ жизни, пугающихся ея и истребляющихъ всякое проявленіе этой жизни въ своихъ питомцахъ, совершенно не понимающихъ дѣтской души, безжалостныхъ, бездушныхъ педантовъ, черствыхъ и сухихъ формалистовъ (Бѣликовъ); самообольщенныхъ, ограниченныхъ пошляковъ (Кулыгинъ въ „Трехъ сестрахъ“), „откровенно тупыхъ“, ничѣмъ не интересующихся (Рыжицкій въ „Учителѣ словесности“). Но найдемъ и другихъ—умныхъ, основательно и широко образованныхъ, любящихъ свое дѣло, работающихъ по призванію, вѣрящихъ въ жизнь, интересныхъ, „благороднѣйшихъ“, уважаемыхъ и любимыхъ (Ярцевъ въ „Три года“), честныхъ, высоко ставящихъ педагогическое дѣло (Никитинъ въ „Учит. словесности“). Тутъ мы читаемъ такіа, напр., сужденія о педагогахъ, что это „суровые, напряженно скучные люди“ („Чел. въ футл.“), „чинодралы, у которыхъ не храмъ науки, а управа благочинія и кислятиной воняетъ, какъ въ полицейской будкѣ“ (тамъ-же); что они только тѣмъ и заняты, чтобы скрыть свое невѣжество и недовольство жизнью („Учит. слов.“); но здѣсь же мы находимъ и другіе отзывы о нихъ, въ такомъ напр., родѣ: „преподаватели—народъ все мыслящій, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ“ („Чел. въ футл.“) и т. п. Словомъ, педагоги здѣсь люди, какъ всѣ: хорошіе и плохіе, быть можетъ, больше плохіе, чѣмъ хорошіе, но въ этомъ случаѣ они раздѣляютъ общую судьбу всѣхъ героевъ этого писателя—они не лучше и не хуже другихъ.—Укажемъ еще одного писателя, который очень много, какъ, кажется, никто,

говорить о школѣ, его воспитавшей, и о своихъ учителяхъ. Это—В. Г. Короленко, въ извѣстномъ его произведеніи „Истор. моего соврем.“,—произведеніи, которое по своей задачѣ имѣетъ характеръ мемуаровъ, но по формѣ обладаетъ свойствами и достоинствами, дающими право причислить его къ художественной литературѣ. Здѣсь школа (гимназія) и педагоги рисуются въ мрачныхъ краскахъ, ужасомъ вѣетъ отъ нѣкоторыхъ страницъ, но на этомъ мрачномъ фонѣ выступаютъ нѣсколько удивительно симпатичныхъ портретовъ педагоговъ—сердечныхъ, добрыхъ, честныхъ, умныхъ, любящихъ дѣтей и любимыхъ ими, и это тѣмъ болѣе знаменательно, что эпоха, о которой говоритъ авторъ,—эпоха суровая и жестокая. Мы не даемъ никакихъ выдержекъ, чтобы не утруждать вниманія читателя, тѣмъ болѣе, что школа, здѣсь представленная, далека отъ нашего времени; намъ важно было установить отношеніе современнаго крупнаго писателя-художника къ своимъ бывшимъ преподавателямъ, отношеніе, въ общемъ достаточно объективное.—Мы хотѣли-бы закончить нашу маленькую экскурсію въ область русской литературы упоминаніемъ объ одномъ произведеніи, которое произвело въ свое время вокругъ себя немалый шумъ, въ значительной степени, какъ большой литературный и общественный скандалъ, остановить вниманіе на скандальномъ героѣ этого произведенія, принадлежащаго одному писателю новѣйшей формаціи, пользующемуся довольно большою извѣстностью, великому цинику и похотливцу Федору Сологубу,—имѣемъ въ виду его романъ „Мелкій Бѣсъ“ и героя Передонова, учителя гимназіи. Произведеніе это типично сологубовское: густо насыщенное сладострастіемъ, похотью и цинизмомъ самаго утонченнаго, самаго грубаго свойства. Герой его Передоновъ тоже типично сологубовскій со всѣми отвратительными качествами героевъ этого писателя и хотя онъ учитель гимназіи, но его учительство для существа романа, кажется, никакого значенія не имѣетъ; если-бы онъ выступилъ передъ нами въ образѣ „полицейскаго чиновника, совѣтника губернскаго правленія или литературнаго критика“¹⁾, то отъ этого романа, ничего-бы не потерялъ въ своей „жизненной цѣнности“ (?); повидимому, такъ думаетъ и самъ авторъ, хотя и не по тѣмъ соображеніямъ, что мы,—

¹⁾ Собр. сочин. 918 г., т. VI, стр. IX—X.

именно, оны склонены видѣть въ своемъ героѣ не патологическій типъ, мало возможный въ дѣйствительности, а типичнаго современника, точно и вѣрно списаннаго съ природы, или, какъ хвастливо оны самъ заявляетъ: „этотъ романъ—зеркало, сдѣланное искусно; я шлифовалъ его долго, работалъ надъ нимъ усердно; ровна поверхность моего зеркала и чистъ его составъ. Многократно измѣренное и тщательно провѣренное, оно не имѣетъ никакой кривизны“¹⁾. Позволимъ себѣ не согласиться съ авторомъ и, оставивши все сологубовское, чего въ героѣ романа очень много, и общечеловѣческое, что хочетъ видѣть въ немъ авторъ, но чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ,—мы представимъ краткій образъ его, какъ педагога. Прежде всего, несмотря на свой университетскій дипломъ, Передоновъ крайне глупъ и глубоко, непроходимо невѣжественъ; нѣсколько книгъ оны держитъ въ своемъ домѣ, но никогда ихъ не читаетъ, а потомъ приходитъ къ мудрому рѣшенію—сжигаетъ ихъ; газетъ не выписываетъ, ничто въ мірѣ его не интересуетъ; преподаватель русскаго языка, оны совершенно не знаетъ и не хочетъ знать новѣйшей русскаго литературы; портретъ Мицкевича, висѣвшій у него на стѣнѣ, оны однажды взялъ и „потацилъ его въ отхожее мѣсто, чтобы замѣнить имъ Пушкина, а Пушкина повѣсить сюда. Все-таки Пушкинъ придворный человѣкъ“ (стр. 263); совершенно невѣрующій, циничный и грубый кошунникъ, оны притворяется благочестивымъ; суевѣренъ до крайней, болѣзненной степени, больше, чѣмъ самая невѣжественная баба; человѣкъ, крайне невоспитанный, некультурный въ самомъ элементарномъ смыслѣ слова „свинья и подлець“, по совершенно вѣрному опредѣленію Рутилова (стр. 289); къ гимназистамъ относится съ глубокой ненавистью; желаніе издѣваться надъ ними, мучить ихъ и особенно съчъ имѣетъ у него болѣзненно-садическій характеръ; тѣ, конечно, отвѣчаютъ ему презрѣніемъ и злобой; карты и водка единственное его развлеченіе. Вотъ каковъ Передоновъ и вотъ въ чемъ состоитъ педагогическая „передоновщина“ (словечко это, кстати сказать, получило у насъ право гражданства, какъ означающее цѣлое настроеніе и направленіе въ общественной и педагогической жизни). О другихъ педагогахъ въ романѣ говорится мало, но повидимому, всѣ оны

¹⁾ Стр. VIII.

тоже картежники и пьяницы. Насколько правдивъ этотъ образъ, безпристрастному читателю судить не трудно; не нужно забывать еще, что мы представили его въ очищенномъ отъ сологубовскихъ украшеній видѣ. На этомъ мы и остановимся.

Думаемъ, сказаннаго вполне достаточно, чтобы можно было сдѣлать болѣе или менѣе безошибочные выводы о взаимоотношеніи нашего общества и школы. Выводы эти, очевидно, безотрадны и грозны по своимъ послѣдствіямъ для школы, для учащихся и для общества. Какъ мы видѣли, между школой и обществомъ, взятымъ во всей его полнотѣ, за небольшими исключеніями, замѣчается глубокой разладъ, связи органической нѣтъ, единеніе отсутствуетъ; недовѣріе, подозрительность, озлобленіе и вражда обычно опредѣляютъ ихъ взаимоотношенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ нормальное теченіе школьной жизни въ высшей степени трудно: ни настоящаго порядка, ни внутренней дисциплины, ни успѣшнаго обученія нельзя тутъ ожидать; усилія школы будутъ всегда парализоваться холодной враждебностью внѣшней атмосферы. Не менѣе опасно такое положеніе и для учащихся; они если и не всегда ясно сознаютъ, то почти всегда чутьемъ угадываютъ, что между тѣми, которые ихъ учатъ и наставляютъ въ школѣ, и тѣми, которые ихъ окружаютъ внѣ школы,—нѣтъ согласія, довѣрія и уваженія; а почувствовавши это, врядъ-ли смогутъ признать ихъ авторитетъ. А авторитеты для юности нужны, безъ нихъ ей трудно—одними своими силами она обойтись не можетъ. И вотъ за неимѣніемъ настоящихъ появляются изъ подполья авторитеты ложные, покоряютъ молодые умы, овладѣваютъ неокрѣпшими душами и приводятъ довѣрчивую юность на край соціальныхъ и политическихъ пропастей, губятъ ее физически, а часто и морально.—Такъ воспитанное, такъ настроенное молодое поколѣніе—распропагандированное противобщественными и противогосударственными теоріями внѣшкольныхъ учителей, часто при благосклонномъ попустительствѣ родителей, не признающее никакихъ авторитетовъ, отрицающее всякіе устои, высмѣивающее религію и мораль; какъ пережитокъ варварства,—такое молодое поколѣніе врядъ-ли можетъ быть признано хорошо подготовленнымъ для общественнаго и государственнаго строительства, гдѣ

требуется высоко развитое чувство законности, любовь къ своему родному, его преданіямъ и завѣтамъ (разумный консерватизмъ), уваженіе къ власти, признаніе ея авторитета, умѣнье и готовность подчинить себя ей, т. е., тѣ качества, которыя меньше всего можетъ дать наша школа, лишенная должнаго авторитета въ глазахъ учащихъся, довѣрія и уваженія со стороны родителей и общества, разлагающаяся и трещащая по всеѣмъ швамъ. Конечно, указанные печальные результаты нашего школьнаго воспитанія имѣютъ много разныхъ причинъ, но отсутствіе разумнаго общенія и правильнаго взаимодѣйствія, переходящее часто во вражду, несомнѣнно въ этомъ случаѣ имѣетъ первенствующее значеніе.

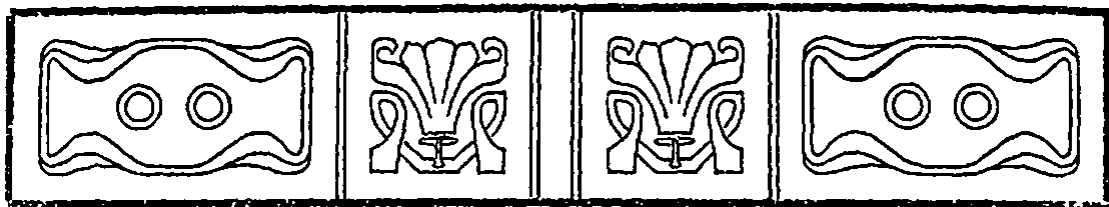
Какъ-же вывести школу изъ этого ужаснаго положенія? Какія средства могутъ быть указаны для прекращенія такого мучительнаго разлада между ею и обществомъ? И въ какомъ видѣ можетъ выразиться правильное общеніе и разумное единеніе между ними?

Намъ кажется, мы подойдемъ къ правильнымъ отвѣтамъ на эти вопросы, если, во-первыхъ, познакомимся съ положеніемъ школьнаго вопроса въ западно-европейскихъ государствахъ; во-вторыхъ, прослѣдимъ исторически, какъ сложились отношенія между школой и обществомъ въ Россіи, и установимъ причины, подъ дѣйствіемъ которыхъ отношенія эти вылились въ такую печальную форму и, наконецъ, въ-третьихъ, если разсмотримъ и спокойно обоудимъ тѣ обвиненія, которыя ставятся школѣ со стороны общества и которыя могутъ быть поставлены безпристрастнымъ наблюдателемъ жизни, какъ ей—школѣ, такъ и самому обществу.

Павелъ Красина.

(Продолженіе будетъ).

Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси.

(Продолженіе *).

ГЛАВА IX.

СУЕВЪРІЯ.

§ 78.

Язычество, какъ міросозерцаніе. Переломъ, внесенный христіанствомъ.

Русское язычество, какъ и вообще всякая религія, представляло изъ себя особое цѣльное міросозерцаніе. Языческія вѣрованія охватывали всю жизнь нашихъ предковъ-язычниковъ. Язычникъ чтилъ своихъ боговъ, почиталъ предковъ-покойниковъ, приносилъ жертвы рѣкамъ, кладезямъ и студенцамъ; божества и стихіи тѣмъ или инымъ образомъ открывали ему свою волю. Язычникъ, по его мнѣнію, зналъ средства предохранить себя отъ чужого дурного вліянія и отъ несчастья, а также свискать расположеніе добрыхъ силъ и тѣмъ устроить свое благополучіе. Такого рода вѣрованіями язычникъ былъ окруженъ, какъ сѣтью; его мысли и чувства, если можно такъ выразиться, были исключительно въ плоскости этихъ вѣрованій, нерѣдко безсознательныхъ, такъ какъ вѣрованія, осложняясь и переплетаясь, часто даютъ направленіе нашему чувству и нашей дѣятельности, безъ содѣйствія разума, и даже иногда вопреки ему. Такъ, на примѣръ, многіе и теперь боятся перекрестокъ, хотя и не отдають

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 15 за 1915 г.

себѣ отчета въ причинѣ этой боязи. (Распутье нѣкогда было кладбищемъ).—Но вотъ въ жизни древней Руси совершился великій переломъ: изъ языческой Русь стала христіанской. Мы знаемъ, на основаніи литературно-историческихъ памятниковъ, что русскіе люди искренно хотѣли быть христіанами, не по имени только, но сдѣлаться таковыми они скоро не могли. Принявши новую вѣру, они въ сущности продолжали жить старыми вѣрованіями. А между тѣмъ эти самія языческія, нѣкогда принимаемыя за истинныя вѣрованія, теперь стали ложными, грѣховными; прежняя вѣра теперь стала грѣхомъ и суевѣріемъ. Получалось неразрѣшимое противорѣчіе: русскій человѣкъ продолжалъ жить принципами, о которыхъ ему говорило духовенство, что они ложны, да и самъ онъ въ глубинѣ души часто сознавалъ, что это такъ. Выбитъ изъ сѣти суевѣрій, охватывавшихъ весь укладъ жизни древне-русскаго человѣка, было дѣломъ часто непосильнымъ для нашихъ предковъ. Помочь въ этомъ могло только широкое образованіе, но таковое и до сихъ поръ у насъ мало распространено въ народной массѣ. Конечно, церковь боролась съ язычествомъ и суевѣріями, но успѣхъ былъ значительно слабѣе того, котораго можно было ожидать. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ христіанствомъ шло къ намъ встрѣчное теченіе, подкрѣплявшее наши древнія суевѣрія. Это зависѣло отъ того, что русскія суевѣрія не представляютъ изъ себя чего-либо исключительнаго, самобытнаго, а являются, такъ сказать, отраслью обще-арійскихъ вѣрованій, съ видоизмѣненіями соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ славянской расы и занимаемой ими территоріи. Суевѣрій въ русскомъ народѣ очень много. Мы будемъ касаться только тѣхъ суевѣрій, которыя въ своей основѣ имѣютъ древне-русское язычество.

§ 79.

Суевѣріе и лековѣріе.

Всматриваясь въ міросозерцаніе русскаго человѣка, простолюдина и даже книжника былаго времени, въ большинствѣ случаевъ мы принуждены характеризовать таковое міросозерцаніе, какъ суевѣріе. Русскіе люди прежнихъ временъ имѣли опредѣленное воззрѣніе на человѣка, на при-

роду, на явленія въ мірѣ нравственномъ и физическомъ и т. д. Таковымъ воззрѣніямъ иногда нельзя отказать въ позѣи, но обыкновенно они далеки отъ дѣйствительнаго, т. е. отъ научнаго положенія вещей и явленій; часто эти вѣрованія произвольны и фантастичны ¹⁾).

Суевѣріемъ обыкновенно называютъ ложную вѣру во что-нибудь обыкновенное, какъ сверхестественное, напр., вѣрятъ въ особую силу какой-нибудь вещи, словъ или дѣйствія, на нихъ надѣются или ихъ боятся. Наши предки имѣли ложную вѣру во многое, но это не всегда было суевѣріе; вѣрованіе русскихъ людей въ фантастическихъ животныхъ, птицъ и пресмыкающихся слѣдуетъ назвать легко-вѣріемъ. И это вполне понятно, такъ какъ древняя Русь не имѣла систематическаго образованія и вообще науки, вслѣдствіе чего то или иное сообщеніе не могло быть обслѣдовано научнымъ образомъ; но и въ этомъ случаѣ мы должны сдѣлать оговорку. Легковѣріе нашихъ предковъ проявлялось обычно въ области естествознанія. У насъ вѣрили въ диковинныхъ звѣрей, диковинныя растенія и ихъ удивительныя свойства, въ диковинныхъ людей и проч. Въ древней Руси вѣрили въ существованіе людей съ собачьими головами, это такъ называемые песиглавцы. Это вѣрованіе распространено было и въ Западной Европѣ, откуда, какъ предполагаетъ Буслаевъ, оно перешло и къ намъ ²⁾. Передавая и слушая сказанія о дивахъ и чудовищахъ животнаго и чудныхъ свойствахъ растительнаго царства (о послѣднихъ ниже), наши предки чистосердечно вѣрили этому, такъ какъ наши древніе Бестиаріи, Зоологи, Зелейники и Азбуковники научностью содержанія не отличались. Эти книги были или переводы или же составлялись подъ вліяніемъ византийскихъ или западно-европейскихъ сочиненій того же содержанія. Какъ ни наивны, ни странны порою наши устные и

¹⁾ Отождествляя дѣйствительное положеніе вещей съ научнымъ положеніемъ о томъ же предметѣ, мы, конечно, допускаемъ неточность. Говорить о дѣйствительномъ положеніи вещей мы можемъ относительно, примѣнительно къ человѣческому знанію. Опредѣленіе сущности предметовъ, того, что такое предметы и явленія внѣ ихъ отношенія къ человѣку и его разуму, не по силамъ человѣку. Наука опредѣляетъ не истинное, а только наиболѣе вѣроятное положеніе вещей и явленій.

²⁾ Исторія. Очерк II, стр. 146—147.

письменные рассказы о разнаго рода диковинахъ, но при ближайшемъ изслѣдованіи мы убѣждаемся, что странное сказаніе обыкновенно иноземнаго происхожденія, отголосокъ византійскаго или западнаго вѣрованія, а иногда и общецарійскаго. Таковы наши вѣрованія въ существованіе единорога, страфилъ—птицу—*επιφοχάρηλος* ¹⁾ и проч. Можно сказать утвердительно, что и въ Византіи и въ Западной Европѣ народная масса была столь же суевѣрна, какъ и у насъ.— Въ нашемъ трудѣ будутъ разсмотрѣны слѣдующія суевѣрія: вѣра въ предзнаменованія, сны, примѣты, гаданія, предохранительныя и приворотныя средства, наузы, заговоры, заклятіе, чародѣйство.—Прежде чѣмъ говорить о суевѣріяхъ, необходимо коснуться отреченной греческой литературы, имѣвшей огромное вліяніе на древнюю Русь.

§ 80.

Отреченная греческая литература. Суевѣрность грековъ.

Когда русскіе принимали христіанство, Греція и Римъ пережили уже почти тысячелѣтній христіанскій періодъ; при этомъ должна быть принята во вниманіе высокая культура языческаго греко-римскаго міра. Конечно, въ сравненіи съ образованными греками и римлянами русскіе были варвары и скифы, почти дикари. Принятіе нашими предками христіанства дѣлало ихъ европейскими людьми, пріобщало ихъ къ европейской культурѣ. Сказанное примѣнимо какъ къ случаямъ отдѣльнаго крещенія, такъ и общаго при князѣ Владимірѣ. Крестившись, Русь получила великую святоотеческую литературу, послужившую главной основой для назиданія и укрѣпленія въ новой вѣрѣ. Но греко-римскій міръ имѣлъ и иное наслѣдіе, идущее отъ временъ язычества: мы имѣемъ въ виду разнаго рода суевѣрія, на основаніи которыхъ создавалась цѣлая литература, называемая церковно-отреченной, гонимая и тѣмъ не менѣе весьма распространенная. Вмѣстѣ съ агиографической, къ намъ на Русь была принесена и эта литература. Балканскіе славяне были въ этомъ отношеніи передаточной инстанціей. Въ этой новой для Руси литературѣ оказалось много старнхъ привычныхъ вѣрованій. Конечно, влѣдствіе сношеній съ Запад-

¹⁾ Ж. М. Н. П. 1890 г., январь, стр. 176; июль, стр. 99—109.

ной Европой къ намъ пробивались и западно-европейскія идеи, но принимались только тѣ изъ нихъ, которыя были по плечу любознательному русскому грамотѣю. Что же касается суевѣрій Западной Европы, то они въ большинствѣ случаевъ были не чужды намъ, вслѣдствіе расовой близости народовъ, населяющихъ Европу.—Византійцы были очень суевѣрны: астрологія, разнаго рода гаданія, оракулы, разнаго рода таинственныя явленія встрѣчали повсемѣстную вѣру. По мнѣнію нѣкоторыхъ, какія-то служебныя силы летаютъ вокругъ земли, присматриваясь къ тому, что происходитъ здѣсь, и, получивъ свыше знаніе о будущихъ событіяхъ, передаютъ его людямъ, то въ сновидѣніяхъ, то при помощи звѣздъ, то съ какого нибудь дельфійскаго треножника, то при посредствѣ внутренностей жертвенныхъ животныхъ, а иногда посредствомъ голоса, сначала неопредѣленно раздающагося въ воздухъ, а потомъ раздѣльно въ ушахъ cadaго. Часто случалось также, что на скалахъ или стѣнахъ находили письма безъ всякаго указанія на того, кто ихъ писалъ и проч. Напр. при императорѣ Михаилѣ Палеологѣ во дворцѣ открытъ былъ кругъ надъ дверями, а въ кругѣ изображеніе четырехъ животныхъ, а подъ животными были написаны стихи, предвѣщавшіе смерть императору. Появленіе этого изображенія было признано чудеснымъ. Въ другой разъ, при Андроникѣ Палеологѣ XIV в. во дворцѣ было слышно конское ржаніе, которое было приписано лошади, нарисованной на одной изъ стѣнъ дворца... Рѣшеніе частныхъ и даже важныхъ государственныхъ дѣлъ часто предоставлялось жребію или чуду¹⁾. „Византійское міровозрѣніе“, говоритъ Ѡ. Успенскій: „сильно проникнутое суевѣріемъ, на каждомъ шагу допускало участіе неземныхъ силъ въ жизни человѣка; съ одной стороны, предсказатели и пророки, съ другой—вѣщатели чародѣи и колдуны постоянно тревожили умъ, и никто не могъ рѣшить, отъ Бога или отъ демона случаются выходящія изъ ряда вонъ вещи“. Въ дворцовой библиотекѣ византійскихъ императоровъ хранились какія-то пророчественныя книги, съ которыми императоры сообразовались въ своихъ дѣйствіяхъ.²⁾ Полобнаго

¹⁾ Безобразовъ. Историческая статья. Москва, 1898 г., стр. 102—106.

²⁾ Ѡ. Успенскій. Патріархъ Іоаннъ VII Грамматикъ в Русь—Дроми-ты у Самеона Магиста. Ж. М. Н. П. 1890 г., январь, стр. 22, стр. 5, прил. 2.

рода суевѣрія появились не сразу, а вырабатывались въ теченіе долгаго періода времени; корень ихъ надобно искать въ языческихъ вѣрованіяхъ грековъ и въ заимствованіяхъ съ востока.

За блестящимъ расцвѣтомъ христіанской письменности, созданнымъ трудами отцовъ и учителей церкви, въ Византіи наступилъ періодъ упадка просвѣщенія. Принятіе христіанства славянами совпало именно съ періодомъ этого упадка. А потому славяне, балканскіе и русскіе, заимствуя отъ грековъ свято-отеческую литературу, въ то же время вообще пересаживали на славянскую почву греческую литературу того времени, значительная часть которой получила названіе отреченныхъ твореній, содержавшихъ не мало суевѣрій. Въ Лѣтовникѣ Георгія Амартола, переводъ котораго былъ сдѣланъ въ Болгаріи уже въ X ст., упоминается о звѣздозаконіи, звѣздословіи, скотосмотрѣніи, рукосмотрѣніи и проч. ¹⁾ Итакъ, даже сочиненія чисто историческаго, съ точки зрѣнія автора или авторовъ, характера содержали въ себѣ не мало суевѣрнаго элемента. Въ отреченныхъ книгахъ его было еще больше.

§ 81.

Апокрифы.

Отреченную литературу можно раздѣлить на двѣ части: апокрифы и книги гадательнаго содержанія. Подъ апокрифами разумѣются сочиненія о лицахъ и событіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, исполненныя теплою вѣрой и навьюной фантазіи, но лишеныя исторической достовѣрности. Апокрифы возникали въ то время, когда христіанство стало общимъ достояніемъ греческаго общества. Высокія христіанскія истины были не по силамъ всякому безъ соотвѣтствующей подготовки; зато историческая сторона христіанства не представляла особыхъ трудностей для усвоенія. Тѣмъ не менѣе и въ этой области возникало много вопросовъ, на которые не было фактическихъ отвѣтовъ въ Библии. На помощь приходила благочестивая фантазія, изобрѣтавшая замысловатыя исторіи и событія и удовлетворявшая благочестивой пытливости вѣрующаго человѣка средняго развитія. Значительная часть апокрифовъ касалась ветхозавѣтныхъ событій.

¹⁾ По изд. общ. Любв. Древн. писм., лист. 27 об.-28.

Въ этомъ, конечно, сказывается вліяніе іудейства. Извѣстно, что у евреевъ было не мало рассказовъ на библейской почвѣ, частію записанныхъ въ Талмудѣ, а частію, вѣроятно, вращавшихся въ устномъ пересказѣ. Эти преданія, вѣроятно, и легли въ основу христіанскихъ апокрифовъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Сама по себѣ апокрифическая литература полна занимательности, часто высокой поэзіи и только изрѣдка отдаетъ ересь. Апокрифы дѣлали Библию и христіанство доступными толпѣ, въ этомъ была ихъ хорошая сторона. Но въ то же время апокрифы принижали высокія христіанскія истины, удовлетворяя только праздному любопытству. Апокрифы могли вредить чистотѣ христіанства и потому скоро подверглись гоненію.—Апокрифы были христіанскимъ элементомъ въ древней Руси и потому изслѣдованіе ихъ не входитъ въ наши задачи. Мы коснулись апокрифовъ только потому, что они упоминаются въ индексѣ отреченныхъ книгъ. Ниже мы будемъ говорить объ отреченныхъ книгахъ, содержащихъ только суевѣрія и гадація. Суевѣрія, отмѣченныя въ нашей древней переводной литературѣ, должны быть приняты нами во вниманіе; часто являясь наслѣдіемъ язычества греко-римскаго міра, эти суевѣрія имѣли у насъ широкое распространеніе, главнымъ образомъ потому, что и среди русскаго народа они были древнимъ пережиткомъ. Кромѣ того, многія суевѣрія могли проникнуть въ русское общество вслѣдствіе чисто книжнаго вліянія, какъ результатъ знакомства съ отреченными книгами. Греческіе апокрифы были рано перенесены на Русь, частію непосредственно, частію чрезъ Болгарію, гдѣ богомилство сильно способствовало развитію апокрифической литературы.

Апокрифическая литература появилась на Руси очень рано. Объ Аврааміи Смоленскомъ (ум. 1221 г.) извѣстно, что его обвиняли въ чтеніи какихъ-то запрещенныхъ книгъ. Подъ воздѣйствіемъ сатаны, „начаша овии клеветати къ епископу (на Авраамія), инии же хулити и досаждати. овии еретика нарицати и, а инии маголаху нанъ. гълубинныя книги почитаетъ“. 1). Здѣсь можно подразумѣвать апокрифическую книгу „глубина“, о которой упоминается въ ста-

1) Собрн. Соловец. биб. № 805, 1568 года.

тъѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. 1). Паеркъ, сохраненный переписчикомъ XVI в. въ словѣ „глубинный“ между буквами *г* и *л* предполагаетъ въ древнѣйшемъ спискѣ житія звукъ *з*. Въ такомъ случаѣ возможно чтеніе „голубинныя книги“. 2). Голубиной книги мы не знаемъ. Стихъ же „о голубиной книгѣ“ врядь ли былъ составленъ, тѣмъ болѣе записанъ въ XIII в. Полагаемъ, что св. Авраамій обвинялся въ чтеніи апокрифическихъ книгъ, можетъ быть гадательнаго содержанія.

§ 82.

Индексы отреченныхъ книгъ.

Древнѣйшій перечень каноническихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта подъ именемъ „Богословца отъ словесъ“ заключается въ Изборникѣ Святослава 1073 г. Вторая половина этой статьи Святославова Изборника, приписанная Исидору, содержитъ древнѣйшій изъ извѣстныхъ въ славянскихъ переводахъ греческій указатель ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ апокрифовъ; эта статья—буквальный переводъ Индекса, который встрѣчается между „вопросами и отвѣтами“ антиохійскаго патріарха Анастасія Синаита (ум. 599) и потому ему часто приписывается. Перечень апокрифовъ Анастасія легъ въ основу юго-славянскихъ индексовъ отреченныхъ книгъ и оттуда перешелъ въ Россію 3). Отъ индекса Анастасія ведетъ свое начало статья въ славянскомъ Номоканонѣ, ркп. XIV в., озаглавленная „Лаодикійскаго собора правило 59“; она заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя отреченныя книги, неизвѣстныя греческимъ индексамъ; упоминанія о еретикѣ Іереміи полѣ заставляютъ отнести возникновеніе этого индекса къ XI ст. 4). Статья юго-славянскаго, вѣроятно болгарскаго происхожденія 5).

Митрополитъ Кипріанъ, занимавшій митрополию съ перерывомъ въ 1381—1406 г. г., призналъ необходимымъ составить списокъ книгъ какъ истинныхъ, такъ и отреченныхъ, изъ

1) *Буслеевъ*. Истор. очерки русск. нар. словеси. II. стр. 119.

2) Прав. Собесѣд. 1858 г., III, стр. 372—373.

3) *Тихомировъ*. Сочин. т. I, стр. 141.

4) *Ibid.* стр. 142, 144.

5) Напечатана *Лытвинъ* въ Лѣтоп. занятій археогр. Ком. 1861 г.,

чего можно заключить, что въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. у насъ сильно была развита апокрифическая литература. Митрополитъ Кипріанъ, въ молитвенникѣ котораго заключался списокъ отреченныхъ и богоотмѣтныхъ книгъ, т. е. апокрифовъ и книгъ гадательнаго и суевѣрнаго характера, только пополнилъ индексъ Номоканона. Индексъ Кипріана дошелъ до насъ въ двухъ видахъ. Болѣе древній имѣетъ заглавіе: „Сказаніе Изосимы митрополита руськаго о отреченныхъ книгахъ“, въ рукописи Московской Синодальной б-ки XVI в. № 853, л. 5—7¹⁾. Въ другомъ спискѣ—ркп. Румянцевскаго Музея XVI в., № 449, списокъ суевѣрій пополненъ; внесены слѣдующія гадательныя книги: трепетникъ, сонникъ, куроглашенникъ, въ стрѣчно, въ полазъ, въ чохъ²⁾.

Можетъ быть митр. Кипріанъ перечислилъ тѣ книги, которыя были въ обращеніи въ его время на Руси; можетъ быть онъ руководился уже готовымъ матеріаломъ для составленія указателя отреченныхъ книгъ по поученіямъ сербскимъ и болгарскимъ³⁾. Индексъ Кипріана внесъ новый элементъ въ исторію индексовъ: до Кипріана въ индексахъ перечислялись только книги каноническія Священнаго Писанія и книги не каноническія. Начиная же съ Кипріана къ книгамъ не каноническимъ, апокрифамъ въ собственномъ смыслѣ, стали присоединять книги гадательнаго характера; величавые поэтическіе апокрифы о библейскихъ лицахъ стали приравниваться къ нелѣпнымъ примѣтамъ ухозвона и стѣнотруска... Это смѣшеніе апокрифовъ съ книгами гадательнаго характера удержано во всѣхъ индексахъ позднѣйшаго времени. Такъ, оно удержано въ статьѣ „о книгахъ ветхаго и новаго закона ихже не подобаетъ чести правовѣрнымъ, понеже еретицы написали отъ своего разума“... Полагаемъ, что статья русскаго происхожденія. Она важна въ томъ отношеніи, что указываетъ и на западное происхо-

¹⁾ Изд. Тихомировымъ, соч. т. I, примѣч. 66, стр. 32—33, откуда и заимствованы отрывки: „Богоотметныя и ненавидѣмыя книги, громнигъ, колю(м)дникъ, мартолой, прѣе оносудцы, вороноградъ, плучь (птичникъ), мышениговъ, стѣнотрусъ. Се соут, имена имъ; астрономія, сиречь звѣздосказаніе, окомитъ, мыслоникъ, естественникъ, метанія“.

²⁾ Пшеницъ. Лѣт. зап. Арх. I, стр. 49.

³⁾ Тихомировъ, сочин. I, стр. 144—146.

ждение суевѣрій ¹⁾). Наибольше полное (но недостаточно точное) исчисленіе отреченныхъ книгъ заключается въ статьѣ „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, гдѣ приведено названіе слѣдующихъ книгъ: Мартолой, рекше Острологъ; Острономѣя, Зелемѣріе, Чаровникъ, Громникъ, Молніяникъ, Мѣсяць окружится, Колядникъ, Метаніе, Мысленикъ, Сносудецъ (сонникъ), Волховникъ, Лопаточникъ, Путникъ, О часѣхъ злыхъ и добрыхъ, Рафли, Алманаки, Звѣдочтець, Шестодневецъ ²⁾). Статья „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ вошла въ составъ извѣстной Кирилловой книги, изданной въ 1644 г. и перепечатанной въ 1786 г. Печатное изданіе весьма мало разнится отъ рукописной статьи ³⁾). Извѣстно, что перечни названій отреченныхъ книгъ въ индексахъ не отличаются точностью. Не всѣ книги, упомянутыя въ индексѣ, извѣстны намъ подъ своими именами; можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ внесены въ индексъ на основаніи югославянскихъ и византійскихъ указаній, а въ обращеніи на Руси не были. Необходимо имѣть въ виду другую особенность индексовъ: въ нихъ приводятся не только заглавія запрещенныхъ книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывается и самый обычай, выраженіемъ котораго была книга, а иногда и одинъ способъ гаданія безъ указанія на книгу. Такимъ образомъ въ статьѣ воспрещаются какъ ложныя книги, такъ и способы гаданія, связанныя съ извѣстной книгой. Въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ много повтореній и неточностей. Одна и та же книга въ индексѣ Кипріяна и упомянутой статьѣ XVII в. запрещаются въ различныхъ выраженіяхъ. Такъ Трепетникъ индекса Кипріяна въ статьѣ XVII в. обозначается отдѣльными выраженіями изъ Трепетника: „мышца подрожитъ, ухозвонъ, окоमितъ“. — „Метаніе“ не книга, а способъ гаданія. Полагаемъ, что подъ Естественникомъ слѣдуетъ разумѣть Физиологъ. Въ Киприановомъ молитвенникѣ запрещаются „Вороногай“ и „Птичникъ“; эти же суевѣрія въ статьѣ „о книгахъ“ запрещаются въ разныхъ

¹⁾ Реп. XVI в. Московск. Синодальн. б—ви № 322, л. 285. См. опис. славяно—руоск. рукоп. Москов. Синод. б—ви, II, 3, стр. 640.

²⁾ Изд. *Пытинскъ*. Лѣтопись занятій Археограф. Ком., выш. I; стр. 43—44. Текстъ сводный.

³⁾ Текстъ Кирилловой книги приведенъ *Пытинскъ*, тамъ же, стр. 50—55.

мѣстахъ и въ различныхъ выраженіяхъ: „Птичникъ различныхъ птицъ, сорока пощекочетъ, дятель, воронограй, курокликъ“. „Астрономія сирѣчь звѣздосказаніе“ Киприанова молитвенника въ статьѣ „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ упомянута подъ тремя названіями: „книга Мартолой, рекше Астрологъ; Остронумія“. Иногда нѣсколько книгъ гадательнаго содержанія обобщились подъ однимъ названіемъ, напр. названіе „Волховникъ“ Киприанова молитвенника въ статьѣ „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“ изложено въ такихъ выраженіяхъ: „волхвующе птицами и звѣрьми еже есть се: стѣнотрескъ, ухозвонъ, воронограй, курокликъ, окомигъ, огнь бучить, песь выеть, мышепискъ, мышъ порты изгрызеть, мышца подрожитъ, сонъ страшень, слѣпца стрѣтитъ“, и т. д. Здѣсь подъ именемъ Волховника разумѣется нѣсколько гадательныхъ книгъ: Птичникъ, Трепетникъ, Сонникъ, Путникъ (о встрѣчахъ). Необходимо принять во вниманіе, что нѣкоторыя гадательныя книги не носили тѣхъ заглавій, которыя усвоятся имъ въ статьѣ „о книгахъ истинныхъ и ложныхъ“, напр. Колядникъ, Мартолой, Звѣздочетецъ, ему же имя Шестодневецъ ¹⁾). Кромѣ вышеуказанныхъ книгъ существовало еще не мало другихъ книгъ отреченнаго содержанія: зелейники, травники, цвѣтники, лѣчебники, книга подъ названіемъ „Аристотелеви врата“ и др. Вопросъ объ отреченныхъ книгахъ древней Руси весьма сложенъ; онъ у насъ еще недостаточно разработанъ.

§ 88.

Психологическія основы суевѣрій. Предназначенія.

Полагаясь, что огромное большинство суевѣрій въ своей основѣ имѣетъ неясное сознаніе въ душѣ человѣка, что природа не составляетъ чего-либо чуждаго для человѣка: все создано для человѣка, онъ центръ не только земной, но и міровой жизни. Молчаливая и въ себѣ заключенная природа, по смутному народному вѣрованію, заинтересована въ человѣкѣ; она стремится въ томъ или иномъ направленіи воздѣйствовать на насъ. Въ общемъ природа настроена благосклонно къ человѣку, хотя она живетъ по

¹⁾ *Тихонравовъ*. Сочин. т. I. примѣчанія, стр. 29—30, примѣч. 60. *Сперанскій*. Памятники древн. писмен. и искусства. Изъ исторіи отреченной литературы. Трепетника, 1890 г., стр. 6—7.

своимъ строго опредѣленнымъ, тайнымъ законамъ, которыхъ она не можетъ измѣнить для человѣка. Человѣкъ для своего благополучія долженъ сообразоваться съ миропорядкомъ. Отъ всякой болѣзни есть своя трава или средство; опасность можно избѣжать, если внимательно слѣдить за явленіями жизни и научиться понимать сложный и загадочный языкъ природы. Иногда природа бываетъ столь благосклонна къ человѣку, что явно, безъ всякихъ усилій съ его стороны, предуказываетъ ему тотъ или иной исходъ предпріятія.— Высказанныя положенія мы основываемъ на „словѣ о полку Игоревѣ“, памятникѣ христіанской Руси, но еще жившей языческимъ міросозерцаніемъ. Все предвѣщало несчастный конецъ походу: объ этомъ говорили солнечное затменіе, волчій вой, птичій крикъ, лай лисиць. Все предвѣщало бѣду; природа какъ бы враждебно была настроена противъ Игоря, который не хотѣлъ внять ея голосу. Напротивъ, когда Игорь бѣжалъ изъ плѣна, ему все благопріятствовало: вороны не граяли, галки молчали, сороки не стрекотали (отсутствовали не добрыя предзнаменованія); а дятлы своимъ тектомъ указывали путь Игорю на Русь, да соловьи распѣвали свои пѣсни.—Вообще, по народному вѣрованію, всякаго рода небесныя и земныя знаменья даются для руководства и разумленія человѣка. Человѣческому несчастью и бѣдствію предшествуютъ какія либо аномаліи въ природѣ, что-нибудь странное, необычное, исключительное. Такъ, въ послѣдніе годы царствованія Бориса, предъ появленіемъ Самозванца, въ народѣ шли разговоры о странныхъ явленіяхъ, предвѣщавшихъ что-то удивительное: на небѣ по ночамъ сражались другъ съ другомъ огненные полчища, являлось по два мѣсяца, по три солнца, бури сносили верхи съ башенъ и кресты съ церковей, у людей и у животныхъ рождались уроды; рыба и птицы, приготовленные для пищи, теряли свой вкусъ; собака пожрала другую собаку, волкъ волка, лисицы среди дня бѣгали по Москвѣ; лѣтомъ 1604 г. показала комета ¹⁾. Вообще русскій народъ охотно вѣрилъ и

¹⁾ *Соловьевъ*. Истор., кн II, 760. Подобнаго рода вѣрованія существовали и въ древности. Читая лѣтописи Тита Ливія, Тацита и проч., мы видимъ, что политическія событія сопровождались знаменіями, видѣніями, вѣщаніями снами, пророчествами и разными чудесами.. Въ години бѣдствій каждый народъ особенно суевѣренъ, какъ и отдѣльно

вѣрять во всякаго рода знаменія, особенно предвѣщающія бѣды. Есть сказаніе, что въ 1440 г., въ часъ рожденія великаго князя Ивана Васильевича, одинъ инокъ въ Новгородѣ внезапно началъ звонить въ колокола, „яко уродствуя баше“, и предсказалъ грядущее униженіе новгородцамъ отъ рожденнаго ¹⁾. Всякаго рода предзнаменованіямъ охотно вѣрятъ и теперь. Такъ, напр. къ голодному году по гумнамъ бѣгаютъ вереницы мышей, по полямъ стаями бродятъ волки, появляется множество вороновъ, земля стонетъ; инымъ кажется, что весь скотъ ходитъ по полю избитымъ и изломаннымъ и т. д. ²⁾. Всматриваясь въ народныя суевѣрія, въ народную вѣру въ предзнаменованія, примѣты и проч., мы замѣчаемъ одно явленіе: всѣ указанія, явныя и прикровенныя, по народнымъ вѣрованіямъ исходятъ отъ нѣкоей стихійной силы, отъ какого-то безличнаго начала, отъ природы въ ея непостижимомъ единствѣ и цѣльности. Это міросозерцаніе можно охарактеризовать словами—судьба, рокъ, предопредѣленіе, жребій, участь, доля, удѣлъ. У грековъ это понятіе обозначалось словомъ *τύχη*, а у римлянъ *fatum*.

§ 84.

С н ы.

Предзнаменованія обыкновенно бываютъ выражены въ прикровенной формѣ; человѣкъ долженъ научиться понимать языкъ природы. Однимъ изъ видовъ предзнаменованій являются сны, въ которыхъ въ символической формѣ открывается будущее и уясняется смыслъ явленій и событий. Типичнымъ сновидѣніемъ такого рода служитъ извѣстный смутный сонъ кіевского князя Святослава въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Святославу снилось, что его одѣвали черной одеждой, пили виномъ смѣшаннымъ съ отравой, изъ пустыхъ грязныхъ колчановъ сыпали на грудь крупный жемчугъ;

взятый человѣкъ во время испытаній. Привычка римскихъ историковъ каждое сказаніе о важномъ событіи приправлять фантастическими прибаутками была усвоена средневѣковыми лѣтописцами европейскихъ народовъ. Исторія религій и тайныхъ релігіозныхъ обществъ. Спб. 1872 г., т. VII, стр. 288.

¹⁾ Карамзинъ. Истор. Государ. российск., т. V, прим. 286.

²⁾ Сахаровъ. Сказ. русск. народа Дневникъ, 1885 г., изд. Суворина, стр. 78.

въ княжьемъ теремѣ потолокъ безъ матицы; князю слышался крикъ вороновъ. Этотъ сонъ, по объясненію бояръ, означалъ трагическій исходъ Игорева похода. Древняя Русь вѣрила въ вѣщее значеніе сновъ, о чемъ свидѣлствуютъ рукописные сонники. Сонникъ, о которомъ упоминается въ индексѣ, вѣроятно, книга, содержащая толкованіе сновъ. Вѣрованіе въ вѣщее значеніе сновъ, кажется, было распространено среди всѣхъ племенъ и во всѣ времена ¹⁾. Вѣра въ сны была очень распространена въ древней Руси. Появлялись ложные пророки, которые рассказывали о бывшихъ имъ вѣщихъ снахъ, какъ видно изъ окружной грамоты патр. Никона по случаю морового повѣтрія, свирѣпствовавшего въ Россіи въ 1656 году: „Мнози ложная отъ лукаваго сердца видѣнія и сонія предъ очи простѣйшихъ предлагаху“. Многіе лживо вопіяли къ людямъ: „видѣхъ сонъ, видѣхъ сонъ, и извѣщеніе се, и сіе пріяхъ отъ Бога“ ²⁾. Простые люди вѣрили такимъ лживымъ пророкамъ, и происходила великая смута. Это были своекорыстные лжецы или люди, страдавшіе истеріей, о которыхъ упоминается въ Стоглавѣ: ходятъ лживые пророки, мужики, но больше женщины разныхъ возрастовъ, наги и босы, съ растрепанными волосами, трясутся и убиваются, и рассказываютъ, что имъ являются св. Пятница и Анастасія ³⁾. Церковь, конечно, относилась отрицательно къ вѣрованію въ вѣщее значеніе сновъ. Вопросы о снахъ обычны въ старинныхъ требникахъ. „Аще ли в сонъ вѣровал и толковал пос(тъ) день“ ⁴⁾. Въ „словѣ о снѣхъ нощныхъ“ значитъ слѣдующее: „иже бо соніемъ и мечтаніемъ вѣруяй, безо инаго грѣха съ діаволомъ осудится, яко еговъ слуга“ ⁵⁾.

Печатныхъ сонниковъ въ настоящее время достаточное количество, усердно издаваемыхъ „издивеніемъ“ книгопро-

¹⁾ У ассиро-вавилонянъ были уже сонники, гдѣ изъяснялись сновидѣнія, напр. что означало видѣть во снѣ ссору между родственниками, принимать пищу, видѣть во снѣ умершихъ предковъ и т. д. *Берцольдъ*. Ассирія и Вавилонъ, стр. 79.

²⁾ *Щаповъ*. Русск. раск., стр. 156.

³⁾ Глава 41, вопр. 21.

⁴⁾ *Алмазовъ*. Тайная исповѣдь, т. III. приложеніе, стр. 151. „Или вѣровать въ сон, в чех“.. *ibid*, 155.

⁵⁾ Памятн. стар. русск. лит. *Кушелева-Безбородка*, вып. 4, стр. 214—215.

давцевъ извѣстнаго типа. Къ сожалѣнiю, мы не имѣли возможности ознакомиться съ рукописными сонниками и опредѣлить, въ какомъ отношенiи находятся къ нимъ существующiе печатные сонники, обычно приписываемые „старцу Мартыну Задекѣ“. Любопытно было бы прослѣдить происхожденiе печатныхъ нашихъ сонниковъ. Содержанiе ихъ не одинаково. Полагаемъ, что составители сонниковъ наполняли изъ не изъ собственной фантази, а пользовались какимъ-либо опредѣленнымъ матеріаломъ. Матерiаль могъ быть устный и письменный. Отмѣтимъ, что толкованiе сновъ по сонникамъ не всегда совпадаетъ съ народно-устнымъ толкованiемъ тѣхъ же сновъ; такъ, по народному вѣрованiю видѣть во снѣ мыться, умываться—означаетъ, что кого нибудь изъ живущихъ въ домѣ убудеть, напр. прислуга потребуетъ расчета, или неожиданно кому нибудь придется ѣхать. По соннику же мыться—знакъ здоровья, богатства и свободы. По народному толкованiю видѣть во снѣ пожаръ значить слышать вѣсти; по соннику пожаръ знакъ убытка, пожаръ съ большимъ пламенемъ знакъ полученiя прибыли,—толкованiя противорѣчивое.

§ 85.

Примѣты.

Простѣйшимъ видомъ суевѣрiя можно считать примѣты. Примѣта—это произвольный законъ, утверждающiй, что между тѣми или иными фактами въ мiрѣ физическомъ или нравственномъ существуютъ извѣстныя соотношенiя. Этотъ законъ причинности основывается исключительно по послѣдовательной смѣнѣ фактовъ: извѣстное явленiе случилось *post hoc, ergo propter hoc*. Напр. мое предпрiятiе было неудачно потому, что я повстрѣчалъ священника; или такая логика: я имѣлъ въ своемъ дѣлѣ успѣхъ потому, что идучи на дорогѣ нашелъ подкову. Первобытный человекъ подмѣчалъ, что между извѣстными предметами и явленiями существуетъ какая-то связь. Изъ ряда повторявшихся явленiй дѣлался выводъ, и получалась примѣта, болѣе или менѣе вѣрная, смотря потому, насколько эта примѣта соотвѣтствуетъ дѣйствительному закону причинности. Многіе наши примѣты совершенно бессмысленны; по имѣя сужденiе о

нихъ, необходимо стоять на исторической почвѣ. Нѣкогда иныя изъ примѣтъ могли имѣть глубокой смыслъ. Въ былое время встрѣча язычника съ христіанскимъ священникомъ могла повлечь для язычника непріятности. Находка же подковы во времена, когда желѣзо цѣнилось дорого, могла считаться счастьемъ; а въ греко-римскомъ мѣрѣ аристократія подковывала своихъ муловъ серебряными подковами, которыя нарочито прикрѣплялись непрочнo, чтобы мулъ терялъ подковы; это дѣлалось затѣмъ, чтобы толпа бѣгала за тщеславнымъ богачемъ. Такимъ образомъ находка подковы нѣкогда дѣйствительно приносила счастье.

Русскіе люди были весьма суевѣрны. На всѣ случаи и явленія жизни у нихъ были примѣты. Наши предки придавали огромное значеніе явленіямъ физическаго міра, примѣчали, въ какой день случится тотъ или иной праздникъ, дѣлили дни и часы на счастливые и несчастные и проч. Въ числѣ отреченныхъ книгъ числятся Молніяникъ ¹⁾ и Громникъ ²⁾, содержащія примѣты относительно ударовъ молніи и грома по днямъ и мѣсяцамъ года. Колядникъ содержитъ примѣты, судя по тому, въ какой день въ году случится праздникъ Рождества Христова. Въ сказаніи „О часахъ добрыхъ и злыхъ“ ³⁾ указывается, какіе часы въ тотъ или иной день недѣли счастливые и какіе несчастные. Статья „О дняхъ лунныхъ“ ⁴⁾ опредѣляетъ счастливые и несчастные дни. Статьи подъ именемъ Астрономія сирѣчь Звѣздосказаніе, Мартолой рекше Астрологъ, Звѣздосказаніе ему же имя Шестодневъ—содержали разнаго рода астрологическія свѣдѣнія: о счастливыхъ и несчастныхъ годахъ, о благопріятныхъ и неблагопріятныхъ расположеніяхъ звѣздъ и планетъ и т. д. Изъ книгъ ложныхъ отмѣтимъ слѣдующія: Птичникъ, въ которомъ содержатся примѣты по полету и крику птицъ; Путникъ—примѣты по встрѣчамъ въ пути. Весьма распространены были примѣты по зуду и дрожанію въ разныхъ частяхъ тѣла; этому разряду примѣтъ посвящена была книга Трепетникъ, кажется, носившая еще названіе Волховникъ,—сборникъ суевѣрныхъ примѣтъ разнаго

¹⁾ Тихомировъ. Памяти. отреч. лит., ч. 2, 375.

²⁾ Ibid, 363.

³⁾ Ibid, 382.

⁴⁾ Ibid, 388.

рода: храмъ трещить (стѣнотрескъ), ухозвонъ, воронограй, курокликъ, окомигъ, огонь бучить и проч.—Сперанскій о Трепеткинѣ говоритъ слѣдующее: „у составителя поздняго индекса Трепетникъ растворился въ цѣломъ комплектѣ гадательныхъ книжекъ, прикрытыхъ общимъ именемъ Волховникъ; здѣсь, къ Трепетнику относятся характеристики: ухозвонъ, окомигъ, мышца дрожитъ“.—Итакъ, Трепетникъ есть книга, запрещаемая индексомъ въ силу своего содержания, ученія въ предзнаменовательное значеніе дрожи, звука отдѣльныхъ частей и мѣсть человѣческаго тѣла¹⁾. Полагаемъ, что большинство распространенныхъ въ русскомъ народѣ примѣтъ извѣстно было и въ Византіи. Это всецѣло мы можемъ сказать относительно вѣры въ „трепетъ“, вѣры въ предвѣщательное значеніе въ дрожь и зудъ въ разныхъ частяхъ человѣческаго тѣла. Чтобы убѣдиться въ сходствѣ, можетъ быть полномъ тождествѣ русскихъ и византійскихъ вѣрованій въ „тѣлесное трепетаніе“, приведемъ выдержку изъ Георгія Амартола, гдѣ говорится объ этихъ примѣтахъ: „также же и о скотосмотреніи. ово оубое птицамъ смотрѣніе. овоже храмоусмотреніе. овоже поутнаа сръща. овоже роукосмотреніе. другое же по трепетанію смотреніе. и птицосмотренье оубо е. егда лѣтающіи здѣ или овдѣ птици, на прѣждѣ или назадѣ. или деснаа или лѣваа роука потрепещеть. рекоуть се или оно боудеть. храминосмотреніе же. егда яже въ домоу случаются. речть кто се на знаменуеть аще ли же на покровѣ явитсе невѣстка (γαλή—ласточка). или змия или мышь. или проиліясе масло или медь, или вино, или прахъ, или тресканіе быс дрѣвию. или ина что се провъзвѣщаеть. Поутнаа же сръща, егда аще изыдетъ кто на поуть и сръщеть кого глет, аще те сръщеть таковъ члвкъ кто, или се но се. се ти прилоучитсе. роукосмотреніе же. егда пролечениемъ роуцѣ протегнетъ. рекоуть се томуо родитес. потрепетаніе же. еже потрепетаніемъ тѣлеснымъ позваемо. аще потрепета десное или лѣвое око. или рамо. или бедра. или сфрабъ на ногѣ. или оуши попищахоу. се реч прилоучить ти се.²⁾

¹⁾ Сперанскій Памятники древн. письмен. искусства. Изъ исторіи отречен. литерат. Трепетникъ. 1899, стр. 6—7.

²⁾ По изд. Общ. Люб. Древн. письм., л. стр. 27 об.—28. Греческій соответствующій текстъ по изданію *Муральта*. Ученія Записки втор. Отдѣленія Акад. Наукъ, кн. VI, стр. 33.

§ 86.

Гаданія.

Примѣта—это предназнаменованіе по такимъ явленіямъ, которыя находятся внѣ нашей воли и внѣ нашего вліянія. Примѣты на первый разъ кажутся случайными, но на самомъ дѣлѣ это своего рода таинственный голосъ судьбы или природы. Нерѣдко бывали случаи, когда человѣку хотѣлось предрѣшить тотъ или иной исходъ его дѣла, но онъ не могъ этого сдѣлать, такъ какъ не было повода къ предсказанію, не было соответствующихъ условій, которыя предзнамснуютъ удачу или неудачу. Тогда человѣкъ пытался искусственно создать такія условія, при которыхъ возможно предсказаніе будущаго; это и будетъ гаданіе. Способы гаданій разнообразны, но всѣ они отличаются тѣмъ, что условія для предсказанія создаются самимъ человѣкомъ; человѣкъ приспособляется или приспособляетъ предметы и явленія для своихъ цѣлей и такимъ образомъ искусственно создаетъ условія для сужденія о будущемъ.

Гаданія существовали и существуютъ у всѣхъ народовъ: они основываются на стремленія человѣка приподнять завѣсу будущаго. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что славяне въ древнѣйшее время употребляли гаданія. „Поклонялись они славяне“, пишетъ Прокопій Кесарійскій: „также рѣкамъ, нимфамъ и нѣкоторымъ другимъ духамъ, которымъ точно также жертвовали и притомъ гадали о будущемъ“¹⁾. Въ Ретрѣ и Анконѣ производились общественныя гаданія при посредствѣ священныхъ коней. Остатки такого гаданія сохранились и до нашихъ дней²⁾. Со введеніемъ на Руси христіанства у насъ появилось гаданіе по книгамъ Священнаго Писанія, заимствованное изъ Греціи. Владиміръ Волынской гадалъ по пророческимъ книгамъ и вслѣдствіе благоприятнаго отвѣта построилъ городъ³⁾. Домострой осуждаетъ

¹⁾ *Шафарикъ*. Славянск. древности. Пер. *Бодянского*. т. II, кн. III, приложение, стр. 87.

²⁾ Гадаю о суженомъ, крестьянскія дѣвушки выводятъ воюя изъ хлѣва чрезъ оглобли телѣги; если лошадь зацѣпнеть за оглоблю, мужъ будетъ сердитый, житье будетъ плохое; не зацѣпнеть—замужество будетъ счастливое. *Афанасьевъ*. Поэтич. воззр. I, 632. Этотъ обычай сохранился въ Смоленской губ.

³⁾ *Ипатьевск. лѣт.* подъ 1276 г., изд. Спб. 1871 г., стр. 577—578.

волхвованія и гаданія ¹⁾. Въ Стоглавѣ строго осуждаются различнаго рода гаданія: кто гадалъ, тѣмъ быть отъ благочестиваго царя въ великой ошлѣ и въ наказаніи, а отъ святителей по священнымъ правиломъ быти во отлученіи и въ проклятїи ²⁾. О распространенности у насъ гаданій свидѣтельствуетъ извѣстная статья „О книгахъ истинныхъ и ложныхъ“. Гаданіе близко соприкасается съ волхвованіемъ; иногда эти понятія совпадаютъ, въ сущности же они различны, вслѣдствіе чего, какъ въ древнее время, такъ и теперь, гаданіе и волхвованіе строго различались. Гаданіе, какъ выраженіе естественнаго стремленія узнать, опредѣлить будущее невинными средствами, не считалось предосудительнымъ. Думать и гадать почти синонимы. Гаданіе могло быть и посредствомъ волхвованія, такое гаданіе было уже преступнымъ. Вселенскіе соборы, какъ отмѣчаетъ Сперанскій, преслѣдуютъ волхвовъ и волхвованія, а не гаданія ³⁾. Но каноническія постановленія не различаютъ гаданій и волхвованій. Въ 13 правилѣ Номоканова читаемъ: „чародѣй, сирѣчь волхвъ, и прорицатель, восколей и оловолей... или чародѣйствуя въ бурю—да не причастятся 20 лѣтъ“ ⁴⁾. Разница между волхвомъ и восколеемъ весьма большая. Волхвы—это тѣ люди, которые дѣйствуютъ прѣ посредствомъ бѣсовъ ⁵⁾. Гадать же, напр. лить воскъ или олово, можетъ всякій, не состоя ни въ какихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ бѣсами и не причиняя никому вреда. Въ каноническихъ постановленіяхъ всякаго рода гаданія считаются волхвованіями, такъ какъ всѣ византійскія гаданія свое начало вели отъ временъ язычества. Но общество и государство отличали гаданіе отъ волхвованія: и въ Византіи и у насъ и то и другое считалось грѣхомъ, хотя не одинаково большимъ; и кромѣ того волшебство считалось еще государственнымъ преступленіемъ и каралось государствомъ.

¹⁾ Изд. Яковлева, гл. 8, стр. 16.

²⁾ Стоглавъ, глава 41, 17 и 22 вопросы нѣ въ вторыхъ.

³⁾ Сперанскій, Гаданія по псалтири, стр. 47.

⁴⁾ Павловъ. Номоканонъ при большомъ требникѣ. Москва, 1897 г. стр. 128.

⁵⁾ Павловъ. Номоканонъ, стр. 128.

Способовъ гаданія много. Наиболѣе распространены святочные гаданія ¹⁾. Изъ книгъ гадательнаго содержанія въ индексѣ XVII в. упомянутъ Лопаточникъ, которому посвящено особое изслѣдованіе проф. Сперанскаго ²⁾. Книги или статьи съ названіемъ Лопаточникъ пока не найдено, но есть сочиненіе, которое по содержанію должно быть названо Лопаточникомъ ³⁾. Эта книга не оригинальнаго содержанія. Переводъ Лопаточника относится къ періоду времени между XIV и XVI вв ⁴⁾. Лопаточникъ—книга для указанія гаданія по кости овцы. Этотъ видъ гаданія въ греко-римскомъ мірѣ имѣлъ названіе *ὀσπλάτομαντία*, *Scapulimantia* ⁵⁾. Гаданіе по лопаткѣ овцы извѣстно у многихъ народовъ; къ такому гаданію прибѣгалъ Атила; оно извѣстно арабамъ, нашимъ лопарямъ и проч. Самое гаданіе, какъ видно изъ приложеннаго Сперанскимъ рисунка съ объясненіемъ, довольно сложно.—Полагаемъ, что „метаніе“ Киприанова индкса не книга, а способъ гаданія. Гаданіе посредствомъ жребія было давно извѣстно на Руси. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ читаемъ слѣдующее: „на седьмьмъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу“,—Всеславъ гадалъ о дѣвущкѣ посредствомъ жребія. Извѣстно, что новгородцы при избраніи своихъ владыкъ прибѣгали къ жребію.

Въ Памятникахъ старинной русской литературы Кушелева—Безбородка помѣщены „Рафли, книга гадательная пророка и царя Давида“ ⁶⁾. „Пыпинъ ошибочно назвалъ эту книгу „рафлями“, какъ это указалъ Сперанскій. Изданная Пыпинымъ книга относится къ разряду гадательныхъ псалтирей ⁷⁾. Книга разбита на отдѣльныя рубрики, при которыхъ имѣется по три цифры. Вѣроятно, гадавшій бросалъ кубикъ или кубики съ цифрами на бокахъ и сообразно выпавшимъ цифрамъ подыскивалъ соответствующую статью. Что при гада-

¹⁾ О видахъ гаданія у Сахарова. Русское народное чернокнижіе. Изд. Суворина, 1885 г., стр. 127—147. *Суммоэ*. Культурныя переживанія, стр. 124—143.

²⁾ Изъ исторіи отреченныхъ книгъ, III, Лопаточникъ.

³⁾ *Ibid.*, стр. 7.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 10.

⁵⁾ *ibid.*, стр. 11.

⁶⁾ III, стр. 161—166.

⁷⁾ *Сперанскій*. Гаданія по псалтири, 1899 г., стр. 75—76.

ни употреблялось метаніе, это не подлежитъ сомнѣнію; въ самой „книгѣ“ неоднократно упоминается о метаніи: „добра меть“, „меть злая“, „сія рѣчь вельми подобная тебѣ, благая, что еси думалъ и металъ“... Въ каждой рубрикѣ есть выдержки изъ Псалтири; иногда приписываемое Давиду не можетъ ему принадлежать. Напр. 6-6-4: „Спасетъ Богъ волю твою и желаніе твое, о чемъ думалъ и гадалъ; о томъ царь Давидъ рече: аще о болѣзни,—болѣзнь не велика, встанеть; аще о дому,—въ домѣ твоёмъ здраво, а пропажа сыщется. Метъ добра“.—Гаданіе, какъ дѣяніе необычное, требующее особыхъ знаній и условій, всегда обставлялось тайной. Какъ извѣстно, все таинственное производитъ на душу человѣка особенное дѣйствіе: оно чаруетъ и въ то же время страшитъ; при гаданіи въ душѣ человѣка борются два чувства: желаніе узнать будущее и страхъ предъ этимъ будущимъ. Этому обстоятельству мы приписываемъ живучесть вѣрованія въ гаданіе, несмотря на преслѣдованіе церкви. Заканчивая нашу рѣчь о гаданіи, мы приведемъ выдержку изъ „Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ“, гдѣ рисуется поэтическая картина гаданія въ ночь передъ великой Куликовской битвой. Ночь была теплая, тихая. Великій князь Дмитрій Іоановичъ и воевода Дмитрій Волынскій выѣхали на Куликово поле, раздѣлявшее враждебныя рати. Князь былъ верхомъ на лошади. Стали слушать. „Обратився на полки татарскіе, князь слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются, аки города ставятъ, трубы гласяще. И бысть же казаци татарскихъ полковъ волцы воють вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше, и бысть великъ трепеть, птицамъ прелетающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки горамъ играюще, противу же имъ на рѣцѣхъ на Непрядвѣ гуси и лебеди и утята крылами плещуть необычайно и велику грозу подаютъ“. Затѣмъ великій князь обратился на русскую сторону и сталъ слушать. Но тамъ было все тихо, только отъ множества огней какъ бы заря занималась. Волынскій сказалъ, что это добрая примѣта и знаменіе. „Еще ми примѣта есть“, сказалъ Дмитрій Волынскій и, сойдя съ коня, припалъ правымъ ухомъ къ землѣ; долго такъ онъ лежалъ, а потомъ всталъ печальнымъ. Сначала онъ не хотѣлъ говорить, что слышалъ, и только по настоянію великаго князя рассказалъ о слышанномъ. Одна

примѣта, говоритъ онъ князю, тебѣ на пользу, а другая скорбная. „Слышахъ землю плачущую на двое, едина страна аки нѣкая жена плачущая чадѣ своихъ еллинскимъ языкомъ, другая же страна, аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ“. Волынецъ такъ изъяснилъ слышанное: „Азъ чаю побѣды на поганыхъ, а христіанъ множество падеть“¹⁾).

§ 87.

Предохранительныя и цѣлебныя средства. Вѣрованіе въ силу растеній.

Приобрѣтя способъ предугадывать явленія, т. е. установивши тѣмъ или инымъ способомъ причинную связь между явленіями, человѣкъ попытался утилизировать свое знаніе; онъ постарался скомбинировать факты и явленія такъ, чтобы они имѣли для него благоприятный исходъ. Конечно, человѣкъ не можетъ по своему усмотрѣнію быть хозяиномъ въ мірѣ и потому ему обыкновенно приходилось вводить какіе-либо новые факты въ цѣпь другихъ явленій, вносить, такъ сказать, желательныя для себя поправки и дополненія для своихъ цѣлей. Такъ поступаетъ въ настоящее время вооруженный реальными знаніями врачъ, устанавливая для больного режимъ жизни или вводя въ организмъ больного лѣкарство, которое, производя то или иное дѣйствіе, способствуетъ оздоровленію организма. И у современнаго врача и первобытнаго человѣка пріемы мышленія тѣ же, и методъ пользованія въ сущности тотъ же; но средства совершенно яныя. Первобытный человѣкъ вообще, и нашъ предокъ-язычникъ въ частности, не имѣя въ рукахъ истинныхъ знаній, пользовался преимущественно тѣмъ, что мы теперь называемъ „симпатическимъ средствомъ“. Результатомъ этого относительнаго успѣха знанія были различнаго рода лѣчебныя, предохранительныя и приворотныя средства. Кое-что изъ этихъ знаній имѣло реальное значеніе, напр., вѣрно было подмѣчено цѣлебное свойство нѣкоторыхъ травъ и растеній, но большинство такихъ вѣрованій представляетъ изъ себя настоящее суевѣріе, какъ-то: вѣра въ чудодѣйствен-

¹⁾ Шамбинаго. Повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ. Собрн. отд. русск. яз. Академ. Наукъ, т. LXXXI, № 7, приложение, стр. 25.

ныя свойства растеній, корней, костей; вѣра въ наузы, цѣлебную силу драгоцѣнныхъ камней и проч. Сюда же мы должны отнести и заговоры, такъ какъ дѣйствительный ихъ смыслъ народу не понятенъ, и народное пониманіе заговора должно быть признано суевѣріемъ. Большинство суевѣрій этого рода заключалось въ Зелейникахъ, весьма распространенныхъ въ древней Руси. Зелейники—это сборники, въ которыхъ, безъ опредѣленнаго плана и системы, содержались лѣчебныя, предохранительныя, приворотныя и иныя средства¹⁾. Вопросъ о Зелейникахъ, называемыхъ иногда Лѣчебниками или Травниками, достаточно не выясненъ. Не выяснено, откуда они къ намъ пришли: изъ Византіи при посредствѣ южныхъ славянъ, или съ Запада черезъ Польшу, или же возникли самостоятельно на русской почвѣ и только впоследствии восприняли посторонній элементъ. Вѣроятно же всего на Травникахъ и Зелейникахъ отражалось сложное вліяніе и Византіи и Запада; былъ и свой русскій элементъ. Наиболѣе ранними источниками нашихъ Зелейниковъ, какъ предполагаютъ, были византійскіе и болгарскіе; въ XVI в. къ прежнимъ источникамъ присоединяются западные. Въ Лѣчебникахъ свое русское переплеталось съ заимствованнымъ, иностраннымъ. Лѣчебники содержали въ себѣ не только медицинскія средства, но и такія, при посредствѣ которыхъ можно устроить или разстроить благополучіе человѣка, его семейное счастье, имущество и проч.

Н. М. Гальковскаго.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Булаевымъ указаны нѣкоторыя рукописныя книги лѣчебнаго содержанія. Рип. Моск. Синод. Библи. № 480 и 481; XVII в. Лечебн. Рум. Муз. № 262; Травникъ графа Уварова по каталог. Царскаго № 615. Булаевъ. Истор. очерк. II, стр. 33.—По рип. XVIII в. Зелейникъ напечатанъ Тихонравовымъ. Пам. отреч. лит., II, стр. 425—428.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Сентября

№ 17

1915 года.

Содержаніе. Воззваніе. — Разъясненіе Епархіальнаго Начальства. — Отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Харьковского Губернатора. — Епархіальныя извѣщенія.

I.

ВОЗЗВАНІЕ.

Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ благоугодно было образовать въ составѣ Верховнаго Совѣта Особую Комиссію по призрѣнію пострадавшихъ за время настоящей войны офицерскихъ и нижнихъ воинскихъ чиновъ, вольнонаемныхъ лицъ и служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ районахъ военныхъ дѣйствій, а также служащихъ въ тѣхъ же районахъ на правительственныхъ и земскихъ шоссеиныхъ и грунтовыхъ дорогахъ, а равно на водныхъ путяхъ, а также семей всѣхъ этихъ лицъ, какъ погибшихъ, такъ и пострадавшихъ на войнѣ, а председательствованіе въ этой Комиссіи Всемилостивѣйше возложить на меня.

Стремясь возможно полнѣе осуществить возложенныя на Особую Комиссію задачи и считая, что самою главною ея цѣлью должно быть повышеніе трудоспособности пострадавшихъ, я буду добиваться всѣми способами, дабы, по возвращеніи пострадавшихъ въ свои родныя семьи, они не только не были имъ въ тягость, а были бы такими же, какъ другіе, работниками, работающими, по волѣ Всевышняго, на другомъ поприщѣ.

Сознавая всю трудность поставленной цѣли, я вѣрю, однако, что милостью Божіею и благодаря содѣйствію всѣхъ русскихъ людей своими знаніями, трудами и пожертвованіями, по всей Россіи будутъ устроены необходимыя временныя и постоянныя убѣжища для восстановленія здоровья пострадавшихъ, обученія каждаго посильнымъ для него знаніямъ и ремесламъ, которыя дадутъ имъ душевную бодрость трудового человека, достатокъ, а, вмѣстѣ съ ними, всё осталь-

ныя радости жизни, а тяжело увѣчнымъ, не могущимъ обходиться безъ посторонней помощи и требующимъ помѣщенія въ постоянныя убѣжища, душевный и тѣлесный покой.

Для дѣтей павшихъ и пострадавшихъ героевъ предположено устраивать пріюты, школы и вообще всемѣрно заботиться объ ихъ воспитаніи и обученіи.

Всѣ, кто согласенъ работать въ указанномъ направленіи, всегда найдутъ во мнѣ и Особой Комиссіи полное сочувствіе, нравственную и посильную денежную помощь своимъ начинаніямъ.

Откликнитесь, Русскіе люди.

Помогите устроить тяжело увѣчныхъ, а кто можетъ изъ нихъ работать, тѣмъ дать вѣрный заработокъ.

Дѣтей же героевъ-воиновъ, отдавшихъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество, воспитать достойными изъ отцовъ.

Великая Княгиня Ксенія Александровна.

20 Августа 1915 года.

Разъясненіе Епархіальнаго Начальства.

Въ виду возникшихъ недоразумѣній по поводу воспрещенія совершать чинъ погребенія послѣ воскресной литургіи долгомъ считаю разъяснить духовенству епархіи, что воспрещено было внесеніе во время воскресной и праздничной литургіи въ приходскій храмъ гроба и обращеніе таковой литургіи въ заупокойную. Дѣйствительно, впечатлѣніе церковнаго праздника значительно омрачается, когда среди наполненнаго народомъ храма и торжественныхъ пѣснопѣній въ честь Воскресенія Христова или иныхъ искупительныхъ событій разносится мертвенный смрадъ, видится трупъ и раздастся заупокойное пѣніе. Церковный Уставъ прямо воспрещаетъ поминовеніе усопшихъ во дни воскресные, во дни пасхальной седмицы и въ великіе праздники. Однако тѣмъ-же Уставомъ вовсе не воспрещается совершать въ казіе бы ни было дни чина погребенія, который по смыслу нашего требника слѣдуетъ непосредственно за кончиной христіанина и вовсе не связанъ съ литургіей, каковая, сопровождаемая поминовеніемъ усопшаго, совершается въ 3-й, 9-й, 40-й и годовой день по его кончинѣ. Не воспрещаетъ и таинственно Епархіальное Начальство отгѣвять и погребать покойниковъ во дни воскресные, но съ

тѣмъ, чтобы они вносились въ храмъ послѣ литургіи, когда народъ отхлынетъ изъ церкви; въ будничные же дни покойника можно вносить въ храмъ и на всю литургію и даже съ вечера на всю ночь, а литургію служить заупокойную. Кромѣ того должно соблюдать и гражданскій законъ, воспреещающій погребальныя шествія въ высокаторжественныя Царскіе дни съ утра до отпѣванія вечерни.

А. Антоній.

6-го сентября 1915 года

№ 1322.

Отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Харьковскаго Губернатора.

*Ваше Высокопреосвященство,
Малостивгѣйшій Архипастырѣ.*

Съ чувствомъ глубокаго умиленія мною принято рѣшеніе Ваше о бесплатномъ размѣщеніи въ монастыряхъ ввѣренной Вамъ епархіи 1000 человекъ бѣженцевъ. Помощь Вашего Высокопреосвященства особенно теперь, когда городъ при всемъ желаніи не можетъ дать разомъ такую массу помѣщеній для прибывающихъ бѣженцевъ, является прямо спасительной и этимъ расквартированіемъ дастъ возможность расселить въ ближайшіе дни бѣднѣйшія изъ прибывшихъ въ Харьковъ семейства бѣженцевъ.

Прося Архипастырскихъ святыхъ молитвъ Вашихъ, имѣю честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою,

Н. Протасьевъ.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Діаконъ Архангело-Михайловской церкви с. Ольшаной, Лебединскаго уѣзда, *Матвѣй Горобецъ* 1 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви с. Петренково, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Заштатный священникъ *Іоаннъ Кулишовъ* 2 сентября опредѣленъ на таковое же мѣсто при Вознесенской церкви с. Зеликовки, Старобѣльскаго уѣзда.

3) Священникъ—бѣженецъ *Александръ Томашевичъ* 5 сентября опредѣленъ на таковое же мѣсто при Троицкой церкви с. Проруба, Сумскаго уѣзда.

4) Священникъ—бѣженецъ *Сергій Зуммеръ* 2 сентября опредѣленъ на таковое же мѣсто при церкви с. Курульки, Изюмскаго уѣзда.

5) Бывшій псаломщикъ *Сергій Царевскій* 28 августа опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Ольховаго Рога, Изюмскаго уѣзда.

6) Діаконъ—псаломщикъ церкви с. Ольховаго Рога, Изюмскаго уѣзда, *Григорій Войтовъ*, 27 августа опредѣленъ на діаконское мѣсто при церкви с. Селимовки, того-же уѣзда.

7) Сынъ діакона *Александръ Македонскій* 1 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Янцоля, Изюмскаго уѣзда.

8) Заштатный псаломщикъ *Антоній Червонецкій* 1 сентября опредѣленъ на таковое же мѣсто при церкви с. Гринцево, Лебединскаго уѣзда.

9) Крестьянинъ *Косьма Замай* 25 августа опредѣленъ на таковое же мѣсто при церкви с. Ново-Боровой, Старобѣльскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ церкви с. Великаго, Волчанскаго уѣзда, *Александръ Емельяненко*, согласно прошенію, 4 сентября перемѣщенъ въ церковь с. М. Чернетчины, Сумскаго уѣзда.

2) Священникъ Покровской церкви с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, *Антоній Минченко*, согласно прошенію, перемѣщенъ къ церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда.

3) Священникъ Покровской церкви с. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, *Александръ Савченко*, по прошенію, 1 сентября перемѣщенъ къ церкви с. Ново-Александровки, Бупянскаго уѣзда.

4) Священникъ церкви с. Печины, Ахтырскаго уѣзда, *Павелъ Васютинъ*, согласно его прошенію, 3 сентября перемѣщенъ къ Николаевской церкви с. Кармазиновки, Бупянскаго уѣзда.

5) Священникъ церкви с. Каменнаго, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Зеленскій*, по прошенію, 2 сентября перемѣщенъ на настоятельское мѣсто при Покровской церкви с. Терновъ Лебединскаго уѣзда.

6). Священникъ церкви с. Курульки, Изюмскаго уѣзда, *Александръ Данчалоъ*, по прошенію, 2 сентября перемѣщенъ къ церкви с. Каменнаго, Старобѣльскаго уѣзда.

7) Псаломщикъ церкви с. Кантакузово, Валковскаго уѣзда, *Евѣмій Перешивайловъ*, по прошенію, 25 августа перемѣщенъ къ церкви с. Ковяги, Валковскаго уѣзда.

8) Псаломщикъ церкви с. Штеповки, Лебединскаго уѣзда, *Наумъ Кравченко*, по прошенію, 29 августа перемѣщенъ къ церкви с. Кантакузово, Валковскаго уѣзда.

9) Псаломщикъ церкви с. Гринцево, Лебединскаго уѣзда, *Іоаннъ Пестряковъ*, по прошенію, 29 августа перемѣщенъ къ церкви с. Штеповки, Лебединскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи духовенства за штатъ.

1) Священникъ церкви с. Кармазиновки, Купянскаго уѣзда, *Антоній Васютинъ*, по прошенію, 3 сентября уволенъ за штатъ.

2) Священникъ церкви с. Проруба, Сумскаго уѣзда, *Савва Добромицкій*, по прошенію, 1 сентября уволенъ за штатъ.

3) Діаконъ церкви с. Селимовки, Изюмскаго уѣзда, *Владиміръ Войтовъ*, по прошенію, 27 августа уволенъ за штатъ.

4) Псаломщикъ церкви с. Ямноля, Изюмскаго уѣзда, *Стефанъ Андроновъ*, по прошенію, 1 сентября уволенъ за штатъ.

5) Псаломщикъ церкви с. Ново-Боровой, Старобѣльскаго уѣзда, *Тихонъ Шевцовъ*, по прошенію, 25 августа уволенъ за штатъ.

6) Псаломщикъ церкви с. Каменной Яруги, Зміевскаго уѣзда, *Іванъ Зарва*, 1 сентября уволенъ отъ мѣста.

4) Ванантныя мѣста.

1) Священническія:

При Николаевской церкви гор. Харькова.

« Архангело-Михайловской церкви с. Печины, Ахтырскаго уѣзда.

« Покровской церкви с. Великаго, Волчанскаго у.

2) Діаконскія:

При Архангело-Михайловской ц. с. Ольшаны, Лебединскаго уѣзда.

3) Псаломщицкія:

При Николаевской ц. с. Каменной Яруги, Зміевск. у.

« Владимірска-Богородичной церкви с. Должика, Харьковск. у.

« Еватерининской ц. с. Протопоповки, Изюмскаго у.

« Іоанно-Богословской ц. с. Пискуновки, Изюмскаго у.

II.

Содержаніе. Обь отсутствіи патриотизма у штундо-баптистовъ. *Архимандрита Аѳанасія*.—Епархіальная хроника.—Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго, въ Фомовскій монастырь и въ Старобѣльскій уѣздъ.—Начало учебнаго года въ Духовной Семинаріи.—Иноепархіальный отдѣлъ. Миссіонерскіе вечера.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Почему онъ пошелъ на войну.—Объявленія

Обь отсутствіи патриотизма у штундо-баптистовъ.

Прежде чѣмъ доказать отсутствіе патриотизма у штундо-баптистовъ, полагаю умѣстнымъ сообщить (хотя кратко), что это за секта: штундо-баптизмъ? Откуда и когда она появилась? Въ чемъ заключается вѣроученіе этой секты? и какъ она относится къ членамъ православно-русскаго общества?

Подъ именемъ баптизма разумѣется цѣлый рядъ протестантскихъ религіозныхъ сектъ, возникшихъ во времена Лютеровой реформаци. Основной пунктъ ихъ ученія состоитъ въ томъ, что они отвергаютъ крещеніе дѣтей и крестятъ только взрослыхъ и потому перекрещиваютъ всѣхъ, которые поступаютъ въ ихъ общину изъ другихъ исповѣданій; но въ другихъ пунктахъ своего ученія онѣ расходятся между собою. Одни изъ баптистскихъ сектъ отвергаютъ все внѣшнее и церковное богослуженіе, церковную іерархію и значеніе добрыхъ дѣлъ; другія, напротивъ, требовали аскетическаго отреченія отъ міра, съ которымъ они не хотѣли имѣть никакого общенія; третьи, слѣдуя буквѣ Св. Писанія, хотѣли возстановить въ христіанствѣ все въ томъ видѣ, въ какомъ Церковь существовала въ апостольскія времена; четвертыя проповѣдывали 1000-лѣтнее царство Христова, ожидая скорого пришествія Христова и возстановленія новаго Іерусалима; наконецъ, пятія проповѣдывали о внутреннемъ свѣтѣ или озареніи, проявляющемся въ фантастическихъ видѣніяхъ ¹⁾.

Пропагандистами штунды на западѣ были извѣстные сектанты XVII вѣка Франке и Шпенефъ, которые основали „Братство людей Божіихъ“. Это братство народъ обозвалъ

¹⁾ Протестантскія секты, протоіерея І. Лидерберга. Рига. 1891 г.

просто „штундою“ (Stunde), а его членовъ штундистами, такъ какъ на своихъ собраніяхъ они въ теченіи часа (Stunde) занимались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ чтеніемъ Библии и объясненіемъ ея. Такія штундовныя собранія происходили въ Вюртембергѣ, который поэтому и можетъ быть названъ колыбелью русской штунды. Въ 1817 году, *съ разрѣшенія русскаго правительства*, Вюртембергскіе штундисты переселились въ Россію и заняли самыя выгодныя мѣста въ южной Россіи: между прочимъ, на берегахъ Чернаго моря устроили свои колоніи ¹⁾.

Первымъ насадителемъ штундизма среди природнаго русскаго населенія былъ пасторъ Іоганнъ Бенекемперъ. Вюртембергскіе штундисты устраивали свои собранія въ колоніяхъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ школьныхъ зданіяхъ, куда собирались мужчины и женщины. Сначала они пѣли псалмы, а потомъ кто-либо „по вдохновенію“ произносилъ молитву. Читали Св. Писаніе и толковали его; затѣмъ пасторъ (большею частію) произносилъ проповѣдь и въ заключеніе произносилъ молитву, а присутствующіе пѣли псалмы.

На эти собранія были зазываемы и русскіе простолюдины, приходившіе въ нѣмецкія колоніи „на заработки“. Вотъ этими-то собраніями и воспользовался сынъ Бенекемпера для пропаганды штундизма въ Россіи. Онъ доказывалъ простымъ русскимъ крестьянамъ, что претестантство есть единственная, истинная, христіанская вѣра и подвергалъ рѣзкой критикѣ ученіе православной церкви, въ особенности ученіе о таинствахъ и обрядахъ, о поклоненіи иконамъ, о почитаніи св. мощей, о постахъ, о крестномъ знаменіи и проч. У Бенекемпера было много помощниковъ, а потому штунда распространялась быстро.

Начало штундизма въ Россіи нужно относить къ 1862 г.²⁾ Съ половины 1860-хъ годовъ штунда сразу охватила нѣсколько уѣздовъ Херсонской губерніи, въ которыхъ поселились штундисты—въ своихъ колоніяхъ. Изъ Херсонской губерніи штундизмъ занесенъ былъ въ Кіевскую губ., а потомъ изъ Херсонской губерніи штундизмъ распространился по всей Россіи.

¹⁾ Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ. Проф. прот. Т. И. Бутовича. Харьковъ. 1910 г.

²⁾ Ibid.

Особенно ревностными распространителями штундизма въ Херсонской губерніи были крестьяне: 1) Рябошапка, основавшій штундистскую общину въ 1876 году; 2) Ратушный, основатель штундистской общины въ селѣ Основѣ, главный помощникъ Бенекемпера, разъѣзжавшій подъ именемъ торговца по деревнямъ и, конечно, распространявшій штунду и 3) Цимбалъ. Въ 1876 году Рябошапка, сразу разбогатѣвшій, обратился уже съ ходатайствомъ къ Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору о дозволеніи „выйти ему съ 20 семействами новообращеннаго русскаго братства на вольныя степи и отдѣлиться отъ православныхъ постройкою и жительствомъ“ и кромѣ сего просилъ разрѣшить членамъ братства построить школу для дѣтей, которая могла бы замѣнить имъ молитвенный домъ.

Не объясняя, какъ и для чего образовалось братство, Рябошапка въ прошеніи своемъ излагалъ нѣкоторыя правила пзъ ученія новаго братства, заключающіяся въ томъ, что братство запрещаетъ пьянство и посягательство на чужую собственность и проповѣдуетъ взаимную помощь; что основой своего ученія братство признаетъ одно только Евангеліе; что иконы не обязательно должны быть для молитвы и что они могутъ быть только украшеніемъ комнатъ и проч. Дальше Рябошапки пошелъ Ратушный. Онъ въ 1879 году уже обратился со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ Государю Императору и просилъ о дарованіи членамъ братства „вольности религіи“ и о дозволеніи имъ свободно собираться для чтенія Евангелія и молитвы.

Въ Кіевской губерніи главнымъ вожакомъ и распространителемъ штундизма былъ крестьянинъ малороссъ Балабанъ. Съ появленіемъ Балабана въ дѣйствіяхъ сектантовъ сразу обнаружались рѣзкія и фанатическія проявленія кощунства и насмѣшекъ надъ обрядами православной Церкви, вражды къ духовенству и православному населенію.

Кромѣ Балабана дѣйствовали и многіе другіе энергичные и дерзкіе пропагандисты штундизма.

Въ 1880-хъ годахъ XIX столѣтія штундизмъ уже охватилъ весь югъ, а потомъ и центральныя губерніи Россіи. Впрочемъ въ это время штундизмъ еще не принялъ опредѣленной сектантской организаціи. Происходилъ еще процессъ броженія этой секты. Многіе изъ увлекшихся лже-

ученіемъ шунды еще не разорвали своихъ отношеній къ православной Церкви. Въ отдѣльную секту шундисты выдѣлились и разорвали всякую связь съ православною Церковію тогда только, когда слились съ *баптистами*, отъ которыхъ получили и свою вѣроисповѣдную систему и свой богослужебный строй¹⁾).

Баптизмъ какъ секта есть порожденіе реформаціи XVI вѣка. Основателемъ ея былъ нѣкто Мюнцеръ, ученый ораторъ. Сначала Мюнцеръ былъ въ большой дружбѣ съ Лютеромъ, но скоро оставилъ его и превратился въ непримиримаго врага Лютера. Онъ сталъ проповѣдывать свое собственное ученіе, которое заключалось въ слѣдующемъ: міръ погруженъ въ заблужденіе и развратъ, поэтому Богъ призвалъ новыхъ людей, вразумленныхъ Духомъ Святымъ, чтобы произвести реформацію во всемъ. Католическіе и лютеранскіе правители и священники не только бесполезны, но и вредны, такъ какъ они извратили заповѣди Божіи. Всѣ католическіе религіозные обряды порождены невѣжествомъ, суевѣріемъ и корыстолюбіемъ, а потому они должны быть уничтожены. Крестить младенцевъ, которые не имѣютъ вѣры, не слѣдуетъ. Церковь должна быть обществомъ только святыхъ. Но 15 мая 1525 года Мюнцеръ за ересь свою былъ казненъ²⁾).

Со смертію Мюнцера ученіе его не уничтожилось: остались многочисленные послѣдователи, между которыми въ особенности извѣстенъ портной Іоаннъ изъ Лейдена. Онъ со своими послѣдователями проповѣдывалъ о возстановленіи 1000-лѣтняго царства Христова на землѣ. Іоаннъ Лейденскій провозгласилъ себя королемъ вселенной и послалъ 28 апостоловъ во всѣ страны, чтобы привести ихъ подъ свою власть. Начались самыя чудовищныя безчинства: введено было многоженство, всѣ книги, кромѣ Библии, сожжены были въ Мюнстерѣ. Іоаннъ Лейденскій и его сподвижники были тоже казнены.

Долго баптисты, поселившіеся въ Россіи, домогались, чтобы русское правительство дозволило имъ „возвѣщать слово Божіе всѣмъ невѣрующимъ и невозрожденнымъ людямъ“—или, что тоже, открыто распространять въ Россіи

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

баптизмъ. Слѣдуя примѣру Германіи¹⁾, русское правительство долго не удовлетворяло такой просьбы—особенно въ виду *протеста лютеранской консисторіи*, но благодаря настойчивымъ домогательствамъ барона Наколай, въ 1879 г., состоялось постановленіе Государственнаго Совѣта, по которому баптистамъ дозволено было безпрепятственно исповѣдывать свое вѣроученіе въ Россіи и исполнять обряды вѣры по ихъ обычаямъ.

Первымъ изъ природныхъ *русскихъ* людей, обратившихся въ баптизмъ, былъ купецъ Никита Воронинъ, перекрещенный въ 1867 году *нѣмцемъ Кальбетомъ*; Воронинъ соблазнилъ своего прикащика Павлова, который затѣмъ получилъ специальное образованіе въ Гамбургской *миссіонерской семинаріи* и былъ наиболѣе выдающимся баптистскимъ миссіонеромъ въ Россіи.

Въ 1849 году на первой генеральной конференціи *нѣмецкихъ баптистовъ* въ Гамбургѣ было составлено „Изложеніе вѣры и уставъ общины крещенныхъ христіанъ, называемыхъ баптистами“. Это „Изложеніе вѣры“ принято русскими баптистами, какъ „символь вѣры“, и въ 1906 году отпечатано на русскомъ языкѣ. Съ 1880 года штундисты уже имѣютъ общіе съ баптистами молитвенные дома; обращаются съ своими религіозными нуждами къ *нѣмецкимъ баптистическимъ пресвитерамъ*, переводятъ на русской языкъ *нѣмецкіе баптистическіе сборники „Гимновъ“*, проповѣди и проч. и стали называться *русскими баптистами*, а въ литературѣ они обыкновенно называются штундо-баптистами.

Управленіе баптистами въ Россіи принадлежитъ „Все-россійскому Баптистическому Союзу“, который подчиненъ „Всемирному Баптистическому Союзу“. Всѣ баптисты въ Россіи раздѣлены на районы и каждый районъ управляется совѣтомъ. Каждая община имѣетъ своего пресвитера и проповѣдника или благовѣстника.

Всемирный Баптистическій Союзъ имѣетъ кассу, на счетъ этой кассы содержится множество миссіонеровъ, во главѣ которыхъ стоятъ: Павловъ, Ивановъ, Прицкау, Мазаевъ, Трудерунгъ, Пёркъ, Паннекоръ, Ленцъ, Фетлеръ (*недавно сосланный Правительствомъ въ Сибирь*) и другіе.

¹⁾ Миссіон. Обзорніе 1914 г. № 19.

Для подготовленія ученыхъ миссіонеровъ учреждены баптистическія миссіонерскія семинаріи: въ Лодзи (барономъ Иксулемъ фонъ Гильденбандомъ), въ Потсдамѣ (около Берлина), въ Митавѣ и въ мѣстечкѣ Астраханкѣ, Таврической губерніи... Кроме сего во всѣхъ раіонахъ ежегодно устраиваются миссіонерскіе курсы и сѣзды...

Русскіе баптисты издають нѣсколько журналовъ, изъ которыхъ главный—„Баптистъ“, и календари; имѣють свои бібліотеки, читальни, книжные магазины, училища для дѣтей и воскресныя школы для взрослыхъ. Благодаря этому штундо-баптизмъ въ настоящее время быстро распространяется по всей Россіи.

Согласно Гамбургскому „вѣроизложенію“¹⁾ штундо-баптисты учатъ, что только каноническія книги Ветхаго и Новаго завѣта истинно вдохновлены Св. Духомъ, такъ что только эти книги составляютъ Божественное Откровеніе и должны быть единственнымъ правиломъ вѣры и жизни. Впрочемъ штундо-баптисты допускають полный произволь въ толкованіи Св. Писанія.

Благодатными средствами для спасенія, по ученію штундо-баптистовъ, служатъ: слово Божіе, крещеніе и св. вечера.

Словомъ Божіимъ, говорятъ штундо-баптисты, человекъ пробуждается отъ грѣховнаго сна и сердечно раскаявается.

Крещеніе, по ученію штундо-баптистовъ, состоитъ въ томъ, что крещающійся на одно мгновеніе погружается въ воду—во имя Отца и Сына и Св. Духа, крещаемый погружается во Христа Иисуса и такимъ образомъ съ Нимъ умеръ, погребенъ и воскресъ, что всѣ его грѣхи омыты и что человекъ есть дитя Божіе.

О св. вечерѣ штундо-баптисты учатъ, что это благодатное установленіе состоитъ въ томъ, что преломляется хлѣбъ, который также, какъ и вино, вкушается членами церкви. Этимъ каждый разъ оживляется въ ихъ сердцахъ воспоминаніе о Сынѣ Божіемъ. Св. вечера совершается у штундо-баптистовъ по *мютеранскому служебнику*, который въ 1872 году, съ разрѣшенія *евангелическо-мютеранской консисторіи*, переведенъ на русскій языкъ и изданъ книгопро-

¹⁾ Обзоръ Русскихъ сектъ и ихъ толковъ. Проф.-прот. Т. И. Буткевича. Харьковъ. 1910 года.

давцемъ Риккеромъ въ видѣ приложенія къ сборнику „Гимновъ для христіанъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія“, въ дѣйствительности для штундо-баптистовъ, такъ какъ лютеране въ русскомъ переводѣ своего богослуженія, конечно, не нуждаются. Св. вечера совершается у штундо-баптистовъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Къ этому нужно добавить, что штундо-баптисты отвергаютъ почитаніе: 1) Божіей Матери, 2) необходимость крестнаго знаменія, 3) почитаніе иконъ и угодниковъ Божіихъ, 4) почитаніе мощей, 5) отвергаютъ посты и проч.

Архимандритъ Аванасій.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Повѣдка Высокопресвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго, въ Ѳомовскій монастырь и въ Старобѣльскій уѣздъ.

21 августа еяго года Высокопресвященнѣйшій Антоній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, отбылъ изъ г. Харькова для посѣщенія Ѳомовскаго монастыря и осмотра церкви Старобѣльскаго уѣзда, по составленному маршруту. 22 августа утромъ Владыка по пути въ Ѳомовскій монастырь осмотрѣлъ три приходскихъ церкви слободы Сватовой Лучки, Гупянскаго уѣзда, а также посѣтилъ здѣсь церковную второклассную учительскую школу, высшее народное училище и мѣстныхъ священниковъ. При посѣщеніи приходскихъ церквей Владыкою были сказаны соотвѣтствующія поученія прихожанамъ, а приходскими причтами были совершены краткія молебствія съ провозглашеніемъ положенныхъ многолѣтій. Въ 3 ч. дня Владыка прибылъ въ Ѳомовскій Успенско-Серафимовскій монастырь, гдѣ въ 6 час. вечера архіерейскимъ служеніемъ было совершено все-ношное бдѣніе, а 23 августа, въ воскресенье, Его Высокопресвященствомъ, въ сослуженіи архимандрита Трифона, ключаря каедр. собора протоіерея Л. Твердохлѣбова и мѣснаго духовенства, была совершена Возжественная литургія, на которой Владыкою было сказано слово о спасеніи чловѣка по евангельскому сказанію о посѣщеніи Господомъ Марыи и Маріи. Въ тотъ же день Владыка отбылъ изъ монастыря и, направляясь къ г. Старобѣльску, приступилъ къ осмотру церкви Старобѣльскаго уѣзда отъ 22 по 29 августа. Высокопресвященнѣйшимъ Архіепископомъ были осмотрѣны приходскія

церкви слѣдующихъ селеній уѣзда: сл. Рудовки, Чепиговки, Мостковъ, Климовки, Ново-Боровой, Калмыковки, Верхней Покровки, Нижней Покровки, Ново-Астрахани, Михайловки, Елифановки, Чебановки, Спѣваевки, Смольяниновой, Ново-Ахтырки, Безгиновой, Свято-Димитріевки, Алексѣевки, Волкодавовой, Колядовки, Тецкое, Шпотинной, Голодаевой и Лимана. При посѣщеніи церкви Владыка былъ встрѣченъ прихожанами съ хлѣбомъ—солюю и приходскими причтами, совершившими положенныя молебствія. Всѣ церкви были переполнены прихожанами, съ радостію встрѣчавшими своего Архипастыря, и радость ихъ была преисполнена, такъ какъ Владыка не оставилъ ни одной церкви безъ Архипастырскаго благословенія и назиданія прихожанъ на разные темы—о спасеніи, какъ цѣли земной жизни человѣка, о подражаніи жизни угодниковъ Божіихъ и о преданности вѣрѣ и благочестію, о преданности Государю и Отечеству, о любви къ ближнимъ и о помощи жертвамъ войны и проч. 28 августа въ вечеру Владыка прибылъ въ Старобѣльскій Скорбященскій монастырь, гдѣ въ 8 час. вечера архіерейскимъ служеніемъ было совершенно всеобщее бдѣніе, а 29 августа, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, Его Высокопреосвященствомъ, въ сослуженіи архимандрита Трифона, влючаря каедр. собора и мѣстнаго духовенства, была совершена панихида по скончавшимся воинамъ и затѣмъ Божественная литургія, на которой Владыкою было сказано слово о необходимости нравственнаго возрожденія современнаго общества. Послѣ литургіи Владыкою были посѣщены городскія церкви—Николаевская, Іоанно-Предтеченская и Митрофановская при городской богадѣльнѣ, въ которыхъ Владыкою также были сказаны соотвѣтствующія поученія. Въ 8 час. вечера въ городскомъ Покровскомъ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ было совершенно всеобщее бдѣніе, а 30 августа, въ воскресенье, Его Высокопреосвященствомъ была совершена Божественная литургія, на которой Владыкою было сказано слово на тему евангельской притчи о талантахъ. По окончаніи литургіи Владыкою на соборной площади было совершено торжественное молебствіе о дарованіи побѣды русскому воинству. Послѣ Богослуженія Владыка посѣтилъ настоятеля собора протоіерея В. Архстова и законоучителя гимназіи протоіерея Г. Поцова. 31 августа Его Высокопреосвященствомъ были посѣщены: мужская и женская гимназіи, учительская семинарія, высшее начальное училище, городская богадѣльня и двѣ земскія больницы. Въ 5 час. вечера Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній отбылъ изъ г. Старобѣльска въ г.

Харьковъ. Всего въ настоящую поѣздку Владыкою было осмотрѣно тридцать шесть церквей.

Ключарь кафедр. собора, *Протоіерей Л. Твердохлбовъ.*

Начало учебнаго года въ Духовной Семинаріи.

2-го сентября Высокопреосвященный Антоній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, прибывъ въ зданіе Семинаріи въ 9^{1/2} час. утра, служилъ молебенъ предъ началомъ учебныхъ занятій въ со- служеніи о. Ректора Семинаріи протоіеря А. Юшкова и прочаго ду- ховенства; по окончаніи молебна Владыка обратился къ воспитани- камъ Семинаріи съ рѣчью приблизительно такого содержанія.

Освященіе мұра въ Россіи совершается въ двухъ мѣстахъ, ду- ховное же мұро освящается и подается во всѣхъ церквахъ духов- ныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ призывается благословеніе Божіе на обученіе и воспитаніе юношества. Посему академическіе и семинар- скіе храмы особенно святы, хотя юноши иногда и оскверняютъ ихъ своимъ кощунствомъ, и особенно дороги должны быть намъ, хотя бы они и не были такъ богаты своими украшеніями. Въ сра- внительномъ удаленіи отъ мірской суеты духовное юношество близъ этихъ храмовъ готовится къ великому пастырскому служенію. Правда, не всѣ идутъ на это служеніе, но пріятно отмѣтить, гово- рилъ Владыка, то обстоятельство, что въ истекшемъ году во священ- ники пошелъ болѣе процентъ молодыхъ людей, чѣмъ за преды- дущіе годы. Теперь для духовнаго юношества предстоитъ еще боль- шій искусь, такъ какъ съ 4-го класса открытъ свободный доступъ въ университеты, и открывается такимъ образомъ возможность, не засиживаясь въ 5 и 6 классахъ, вступить чрезъ четыре года въ обладаніе всеми приманками жизни свѣтскаго человѣка—хорошее со- держаніе, легкость поведенія, театры и проч.—Человѣку, избравшему свѣтскую карьеру, нѣтъ нужды особенно влиять и углубляться въ духовныя запросы свои личные и другихъ людей, ибо для того, чтобы въ опредѣленные часы являться въ судъ съ портфелемъ въ рукахъ или чтобы лѣчить человѣка и домашній скотъ, нужно знать только чисто внѣшнія нормы жизни.

Но интеллигентное свѣтское современное общество едвали будетъ средюю, удовлетворяющей русскаго семинариста: его душа правдива, честна, неяснорочена, а въ обществѣ свѣтскомъ одна лживость, одно преклоненіе предъ матеріальными благами и успѣхомъ. Успѣхъ въ жизни—вотъ предъ чѣмъ всѣ преклоняются. Это прекрасно показала нынѣшняя война: пока русскія войска имѣли успѣхъ на полѣ брани, не замѣтно было агитаціи противъ правительства, не умялялись его

значеніе и достоинство, но какъ только война приняла неблагопріятный оборотъ, тотчасъ же заговорили о томъ, что правительство стоитъ не на высотѣ своего положенія, и стали сѣять раздоръ и смуту,—поступокъ въ отношеніи къ родинѣ такой, на какой, пожалуй, не рѣшились бы даже дивіе звѣри, когда ихъ постигаетъ общее несчастіе.

Правда, нѣкоторые идутъ на свѣтское поприще и уклоняются отъ пастырскаго служенія совершенно, повидимому, честно, утверждая, что они не чувствуютъ влеченія къ нему.—Конечно, если таковые и на другихъ служеніяхъ останутся добрыми христіанами, то значительная доля вины съ нихъ сымается, но кажется, продолжалъ Владыка, гораздо болѣе правды будетъ въ томъ, что большинство соблазняется болѣе легкою жизнію свѣтскихъ людей, и гораздо лучше было бы просто сознаться въ томъ, что служеніе пастырское намъ не подь силу, а вѣры въ благодать Божию, немощная врачующую, у насъ нѣтъ. Сколько бы ни указывали на то, что и на другихъ путяхъ жизни можно служить меньшей братіи, однако всякому здравомыслящему ясно, что священникъ ближе и тѣснѣе соприкасается съ народомъ, чѣмъ кто бы то ни было другой. Конечно, священникъ, если онъ хочетъ быть истиннымъ священникомъ, никогда не будетъ баринномъ и, пожалуй, навсегда останется полуинтеллигентомъ въ глазахъ общества,—но человѣку, дѣйствительно служащему пастырскому идеалу, это и не важно: вполне естественно, что у него всѣ иные запросы жизни настолько понижены, что потеряли всякую привлекательность и остроту. Что же касается среды, въ которой приходится служить сельскому священнику, то простой народъ гораздо выше изолгавшагося современнаго интеллигентнаго общества. Я самъ, говорилъ Владыка, только что вернулся изъ Старобѣльскаго уѣзда и находился тамъ въ общеніи съ крестьянами; и нужно было видѣть, какъ они чутки къ горю бѣженцевъ, когда я имъ указалъ на положеніи этихъ обездоленныхъ людей,—слезы невольно появлялись у нихъ на глазахъ, ибо они сами живутъ тяжелымъ трудомъ изо дня въ день и знаютъ всему настоящую цѣну.

Кто дѣйствительно проникся идеаломъ пастырскаго служенія, сказалъ въ заключеніе своей рѣчи Владыка, тотъ, даже если бы ему предлагали постъ министра, отказался бы, признавъ честь пастыря болѣе высокой, и продолжалъ бы въ тиши и безвѣстности сѣять евангельское сѣмя.

Преподавъ благословеніе всѣмъ присутствовавшимъ на молебнѣ, Высокопреосвященный Антоній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, прошелъ въ квартиру о. Ректора Семинаріи, гдѣ собрались всѣ

члены семинарской корпораціи, съ которыми Владыка изволилъ милостиво бесѣдовать.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

„Миссіонерскіе вечера“.

Симбирскій епархіальный миссіонерскій совѣтъ, по благословенію Симбирскаго архипастыря, Преосвященнѣйшаго Епископа Веніамина, ежегодно устраиваетъ торжественныя годичныя собранія своихъ членовъ и ревнителей православія, имѣющія цѣлью ознакомить мѣстное православное общество съ нуждами и задачами епархіальной миссіи и возбудить среди сыновъ православія ревность и усердіе къ дѣлу обращенія заблудшихъ. Собранія эти носятъ названіе „Миссіонерскихъ вечеровъ“ и сопровождаются, послѣ чтенія годичныхъ миссіонерскихъ отчетовъ, докладами и рефератами на современныя церковно-общественныя и богословско-миссіонерскія темы. Въ цѣляхъ большаго оживленія «миссіонерскихъ вечеровъ» въ ихъ программу обычно вводится литературно-вокальный отдѣлъ, состояющій изъ декламированія воспитанниками мѣстной духовной семинаріи выдающихся поэтическихъ произведеній, религіозно-патріотическаго характера и пѣнія духовныхъ концертовъ и гимновъ. Миссіонерскіе вечера въ Симбирскѣ проходятъ всегда очень оживленно и привлекаютъ массу интеллигентной публики. Идея устройства этихъ вечеровъ въ Симбирскѣ принадлежитъ Преосвященнѣйшему Веніамину, отличающемуся, вообще, горячимъ сочувствіемъ и глубокосерьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу миссіи.

Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ, что „миссіонерскіе вечера“ представляютъ собою одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и могущественныхъ средствъ для возбужденія въ обществѣ интереса и сочувственнаго отношенія къ дѣлу миссіи.

Особенно удачно прошель послѣдній вечеръ миссіонерскаго совѣта, устроенный въ богато убранномъ залѣ Симбирскаго городского управленія, который мѣстный городской голова Л. И. Аванасьевъ любезно предоставилъ въ распоряженіе совѣта. Вечеръ этотъ названъ былъ „миссіонерско-патріотическимъ“ въ виду того, что въ программу его введено было исполненіе, прекрасно-организованнымъ хоромъ мѣстной Чувашской учительской школы, народныхъ гимновъ: русскаго, черногорскаго, сербскаго, бельгійскаго, англійскаго и французскаго. Въ прочитанномъ на вечерѣ рефератѣ на тему „Православіе, сектанство и великая міровая война“ преподаватель

духов. семинаріи, протоіерей С. И. Введенскій картинно изобразилъ великую, объединяющую всѣхъ сыновъ Россіи, роль и высокое нравственное значеніе православія въ наступившую тяжкую годину міровой войны, сопоставивъ съ этимъ значеніемъ роль сектантства, съ его пацифистскими стремленіями, направленными къ подготовкѣ въ Россіи благоприятной почвы для тевтонскаго нашествія. Миссіонерско-патріотическій вечеръ вызвалъ въ собравшейся публикѣ высокой подъема религіозныхъ и патріотическихъ чувствъ.

Свящ. В. Садовскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Почему онъ пошелъ на войну...

(къ годовщинѣ смерти князя Д. А. Хилкова)

„Онъ же сказалъ ему: сынъ мой! ты всегда со мною, и все мое твое; а о томъ надобно было радоваться и веселиться, что братъ твой былъ мертвъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся“.
(Ев. Луки 15 гл. 31—32 ст.).

Какъ извѣстно, смерть на полѣ брани князя Д. А. Хилкова, толстовца и революціонера, въ свое время нашла обильный откликъ въ періодической печати. Съ легкой руки гр. Ильи Толстого, помѣстившаго съ театра войны корреспонденцію о смерти князя въ г. „Русское Слово“, въ которой, на основаніи небрежливости князя отъ вражескихъ пуль, Толстой сдѣлалъ догадку о яко бы своеобразномъ способѣ самоубійства князя, слухъ этотъ былъ повторенъ многими газетами. Была въ томъ же духѣ помѣщена замѣтка и въ Харьков. газ. „Южный Край“ Бодянскаго. Прошелъ почти годъ со времени смерти князя, но указанныя слухи въ заинтересованныхъ кругахъ не только не рушатся, но даже возрастаютъ, о чемъ я заключаю изъ получаемыхъ мною писемъ отъ бывшихъ единомышленниковъ князя, въ которыхъ они просятъ разрѣшенія своихъ недоумѣній по поводу циркулирующихъ слуховъ. И при томъ, надо сказать, что всѣ эти слухи принимаютъ такой возмутительный оттѣнокъ, что, очевидно, они имѣютъ своєю цѣлью загрязнить, обезцѣнить патріотическій подвигъ князя, да и вообще набросить тѣнь на послѣдніе годы его жизни.

Настоящая замѣтка и вызвана подобными слухами по поводу смерти на войнѣ князя.

Пусть же эти строки, съ одной стороны, послужатъ благодарною данью памяти князя (въ виду годовщины его смерти) отъ того, кто его хорошо зналъ и искренно уважалъ, а съ другой—послужатъ хотя косвеннымъ отвѣтомъ на всѣ тѣ возмутительные слухи, которые грубо нарушаютъ могильный покой князя и имѣютъ, очевидно, свою цѣлью замарать свѣтлую память о покойномъ. Почти четыре года я прожилъ вблизи князя и притомъ прожилъ въ тѣсномъ единеніи съ нимъ, часто посѣщалъ его для обмѣна впечатлѣніями, мнѣніями по поводу интересующихъ насъ обоихъ разнообразныхъ, главнымъ образомъ, религіозныхъ вопросовъ.

Теперь, когда князя нѣтъ уже въ живыхъ, перебирая въ памяти свои встрѣчи, бесѣды съ нимъ, мнѣ особенно памятна первая мая встрѣча съ нимъ и происшедшая тогда между нами бесѣда.

Эту встрѣчу и бесѣду съ княземъ я и хочу изложить здѣсь.

Имя князя Д. А. Хилзова, его опрощеніе, его свитанія были извѣстны далеко за предѣлами Харьковской губерніи, и вотъ мнѣ, волею Божіею, пришлось священствовать въ томъ приходѣ, въ районѣ котораго жилъ князь и осуществлялъ свое міропоняжаніе. По долгу службы, а еще болѣе по естественному любопытству я, по пріѣздѣ къ мѣсту служенія, постѣпилъ навѣстить князя. Это было въ августѣ мѣсяцѣ 1911 г. Ѣхать пришлось довольно долго, такъ какъ князь поселился подалеже отъ „поповъ“ въ концѣ наслѣннаго имъ же, главнымъ образомъ, своими послѣдователями крестьянами хутора Князева (Дмитріевка иначе). Усадьба князя расположена такимъ образомъ, что улица этой пресловутой колоніи упирается прямо въ княжескіе ворота. Вся усадьба князя (знаменитыхъ два надѣла земли, на которыхъ князь осуществлялъ свое опрощеніе) прекрасно воздѣлана и засажена хорошимъ плодовымъ садомъ; среди сада виднѣется домъ князя крестьянскаго типа, окруженный сплошною стѣною хозяйственныхъ построекъ. У воротъ усадьбы меня встрѣтила стая огромныхъ рыжихъ псовъ, весьма грозныхъ по виду, но добродушныхъ по характеру. На зай собаекъ изъ дома выбѣжала дѣвушка, быстро растворила ворота и такъ же послѣдно сврылась. Я остановился въ недоумѣніи среди двора, окруженный собаками. Почему-то я предполагалъ князя встрѣтить нелюдимаго, озлобленнаго неудачами и разочарованіями жизни, но на крыльцѣ меня привѣтствовала самая симпатичная, уже по первому взгляду, личность, которую я встрѣчалъ когда-либо въ своей жизни.

Князь, это былъ онъ, былъ одѣтъ въ синюю блузу и въ простыхъ сапогахъ. По одеждѣ его можно было бы принять за слугу, но лицо, обрамленное длинною свѣтлою бородою и украшенное пен-

сна въ роговой оправѣ на переносѣ, было чрезвычайно интеллигентно и, если можно такъ выразиться, породисто красиво. Сейчасъ оно было освѣщено красивою, любезною улыбкою. На любезное приглашеніе князя, я молча послѣдовалъ за нимъ въ комнаты. Комната, въ которую ввелъ меня князь, поразила меня своимъ видомъ, хотя ничего замѣчательнаго здѣсь не было. Комната была довольно низка, съ маленькими окошками. Въ ней стояли: въ одномъ углу верстакъ, въ другомъ—простая желѣзная кровать, около печки маленькій легкій диванчикъ, по срединѣ простой столъ, почти во всю стѣну были прибиты полки изъ некрашенныхъ досокъ, заваленныя книгами. Книги и газеты были навалены всюду: на верстакъ, кровати, стульяхъ, столѣ и даже на полу. Въ простѣнкахъ висѣло нѣсколько фотографическихъ портретовъ, близкихъ князю родныхъ и нѣсколько портретовъ обществен. и государ. дѣятелей, вырѣзанныхъ изъ газетъ. Какъ всегда почти случается между людьми малознакомыми, мы съ княземъ перекинулись нѣсколькими фразами о дорогѣ, погодѣ, вдругъ замолчали, и наступила тягостная пауза. Я подыскивалъ, о чемъ заговорить съ княземъ и, желая нарушить тягостное молчаніе, сказалъ ему, что слыхалъ о немъ, какъ о хорошемъ пчеловодѣ и хозяинѣ и потому хотѣлъ бы посмотреть его хозяйство и пасѣку. Прекрасно, отвѣтилъ князь,—бстати цѣка здѣсь уберуть и приготовить чай, а мы немного пройдемся. Князь надѣлъ простой синій картузь, какой носятъ мелкіе торговцы, взялъ палку, и мы отправились. Не стану описывать хозяйство князя, это не представляетъ особеннаго интереса, но не могу умолчать о сразу бросавшейся въ глаза характерной особенності хозяйствованія князя: видно было, что князь, хозяйствуя, мало преслѣдуетъ собственныхъ выгоды.

Такъ, у князя, при двухъ коровахъ былъ дорого стоящій ольденбургскій быкъ, при одной свинѣ хорошей юрширскій кабанъ, въ передней дома лежала груда простыхъ куриныхъ и утиныхъ яицъ, хотя простой породы птицъ у князя не было. Я обратилъ вниманіе князя на подмѣченную мною особенность его хозяйства, на что онъ скромно мнѣ замѣтилъ: „да, знаете ли, хотѣлось бы, чтобы и крестьяне могли получать пользу и понимать благо улучшеннаго скотоводства и вообще агрикультуры“. Тогда я вполне понялъ секретъ хозяйствованія князя: быкъ и кабанъ были въ распоряженіи крестьянъ, яйца породистыхъ птицъ князь мѣнялъ крестьянамъ на яйца простой породы птицъ; разводя лучшія породы картофеля и другихъ овощей, князь снабжалъ ими желающихъ и все это, конечно, дѣлалъ совершенно безкорытно. Дѣйствительно, у окрестныхъ крестьянъ птицы и животныя были улучшенной породы, въ огородахъ хорошія ово-

на пчельникѣ. Пасѣка, ведомая княземъ по системѣ свящ. Юшкова (о ней существуетъ прекрасная брошюра князя), дѣйствительно была образцовая. Между прочимъ, осматривая пасѣку, я обратилъ вниманіе на десятокъ отдѣльно стоящихъ рамочныхъ ульсвъ и указалъ на нихъ князю. Видите ли,—сказалъ князь,—у меня бываютъ липніе рои, я ихъ и посажу въ улей, который принесетъ желающій, а кетати снабжу его и своими наставленіями о рациональномъ веденіи пчеловодства.

Разговаривая, мы незамѣтно вышли въ поле и пошли по межѣ. Говорили мы о Думѣ, Столыпинѣ, о тогдашнихъ литературныхъ новостяхъ и какъ то, самъ собою, разговоръ перешелъ на темы, меня наиболѣе интересующія: о Толстомъ, его смерти и объ отношеніи князя къ писателю. Вотъ,—сказалъ князь,—меня все почти считаютъ толстовцомъ, но я себя такимъ не признаю. Да, я глубоко любилъ и уважалъ Льва Николаевича и охотно признаюсь, что онъ на меня имѣлъ большое вліяніе, но все-таки я не толстовецъ.

Съ Львомъ Николаевичамъ я расходился весьма во многомъ и притомъ въ самомъ существенномъ. Хотя и неловко,—продолжалъ князь,—говорить о себѣ, но чтобы вы могли понять меня, я расскажу нѣсколько эпизодовъ изъ своей жизни.

Помню, это было сейчасъ же послѣ русско-турецкой войны, у меня уже начиналось „это“, я гостилъ у матери здѣсь, въ Павловкахъ, и однажды поѣхалъ съ матерью показывать гостившимъ у насъ двумъ знатнымъ англичанкамъ Софроніевскій монастырь ¹⁾. Монахъ вездѣ насъ водилъ и все намъ показывалъ, а за нами ходило нѣсколько богомолковъ. Подъ конецъ монахъ повелъ насъ въ монастырскую ризницу, за нами пошли спутницы-богомолки. Монахъ, замѣтивъ ихъ, столь любезно и заискивающе говорившій съ нами, вдругъ грубо набросился на богомолковъ и сталъ выталкивать ихъ изъ ризницы. Не знаю, можетъ быть, это и глупо вышло, но меня такой поступокъ монаха настолько возмутилъ, что я ту же минуту бросилъ своихъ дамъ, вышелъ изъ храма и не хотѣлъ больше ничего осматривать.

Князь, искоса, поглядывалъ на меня и продолжалъ: когда я былъ высланъ изъ Россіи, то долго жилъ въ Жяневѣ, время было, передъ пресловутою русскою революціей, но время русско—японской войны, я числился въ партіи социаль—революціонеровъ и страшно случалъ безъ дѣла ²⁾ и потому исправно посѣщать собранія револю-

¹⁾ Расположенъ въ 25 в. отъ Павловокъ, въ Курской губ.

²⁾ Князь и въ японскую войну хотѣлъ идти добровольцемъ, но давалъ ходатайство, но генералъ Куропаткинъ отклонилъ его.

ціоннаго кружка, митинги и пр. Однажды, на партійномъ собраніи, одинъ изъ членовъ кружка проводилъ ту мысль, что когда въ Россіи начнется революція, то въ первую голову необходимо вѣнать православныхъ священниковъ, какъ оплотовъ реакціи. Всѣ соглашались молчаливо съ нимъ, но я съ своей стороны замѣтилъ: «хорошо, но въ такомъ случаѣ придется вѣнать и раввиновъ, чтобы соблюсти справедливость въ глазахъ народа!» Товарищи мои, изъ коихъ значительная часть была іудеевъ, косо на меня посмотрѣли и съ этого времени начали меня какъ то сторониться. Въ другой разъ, тоже на собраніи кружка, дебатировался вопросъ о будущемъ, послѣ революціи, учредительномъ собраніи, о членахъ его и др. Я, тоже присутствовавшій на этомъ собраніи, сказалъ: «а что если русскіе люди, избранные въ учредительное собраніе на основаніи прямой, равной, тайной и всеобщей подачи голосовъ народа, выскажутся за самодержавіе, то подчинимся ли мы голосу народа, а я не берусь утверждать, что этого не можетъ случиться?!» Мое заявленіе возмутило всѣхъ присутствовавшихъ, и одинъ изъ участниковъ собранія сказалъ мнѣ: «знаете, Димитрій Александровичъ, вы мыслите по—азіатски, а не по—европейски». Послѣ этого событія я,—продолжалъ князь,—отдалился отъ эмигрантскаго кружка, а затѣмъ, вскорѣ, и совсѣмъ выписался изъ социаль-революціонной партіи.

Солнце уже зашло, наступалъ холодный августовскій вечеръ, я вздрогнулъ. Князь, замѣтивъ это, сказалъ: «холодно уже, пойдемте въ хату!» Въ хатѣ насъ уже ждалъ весело—шумящій самоваръ и душистый медъ въ сотахъ.

Бесѣда наша снова возобновилась и затянулась до самого свѣта.

Послѣ этого перваго свиданія я видался съ княземъ все чаще и чаще. Бесѣды наши, сначала касавшіяся темъ политическихъ, общественныхъ и литературныхъ, все болѣе и болѣе принимали религіозный характеръ. И какъ странно, вѣроятно, было бы бывшимъ единомышленникамъ князя теперь увидать его, съ жаромъ цитировавшаго Св. отцовъ или по цѣлымъ днямъ излагавшаго на бумагѣ свои новыя, чисто православныя, понятія—о Церкви, благодати, спасеніи и др. ¹⁾ Князь любилъ повѣрять свои мысли бумагѣ. Свои писанія, статьи и письма князь прочитывалъ мнѣ и требовалъ беспощадной критики. Все болѣе и болѣе знакомясь съ исторіей христіанской Церкви, съ жизнеописаніемъ великихъ подвижниковъ вѣры и

¹⁾ Нѣкоторые письма князя по религіознымъ вопросамъ недавно опубликованы Новоселовымъ въ Московскомъ Академическомъ журналѣ.

жизни, съ православной догматикой, князь но разъ говорилъ мнѣ: «Неужели же необходимо было для меня столько лѣтъ блужданій и страданій, чтобы раскрылись мои глаза, и я могъ увидѣть то, что всегда было возлѣ меня, въ чемъ я родился и былъ воспитанъ? Вѣдь вы знаете теперь, что я былъ плохой толстовецъ и революционеръ, а скорѣе былъ по духу православнымъ. Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ князь,—меня просто не пустили въ Церковь, когда у меня заболѣла душа!» Однажды на эти сѣтованія я замѣтилъ князю: «Нѣтъ, князь, васъ не пустилъ въ Церковь вашъ же *малый* разумъ, въ которомъ вы хотѣли найти оправданіе своей жизни. Видно, для васъ было необходимо, чтобы вы испытаніями цѣлой жизни пришли къ тому, чего раньше не могли оцѣнить и даже отвергали, какъ ненужное». — «Да, да,—замѣтилъ князь,—это, вѣроятно, такъ. Дѣйствительно, какъ глубоки и теперь понятны мнѣ слова Евангелія: «Камень, который отвергли строители, тотъ самый сдѣлался главою угла» (Ев. Матѣ. 21 г. 42 ст.). Продолжая мысль князя, я, помню, тогда сказалъ ему: а помните, князь, слова Апостола Павла: «Слово бо врестное погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть» (1 Кор. 1 г. 18 ст.). «Да, да, отвѣтилъ князь,—здѣсь явно ап-къ разумѣетъ малый разумъ человѣческій, погибающій и не могущій постигнуть «Слова Крестнаго». Но вотъ вспыхнула война. Князь, сперва далекій отъ мысли ѣхать на войну, началъ волноваться и задумываться. Всеобщій энтузіазмъ заражалъ и его. Особенное впечатлѣніе на него произвело назначеніе Верховнымъ Главнокомандующимъ В. К. Николая Николаевича, котораго Хилковъ зналъ и искренно уважалъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и началъ собираться. «Знаете,—говорилъ князь,—когда я пришелъ къ нему на очередную бесѣду, ну какъ я буду сидѣть здѣсь на хуторѣ, хозяйничать, когда тамъ рѣшаются вѣковые вопросы жизни Россіи!» Уѣзжая въ тотъ день отъ князя, я дорогою, вспомянувъ подробности нашей прощальной бесѣды, подумалъ: дѣйствительно, князь не могъ не ѣхать на войну, и мнѣ почему то со всею ясностію припомнилась первая встрѣча съ нимъ и происшедшая между нами бесѣда.

9 августа князь уѣхалъ, 13 октября я уже прочелъ въ газетахъ о его смерти, а вскорѣ въ газетахъ земельвали замѣтки о смерти князя съ перепечатками изъ «Русскаго Слова» корреспонденціи г-р. Иліи Толстого. Я тогда же былъ страшно возмущенъ газетными намышленіями и готовъ даже былъ писать свои возраженія, но потомъ, успокоившись, подумалъ, что иначе и не могло быть: ибо міръ не хотѣлъ безъ выкуна отпустить своей жертвы.

Свящ. Іаковъ Приходимъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ Всероссійское Общество Здравницъ

въ память войны 1914—1915 г.г.

Безпримѣрная въ исторіи человѣчества по напряженію и разрушительности настоящая міровая война должна, къ сожалѣнію, оставить въ насѣмъ отечествѣ много такихъ жертвъ, которыя не скоро въ состояніи будутъ оправиться отъ послѣдствій какъ полученныхъ ими огнестрѣльныхъ раненій, такъ равно перенесенныхъ въ условіяхъ военно-походной обстановки острыхъ заболѣваній и вызваннаго боевой жизнью физическаго и нервнаго переутомленія.

Съ другой стороны, множество семей участниковъ войны, частью павшихъ на полѣ брани, частью ставшихъ неработоспособными, окажутся лишенными своихъ кормильцевъ и, въ случаѣ болѣзни, останутся безъ ихъ отеческихъ заботъ и попеченій.

Наконецъ, многіе, не участвовавшіе непосредственно въ войнѣ, будутъ раззорены, въ особенности въ районѣ военныхъ дѣйствій, и не скоро найдутъ возможность въ достаточной мѣрѣ возстановить свои матеріальныя средства, которыя столь необходимы для леченія всякаго длительного заболѣванія.

Обо всѣхъ жертвахъ войны съ самаго начала ея неусыпно заботятся какъ правительство, такъ и общество, стремящіяся поддержать потерпѣвшихъ матеріально и духовно, дабы хотя отчасти облегчить имъ и ихъ семьямъ возможность пережить исключительно тяжелое для всей страны время.

Для того же, чтобы возможно скорѣе оправиться отъ тягостныхъ послѣдствій войны, необходимо прежде всего здоровье населенія, какъ главнѣйшій залогъ процвѣтанія Государства при условіи трудолюбія, настойчивости и выносливости, которыми силенъ русскій народный духъ.

Въ обезпеченіе наиболѣе полного возстановленія потеряннаго здоровья населенія, необходимымъ является предоставленіе участникамъ войны и пострадавшимъ отъ нея широкой возможности пользоваться доступной медицинскою помощью въ обстановкѣ такихъ лечебныхъ учрежденій, гдѣ больной подвергнется всестороннему клиническому обследованію и леченію—главнымъ образомъ, физическими и естественными способами—и сможетъ научиться необходимому для него въ дальнѣйшей жизни режиму, а также гдѣ-бы онъ могъ найти ту обстановку, которая должна своимъ уютомъ замѣнить ему тепло и свѣтъ родного очага.

Съ этою цѣлью ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЫНЕЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ АЛЕКСАНДРОЙ ѲЕОДОРОВНОЮ призвано къ жизни и принято подъ АВГУСТѢЙШЕЕ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА покровительство „Всероссійское Общество Здравницъ въ память войны 1914—1915 г.г.“, уставъ коего ВЫСОЧАЙШЕ утверждёнъ въ Царской Ставкѣ 10-го мая с. г.

ВГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРУ ИМПЕРАТОРУ благоудодно было положить начало матеріальному обезпеченію Общества пожалованіемъ капитала свыше 600 тысячъ рублей.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, по всепреданнѣйшему ходатайству членовъ-учредителей, озабочивала Всероссійское Общество Здравницъ передачей въ вѣдѣніе его здравницъ Своего Имени—въ Массандрѣ и Желѣзноводскѣ.

Кромѣ того, Общество уже сейчасъ располагаетъ цѣлымъ рядомъ имущественныхъ пожертвованій въ видѣ земельныхъ участковъ и усадебъ—на Черноморскомъ побережьѣ, въ Крыму и въ центрѣ Россіи.

Такимъ образомъ, новое Общество на первыхъ же порахъ своей дѣятельности ободрено высокимъ вниманіемъ Монарха, оно одушевлено заботами Царицы о преуспѣяніи его дѣятельности и видитъ сочувствіе общества. Поэтому оно твердо увѣрено въ своей жизненности, такъ какъ знаетъ, что всегда найдетъ въ средѣ сочувствующихъ—работниковъ, которые захотятъ принести пользу дѣлу, говорящему такъ много за себя.

Но для того, чтобы возможно шире и полнѣе развернуть дѣятельность „Всероссійскаго Общества Здравницъ“, необходимо, чтобы оно дѣйствительно было всероссійскимъ, чтобы русское общество было ближайшимъ образомъ освѣдомлено о цѣляхъ и задачахъ его дѣятельности и знало, какимъ путемъ оно можетъ личнымъ участіемъ или пожертвованіями придти ему на помощь и тѣмъ содѣйствовать успѣху новаго культурнаго отечественнаго начинанія, преслѣдующаго свѣтлую задачу путемъ распространенія въ Россіи научно поставленныхъ здравницъ (клиническихъ санаторій), способствовать государственному дѣлу оздоровленія населенія.

Въ цѣляхъ предоставленія русскому обществу возможности войти въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ дѣятельностью отдѣльныхъ организацій „Всероссійскаго Общества Здравницъ въ память войны 1914—1915 г.г.“, Собраніе Учредителей постановило обратиться къ вѣдомствамъ, учрежденіямъ, общественнымъ организаціямъ, обществу офицеровъ въ лицѣ командировъ отдѣльныхъ частей, печати, частнымъ лицамъ и предпріятіямъ съ предложеніемъ участвовать личнымъ трудомъ или пожертвованіемъ необходимой суммы на содержаніе именованныхъ помѣщеній, которыя должны явиться вѣчнымъ христіанскимъ памятникомъ доблести нашихъ героевъ отъ благодарнаго русскаго общества.

Члены Учредители: Предсѣдатель О-ва, Свиты Его Величества гон.-майоръ **Воейковъ**, Товарищъ Предсѣдателя, лейбт.-медики, проф. **В. Скотининъ**, лейбт.-медики Его Величества **Ев. Боткинъ**, д-ръ **Б. Бѣляевъ**, полковникъ **Вильчковскій**, управляющій дѣлами Верховнаго Совѣта, членъ Совѣта **Г. Витте**, д-ръ мед. княжна **Гедройцъ**, д. с. с. **В. Давыдовъ**, **Е. Ф. Давыдовъ**, въ д. гофмейстера графъ **Я. Ростовцевъ**.

**Совѣтъ для усиленія средствъ Елисаветинской Общины сестеръ милосердія
Россійскаго Общества КРАСНАГО КРЕСТА**

— Петроградъ, Полкостровская наб., д. № 56. —

ПРИНИМАЕТЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯ на нужды **ОВЩИНЫ**
и ея **ЛЕЧЕБНИЦЪ**,

при чемъ въ память о пожертвованіи одновременно не менѣе 10 руб. выдаетъ **СЕРЕБРЯНЫЕ**, а не менѣе 100 руб. **ЗОЛОТЫЕ ЖЕТОНЫ**. Деньги слѣдуетъ посылать: въ Петроградъ, Водопроводный пер. д. № 4, чрезъ 15-е п.т. о. Совѣту для усиленія средствъ Елисаветинской Общины сестеръ милосердія.

Въ слоб. **Ковягахъ**, Валковскаго уѣзда продается **СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ**. Просимъ добрыхъ людей пожертвовать за нее 2000 руб.

Адресъ: Станція Новяга Южн. ж. д., причту Рождество-Богородичной церкви.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочими слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религиозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ пастырей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Короуновскаго.— „Религиозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Биографическій очеркъ Свящ. Т. Бутковича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ воиныхъ помѣшено „Изложеніе ученія касательно православной Церкви, съ указаніемъ разности, которая усматривается въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія призыванія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ?“—В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаци“. К. Истомина.— „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единадцатилѣтія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Статьи объ антихристѣ“. Проф. А. Д. Вьялева.— „Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“. Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала субъективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— „Чтеніе по космологіи“. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова, Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщались были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

